П. С. Пользинскій.

Дѣтскій міръ

въ произведеніяхъ Достоевскаго.

ОПЫТЪ

психологическаго разбора дѣтскихъ типовъ Достоевскаго

въ связи

съ его сужденіями о воспитаніи.

Ревель, 1891.

Печатня Г. Матизена.

Л. С. Пользинскій.

Дѣтскій міръ

въ произведеніяхъ Достоевскаго.

Опытъ

психологическаго разбора дѣтскихъ типовъ Достоевскаго

въ связи

съ его сужденіями о воспитаніи.

Изданіе журнала „Гимназія“.

Ревель, 1891.

Печатня Г. Матизена.

Дозволено цензурою. — Ревель, 10 Декабря 1891 г.

Дѣтскій міръ въ произведеніяхъ Достоевскаго.

(Опытъ психологическаго разбора дѣтскихъ типовъ Достоевскаго въ связи съ его сужденіями о воспитаніи.)

П. С. Пользинскій, Ревель.

Сочиненія Ѳ. М. Достоевскаго подвергались разбору съ самыхъ различныхъ точекъ зрѣнія, причемъ за авторомъ ихъ давно утвердился авторитетъ тонкаго психолога и глубокаго знатока души человѣческой. Уже по одному этому педагогія не можетъ, съ своей стороны, оставить безъ вниманія произведенія Достоевскаго и не присмотрѣться къ тому, какъ изображаются имъ проявленія душевной жизни въ дѣтяхъ. Съ этимъ вмѣстѣ можетъ быть связана и другая задача: выяснить, какъ рѣшаетъ съ своей стороны этотъ глубокій сердцевѣдъ вопросъ о тѣхъ пріемахъ и средствахъ, которыми руководится воспитательная дѣятельность на практикѣ.

Въ предлагаемомъ очеркѣ мы подходимъ къ сочиненіямъ Достоевскаго съ этой именно стороны. Мы позволимъ себѣ посмотрѣть на нихъ какъ на картины дѣйствительной жизни, въ которыхъ художникъ, обладающій удивительнымъ пониманіемъ души человѣческой, представляетъ намъ различныя явленія дѣтской жизни. Оставляемъ въ сторонѣ вопросъ о томъ, насколько могутъ быть пригодны для указанной цѣли сочиненія Достоевскаго. Утверждаютъ, что избранная имъ для художественнаго изображенія область есть по преимуществу область болѣзненныхъ душевныхъ явленій, что излюбленный имъ характеръ психопатическій, во всякомъ случаѣ — исключительный. Какъ бы ни былъ исключителенъ изображенный имъ міръ душевныхъ явленій, за своеобразными проявленіями психической жизни его героевъ лежитъ по большей части чистая основа человѣческой души. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда мы явно видимъ личности съ ненормальнымъ психическимъ строемъ, самая ненормальность ихъ можетъ представлять свой интересъ: художественное изображеніе можетъ освѣтить намъ тѣ усло-

вія, которыя способствовали ихъ неправильному развитію, и тѣмъ самымъ помочь рѣшенію важныхъ практическихъ задачъ.

Соотвѣтственно намѣченной цѣли, мы прежде всего постараемся опредѣлить въ общихъ чертахъ характерныя свойства главнѣйшихъ лицъ выведеннаго въ произведеніяхъ Достоевскаго дѣтскаго міра и затѣмъ извлечь отсюда то, что можетъ быть принято какъ имѣющее значеніе общихъ проявленій душевной жизни ребенка. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы сгруппируемъ въ одно цѣлое все то, что содержитъ собственные взгляды Достоевскаго на воспитаніе, высказанные имъ то лично отъ себя, то отъ лица его героевъ, за которыми нерѣдко скрывается самъ психологъ-художникъ. Нужно замѣтить, впрочемъ, что, излагая собственныя сужденія по данному вопросу въ качествѣ публициста, Достоевскій высказывается не столько въ положительномъ, сколько въ отрицательномъ смыслѣ, отмѣчая преимущественно тѣ явленія, въ которыхъ выступаетъ на видъ дурная постановка воспитанія въ современной ему жизни.

Поэтому, прежде чѣмъ выяснить его личные взгляды, мы должны будемъ указать, какъ смотрѣлъ онъ на положеніе воспитательнаго дѣла въ образованныхъ кругахъ современнаго ему общества, какія явленія считалъ онъ противными истиннымъ задачамъ воспитанія, и отсюда уже подойти къ его положительнымъ взглядамъ на данный предметъ.

I.

Въ 1876 г. Достоевскій писалъ въ своемъ „Дневникѣ“, что онъ „поставилъ себѣ идеаломъ написать романъ о русскихъ дѣтяхъ“*). Намѣреніе не было исполнено: отдѣльнаго романа изъ дѣтской жизни Достоевскій не написалъ, но на страницахъ изданныхъ имъ романовъ и повѣстей онъ часто выводилъ дѣтей, которымъ принадлежало его сердце наравнѣ съ униженными и оскорбленными.

Выведенныя имъ личности изъ дѣтскаго міра не выражаютъ, конечно, всѣхъ видоизмѣненій дѣтскаго характера, но и не представляютъ собою одного лишь повторенія излюбленнаго типа. Намъ представляется возможнымъ раздѣлить ихъ на нѣсколько группъ, соотвѣтственно тому, какъ выразилось общее направленіе ихъ умственнаго и нравственнаго развитія. Существенныя особенности каждой изъ этихъ группъ опредѣляются не столько свойствами темпераментовъ входящихъ въ каждую группу лицъ, сколько общимъ складомъ ихъ внутренней жизни.

Въ такой группировкѣ мы и будемъ ихъ разсматривать, выдѣляя на первый планъ то, что составляетъ особенность ихъ какъ типа.

Сдѣлаемъ при этомъ одну оговорку: обращаясь съ литературными характерами, какъ съ живыми примѣрами вліянія тѣхъ или другихъ воспи-

*) Полное Собр. соч. Достоевскаго въ 6 томахъ, изд. 1885—1886 г. т. V, стр. 262. Всѣ дальнѣйшія ссылки дѣлаются по этому изданію.

тательныхъ условій, мы должны по неволѣ считаться съ ихъ нереальностью, въ смыслѣ безусловной правдивости. Какъ романистъ, Достоевскій не могъ, конечно, брать заурядныхъ явленій сѣренькой дѣйствительности: онъ создавалъ типъ, и потому, по литературнымъ условіямъ, долженъ былъ представить наиболѣе рѣзкія проявленія характеровъ. Но выполненіе художественныхъ требованій не заслоняетъ, конечно, психологической основы типа, которая въ данномъ случаѣ и представляетъ главный интересъ.

Наиболѣе родственнымъ таланту Достоевскаго является, кажется, типъ дѣтей, развитіе которыхъ совершается при условіяхъ гнетущей нужды и тяжелой жизненной обстановки. Подъ воздѣйствіемъ подобныхъ условій складываются особые характеры, съ рѣзко выдающимися отличительными свойствами. У Достоевскаго три такихъ характера: Нелли („Униженные и Оскорбленные“), Нета („Неточка Незванова“) и Илюша („Братья Карамазовы“).

Въ дѣтяхъ, развивающихся среди вѣчной нужды и другихъ тяжелыхъ жизненныхъ условій, всегда можно встрѣтить общія черты, не смотря на несходство ихъ природныхъ задатковъ. Наиболѣе характерной особенностью такихъ дѣтей, по крайней мѣрѣ на первый взглядъ, является ихъ нелюдимость. Очевидно, раннее знакомство съ горемъ, недоступность свѣтлыхъ впечатлѣній, наконецъ угрюмый нравъ окружающихъ, составляющій обычное явленіе при гнетущей бѣдности и вѣчномъ горѣ, рождаютъ въ нихъ прежде всего недовѣріе къ людямъ. Оттого по первому впечатлѣнію, которое оставляютъ они въ другихъ, ихъ принимаютъ за тупыхъ, забитыхъ и неразвитыхъ. Но на самомъ дѣлѣ, внутренняя жизнь этихъ дѣтей можетъ быть богата содержаніемъ, и если судьба хоть что-нибудь дала имъ отъ себя, въ видѣ ли природныхъ задатковъ, или случайно-благопріятныхъ вліяній, развитіе ихъ можетъ пойти далеко. Такъ, въ противоположность кажущейся забитости, въ нихъ встрѣчается иногда необыкновенно сильное проявленіе личности: отъ постоянной боязни душа становится чуткой и подозрительной; отсюда шагъ до развитія самолюбія и чрезмѣрно легкой возбудимости подъ вліяніемъ обиды. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по своимъ нравственнымъ основамъ, эти характеры представляютъ иногда возможность совмѣщенія самыхъ противоположныхъ моральныхъ свойствъ: сильная, самоотверженная любовь къ близкимъ имъ людямъ нерѣдко обусловливаетъ въ нихъ глубокую ненависть къ тому, кто вздумалъ бы оскорбить любимое ими существо. Наконецъ, тѣже условія могутъ способствовать развитію и интелектуальныхъ силъ души: чуждающійся свѣта и людей ребенокъ иногда бываетъ способенъ много думать; при этомъ мысль, лишенная реальной пищи, работаетъ надъ собственными созданіями; отсюда усиленная игра фантазіи, что въ свою очередь можетъ способствовать движенію мысли.

Изъ трехъ поименованныхъ выше лицъ сильнѣе всего сказалось вліяніе тяжелыхъ условій жизни на характерѣ Нелли („Униженные и Оскорбленные“).

По описанію Достоевскаго, многія изъ указанныхъ выше общихъ свойствъ этого типа проявлялись уже въ самой наружности Нелли.

По словамъ лица, отъ котораго ведется разсказъ, „особенно поражалъ ея взглядъ: въ немъ сверкалъ умъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и какая-то инквизиторская недовѣрчивость и даже подозрительность .... Губы, прекрасно обрисованныя, съ какой-то гордой, смѣлой складкой“ (II, Ун. и Оск. 63). Очутившись лицомъ къ лицу съ незнакомымъ человѣкомъ, дѣвочка испуганно дрожала и недовѣрчиво относилась къ задаваемымъ ей вопросамъ. Даже и потомъ, когда она не могла не видѣть, что человѣкъ этотъ спасъ ее отъ вѣрной гибели, въ ней все еще проявляется какъ бы недовѣріе: бѣдняжка точно боялась обмануться и старалась подавить въ себѣ самое чувство благодарности. „Она смотрѣла такъ, какъ будто никогда и не видывала добрыхъ людей“ (стр. 85). Очевидно, она даже не могла допустить той мысли, что можетъ быть и безкорыстное добро, и потому, напримѣръ, покупка для нея Иваномъ Петровичемъ, разсказчикомъ повѣсти, новаго платья видимо поразила ее. „Все время, какъ я зналъ ее,“ говоритъ это-же лицо, „она, не смотря на то, что любила меня всѣмъ сердцемъ своимъ, самою свѣтлою и ясною любовью, ... рѣдко была со мной наружу“ (стр. 96). Было бы однако несправедливо дѣлать отсюда заключеніе о недоступности для нея нѣжныхъ движеній души. Какъ ни была она, повидимому, замкнута и углублена въ себя, „добренькое и нѣжное ея сердце выглядывало наружу, не смотря на всю ея нелюдимость и ожесточеніе“ (стр. 82). На это сердце можно было подѣйствовать лаской и добротой, и въ первый-же разъ, когда она испытала это доброту, „что-то мягкое, нѣжное засвѣтилось въ глазахъ ея“ (стр. 86). Но помимо вѣчной боязни и недовѣрчивости, мѣшало ей откликнуться на выказываемое участіе и ея самолюбіе, развитое въ ней до крайнихъ размѣровъ. Подъ его вліяніемъ Нелли никакъ не рѣшалась воспользоваться пріютомъ, который далъ ей Иванъ Петровичъ (разсказчикъ повѣсти), и всѣми силами старалась доказать, что живетъ у него не даромъ. Она рѣшила про себя заслужить право пребыванія въ чужомъ домѣ работой и услугами, и можно повѣрить, что она предпочла бы возвратиться опять туда, гдѣ видѣла столько горя и несправедливостей, чѣмъ незаслуженно пользоваться гостепріимствомъ. Во всемъ этомъ проявлялось какое-то ожесточеніе, но не отъ черствости сердца, а именно отъ самолюбія и гордости. Подъ вліяніемъ этихъ свойствъ она настойчиво домогалась своего и не останавливалась надъ препятствіями. Она разбила чайную чашку и пошла просить милостыню, чтобы имѣть возможность на выпрошенныя деньги купить новую. По поводу этого поступка ея Достоевскій самъ-же и объясняетъ, что должно было происходить при этомъ въ ея душѣ: она была „оскорблена (всей прошедшей своей жизнью), рана ея не могла зажить, и она какъ бы нарочно старалась растравлять свою рану этой инственностью, этой недовѣрчивостью ко всѣмъ, точно она наслажда сь сама своей болью, этимъ эгоизмомъ страданія, если такъ можно выразиться“ (стр. 160).

Трудно, конечно, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ подыскать основанія, которыми опредѣляется развитіе тѣхъ или другихъ душевныхъ силъ, но здѣсь, по крайней мѣрѣ, нельзя не видѣть, что напряженное состояніе, въ ко-

торомъ жила душа Нелли, прямо отразилось на ея умственныхъ силахъ. По развитію, по знанію внутреннихъ движеній души въ другихъ людяхъ она стояла гораздо выше своего 12—13-тилѣтняго возраста: такъ вся исторія ея матери была для ней понятна; ея обращеніе съ дѣдомъ также указываетъ на ея развитіе (стр. 181 и сл.); она, наконецъ, сознательно, по своему, отнеслась къ евангельскому ученію о всепрощеніи (стр. 200), и хотя ея сужденія объ отношеніи къ злымъ и несправедливымъ людямъ (84, 93), о прошеніи милостыни (158, 159) обличаютъ въ ней дѣтскую наивность, однако и въ нихъ видна самостоятельность ея сужденій. Впрочемъ, не смотря на то, что въ головѣ ея роилось много мыслей, она едва ли была способна къ отвлеченной умственной работѣ: вѣчно удрученное состояніе ея духа вызывало въ ней скорое утомленіе отъ умственной работы; оттого она скоро бросила чтеніе, предложенное ей Иваномъ Петровичемъ, который такъ и не могъ ничѣмъ занять ее во все время ея жизни съ нимъ.

Какъ представить себѣ обычное состояніе духа Нелли при тѣхъ особенностяхъ, которыми отличается ея духовная природа? Судя по всему, болѣзненно напряженное состояніе, до котораго доводили ее тяжелыя условія жизни, способствовало тому, что она легко и быстро возбуждалась, и чрезъ это не могла надолго оставаться въ ровномъ состояніи духа. Она скоро переходила отъ одного состоянія къ другому, отъ нѣжно-любовнаго настроенія, иногда игриваго, къ угрюмому расположенію духа, отъ усиленно напряженнаго подъема душевныхъ силъ къ апатіи и душевной усталости (стр. 153). Впрочемъ, наиболѣе постояннымъ было въ ней чувство глубокой сердечной тоски и душевнаго страданія. Въ тѣ моменты жизни, въ которые представлена она въ романѣ, даже волненія любви сопровождались въ ней тяжелыми сердечными страданіями. Мы видимъ, напримѣръ, что въ ея духѣ жила глубокая любовь къ покойной матери, наполнявшая все ея существо. Но память о ней всегда сопровождалась въ ея сердцѣ больнымъ чувствомъ, и одно изъ такихъ воспоминаній, насильно вызванное въ ней, настолько потрясло ее, что больной организмъ не вынесъ сильнаго возбужденія.

Отличительную особенность Нелли по сравненію съ другими дѣтьми этой категоріи составляетъ то, что въ ряду другихъ проявленій умственной жизни дѣятельность фантазіи не занимала у ней столько мѣста, сколько у тѣхъ. Нелли не фантазировала, не увлекалась вымыслами своего воображенія, но она въ сущности не жила и настоящимъ: она вся ушла въ свое прошлое и на его фонѣ рисовала себѣ картины, на которыхъ отдыхала ея больная душа (стр. 194, 195). Въ этомъ отличіе Нелли отъ тѣхъ двухъ героевъ дѣтей, съ которыми мы сопоставили ее выше.

Изъ этихъ послѣднихъ характеръ Неты Незвановой былъ поставленъ сравнительно въ лучшія условія, и потому многія свойства, которыя у Нелли развились односторонне и на счетъ другихъ свойствъ, у ней получили болѣе правильное развитіе. Такъ натура ея была физически здоровѣе; бѣдность и убожество въ ея жизни не доходили до такихъ крайностей, какія приходилось выносить Нелли; наконецъ, около нея были люди, хоть и свих-

нувшіеся, но все-же не лишенные гуманныхъ свойствъ. Все это само собой не давало возможности развитія въ ней тому ожесточенію, примѣръ котораго мы видимъ въ Нелли. Далѣе, изъ дома родительскаго, изъ крайней нужды, она попадаетъ въ такую обстановку, въ которой, по крайней мѣрѣ, одна сторона (князь и Катя) могла вносить нѣсколько равновѣсія въ ея духовный міръ. Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ условій въ ней развился уже не ожесточенный, а скорѣе покорный и ровный характеръ, который легко открывался на встрѣчу добрымъ вліяніямъ. Но и вліянія противоположнаго свойства не могли не дѣйствовать на складъ ея душевной жизни, внѣшніе симптомы которой были почти тѣже, что и у Нелли. Такъ и въ ней, какъ и въ Нелли, устанавливается боязливо-недовѣрчивое отношеніе къ людямъ, съ которыми сводитъ ее судьба. Послѣ переселенія въ домъ князя Х. она испытываетъ чувство полнаго одиночества. Ей хотѣлось разговориться съ домашними, но она такъ боялась разсердить ихъ, что предпочитала оставаться одна. Она любила забиваться куда нибудь въ уголъ, гдѣ непримѣтнѣе, и тамъ отдаваться своимъ думамъ (I, 392). Впечатлѣніе, производимое ею на людей, не старающихся или не умѣвшихъ вникнуть въ глубину ея души, обыкновенно было невыгоднымъ для ней. „На зло всей мелодраматической обстановкѣ“ — въ которой, напримѣръ, старалась выставить ее посѣтителямъ своего салона княгиня Х., — она выходила „самымъ обыкновеннымъ ребенкомъ, запуганнымъ, какъ будто забитымъ и даже глупенькимъ“ (I, 391). Но на самомъ дѣлѣ душевный міръ этого ребенка, казавшагося на посторонній взглядъ такимъ забитымъ и тупымъ, былъ богатъ запасомъ впечатлѣній, пережитыхъ и сознанныхъ. Не только чувства любви и ненависти, ею была извѣдана даже та душевная боль, которую можетъ испытывать человѣкъ, сознательно относящійся къ неправдѣ и искаженію нравственнаго облика въ подобномъ себѣ существѣ. Она страдала при видѣ того вѣчнаго, нестерпимаго горя, которое поселилось въ родномъ ей убогомъ углу, горѣла отъ боли, сознавая уродливость отношеній между матерью и отчимомъ, самыми близкими ей существами, въ отношеніи себя самой вынесла укоры совѣсти и чувство стыда за сознательно сдѣланный безчестный поступокъ, испытала, наконецъ, тяжелое чувство нравственной потери человѣка, котораго прежде обожала и ради котораго взяла на себя столько нравственныхъ мукъ: словомъ, въ десятилѣтнемъ возрастѣ она уже осмыслила добро и зло. Все это обогащало область ея понятій, расширяло ея умственный кругозоръ. Но какой процессъ происходилъ при этомъ въ душѣ ребенка, при посредствѣ какихъ актовъ душевной жизни совершалось въ данномъ случаѣ развитіе сознанія, трудно сказать. Несомнѣнно одно, что, въ силу внутренней связи, которая существуетъ между различными сторонами духовной природы человѣка, расширеніе области чувства должно было вліять и на интеллектуальное развитіе ея.

Въ душевной жизни Неты много мѣста занимала дѣятельность воображенія. Человѣку естественно искать отдыха отъ утомляющаго однообразія впечатлѣній, тѣмъ болѣе, если эти впечатлѣнія дѣйствуютъ на душу удру-

чающимъ образомъ. Натурамъ съ живымъ воображеніемъ, какъ у дѣтей, напримѣръ, сама природа указываетъ въ данномъ случаѣ выходъ изъ томительнаго однообразія впечатлѣній при посредствѣ фантазіи. Такъ было и съ Нетой: она въ игрѣ воображенія ждетъ отдыха отъ тѣхъ впечатлѣній, которыми входила въ ея душу текущая жизнь. При этомъ характеръ рисующихся въ ея воображеніи фантастическихъ картинъ опредѣляется контрастомъ съ дѣйствительностью. Для нея искомымъ является безпечальное существованіе, крѣпкое, не въ лохмотьяхъ, платье, возможность не терпѣть побоевъ, не быть вѣчно на посылкахъ, и — воображеніе работаетъ именно въ этомъ направленіи, увеличивая въ возможно бо́льшее число разъ искомую величину. Нета становится страннымъ, фантастическимъ ребенкомъ. Въ ея головѣ рождаются „какія-то чудныя понятія и предположенія.“ Такъ она старается представить себя богатой, въ пышной обстановкѣ, причемъ „все, что только могло создаться блестящаго, пышнаго и великолѣпнаго въ ея фантазіи, все было приведено въ дѣйствіе въ этихъ мечтаніяхъ“ (I, 370). Случайно воспринятое впечатлѣніе богатаго, великолѣпно-освѣщеннаго дома съ красными занавѣсами дало основной фонъ сложившейся въ ея воображеніи картинѣ, въ которой, кромѣ этой подробности, не было, впрочемъ, ничего реальнаго, даннаго впечатлѣніями дѣйствительности. Эти фантастическія мечтанія настолько овладѣваютъ существомъ ребенка, что подъ ихъ вліяніемъ онъ наконецъ, уходитъ изъ дому съ помѣшавшимся отцомъ, смотря на свой уходъ, какъ на осуществленіе завѣтныхъ мечтаній. Дѣтская мысль и воля ея такимъ образомъ дѣйствовали въ томъ направленіи, которое сообщила ей игра фантазіи. Вообще подъ вліяніемъ усиленной дѣятельности воображенія она была постоянно какъ бы въ состояніи душевнаго напряженія и потеряла „всякій тактъ, всякое чувство настоящаго, дѣйствительнаго.“ Она жила собственно только въ тѣ минуты, когда отецъ своими разсказами поднималъ ея дѣтскія силы, доводя ее до восторга. Это обыкновенно бывало въ сумерки, когда онъ сажалъ ее противъ себя на скамейку и начиналъ занимать своими разсказами. Тогда она давала волю своей фантазіи и тотчасъ же смѣшивала съ вымысломъ дѣйствительность.“ Во все остальное время она жила лишь оставшимися у ней впечатленіями отъ этихъ проведенныхъ съ отцомъ часовъ, мучаясь потихоньку неясными стремленіями, зарождавшимися въ ней во время бесѣдъ.

Личность третьяго ребенка, Илюши Снегирева въ „Бр. Карамазовыхъ“, любопытна главнымъ образомъ тѣмъ, что противорѣчіе между внутренними свойствами его характера и тѣмъ впечатлѣніемъ, которое оставлялъ онъ въ другихъ, выражается въ немъ нѣсколько иначе, чѣмъ въ Нелли и Нетѣ: въ противоположность тѣмъ двумъ, Илюша производитъ на первый взглядъ впечатлѣніе почти развитой личности; но если внимательнѣе взглянуть въ его характеръ, то нельзя не замѣтить, что, вопреки этому впечатлѣнію, многія свойства души его окажутся какъ бы придавленными и все развитіе его представится далеко не полнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ Илюшѣ мы видимъ примѣръ характера гордаго, озлобленнаго и мстительнаго.

Но эти свойства не были присущи ему по природѣ: его привязанность къ отцу и Колѣ Красоткину, старшему товарищу по школѣ, указываютъ, что въ душѣ его были симпатическія влеченія и что по природѣ онъ скорѣе былъ существомъ нѣжнымъ и добрымъ. Но уже при первомъ знакомствѣ съ жизнью, очевидно, онъ встрѣтился съ такими обстоятельствами, которыя вызываютъ въ немъ прежде всего боязнь обиды и несправедливости. Эта боязнь совершенно естественна при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ находился Илюша. Неиспорченный жизнію, онъ конечно не умѣлъ еще приспособиться къ людямъ, а между тѣмъ въ немъ была потребность сохранить собственное достоинство, которое, какъ онъ не могъ не видѣть, на каждомъ шагу оскорблялось въ людяхъ, близкихъ его сердцу. И вотъ, подъ вліяніемъ подобной боязни въ немъ развивается склонность легко и быстро обижаться. Желаніе уберечь чувство личнаго достоинства отъ возможныхъ оскорбленій заставляетъ его быть постоянно на сторожѣ предъ страхомъ оскорбленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ на встрѣчу каждой попыткѣ уронить въ немъ это чувство достоинства какъ бы поднимаются всѣ силы его души, подъ вліяніемъ чего въ немъ и слагается тотъ, повидимому, гордый характеръ, которымъ онъ заявляетъ себя въ отношеніи товарищей. Эта противоборствующая сила проявляется въ немъ довольно рѣзко. Такъ на первыхъ же порахъ обученія въ школѣ онъ отказывается подчиняться нравамъ, сложившимся въ школьномъ обществѣ. Въ отвѣтъ на обычныя задиранія школьниковъ онъ дерется, идетъ часто одинъ противъ цѣлаго класса. Оттого, не смотря на мягкое и доброе свое сердце, онъ ни съ кѣмъ не сошелся. Впослѣдствіи гармоническое развитіе его прекрасной натуры еще больше было задержано, когда самое святое, самое лучшее чувство его было грубо оскорблено. Ему пришлось увидѣть, какъ его родной отецъ былъ публично униженъ, и это произвело страшное, потрясающее дѣйствіе на него. Какъ выразился на своемъ высокопарно-юродивомъ языкѣ его отецъ, онъ „въ ту самую минуту, на площади, всю истину произошелъ. Вошла въ него эта истина и пришибла его навѣки“ (VI, 142); иначе сказать, первое же знакомство съ жизнію придавило въ немъ тѣ симпатическія свойства, которыя были присущи его душѣ и изъ добраго и мягкаго сдѣлало его мстительнымъ и злобнымъ. Такимъ образомъ душа его развилась далеко не всѣмъ тѣмъ содержаніемъ, которое вложено было въ нее природой. Въ этомъ и заключается ограниченность его внутренняго міра, который при иныхъ условіяхъ могъ быть многостороннѣе и полнѣе.

Душевнаго состоянія Илюши во весь періодъ дѣйствія его въ романѣ нельзя себѣ иначе представить, какъ состояніемъ сильнаго психическаго возбужденія. Его душа была слишкомъ возбуждена подъ дѣйствіемъ чувства оскорбленнаго самолюбія и злобной мстительности. Надорванный физически и нравственно, онъ даже не могъ отдохнуть на вымыслахъ воображенія, какъ отдыхала Нета. Его мечты были такъ же болѣзненны, какъ и впечатлѣнія дѣйствительности. Онъ воображалъ себя мстителемъ за униженіе отца, представлялъ, какъ онъ вызоветъ на дуэль и убьетъ его оскорбителя,

Впрочемъ, добрыя начала его природы обнаруживались и тутъ: ему лучше нравилось представлять себя великодушно прощающимъ обиду, и потому, когда отецъ подсказалъ ему возможность другого болѣе мирнаго исхода изъ ихъ положенія, онъ до того былъ восхищенъ, что на время какъ бы забылъ про свое больное чувство. Мечта о томъ, какъ они переѣдутъ въ другой городъ, въ хорошій, облегчила, хоть и не на долго, его душевную муку.

Съ такими душевными особенностями являются у Достоевскаго тѣ дѣти, жизнь которыхъ обставлена тяжелыми условіями гнетущей нужды.

Конечно, трудно разграничить въ точности, что принадлежитъ непосредственному вліянію этихъ условій и что должно быть отнесено на долю природныхъ задатковъ, но, присматриваясь къ характеру этихъ личностей, нельзя не убѣдиться, по крайней мѣрѣ, въ томъ, что, не будь этихъ подавляющихъ условій, все душевное развитіе шло бы пропорціональнѣе и ровнѣе.

Въ заключеніе отмѣтимъ еще одну сторону вліянія этихъ тяжелыхъ условій, встрѣчающуюся во всѣхъ трехъ дѣтяхъ: разумѣемъ то болѣзненное разстройство, которое наблюдается въ каждомъ изъ взятыхъ примѣровъ. Что эта болѣзненность развилась не помимо вліянія жизненныхъ условій, видно изъ самаго характера болѣзней. Такъ Нелли страдала эпилепсіей, съ Нетой происходили какіе-то нервные припадки, Илюша умеръ отъ бугорчатки легкихъ. Какъ извѣстно, всѣ три болѣзни легко развиваются при наличности тѣхъ условій, которыми обставлена жизнь этихъ дѣтей. Извѣстно также, что источникомъ этихъ болѣзней служатъ весьма часто вліянія не столько физіологическаго, сколько психическаго характера. Очевидно, и въ данныхъ случаяхъ болѣзнь явилась слѣдствіемъ, того постояннаго душевнаго напряженія, въ которомъ жили эти дѣти. Подъ вліяніемъ различнаго рода возбужденій жизнь духа у всѣхъ троихъ слишкомъ ушла впередъ и подавила тѣло. Отсюда то болѣзненное физическое разстройство, которое въ свою очередь и само вліяло на неправильный складъ ихъ душевной жизни.

Ближе всего къ этимъ тремъ личностямъ подходятъ у Достоевскаго два юноши, отличительною чертою характера которыхъ является наклонность къ созерцательности, къ мечтательному углубленію въ свой внутренній міръ съ полнымъ отрѣшеніемъ отъ окружающей жизни. Разумѣемъ здѣсь его Аркадія Долгорукаго, главнаго героя и разсказчика романа „Подростокъ“, и младшаго отпрыска семьи Карамазовыхъ — Алексѣя. Сопоставляя этихъ двухъ лицъ, мы не имѣемъ въ виду указывать на полное сходство ихъ характеровъ: ихъ душевный составъ, если можно такъ выразиться, вовсе не однороденъ, даже не схожъ въ первыхъ своихъ началахъ, но, независимо отъ ихъ темпераментовъ, дѣтство обоихъ представляетъ много сходныхъ проявленій внутренняго существованія, опредѣлившихъ собою характеръ всей первой поры ихъ жизни до самой юности.

Къ сожалѣнію, изъ содержанія произведеній, въ которыхъ выставлены эти лица, не вполнѣ возможно уяснить психическую основу ихъ, какъ про-

Долгорукаго о начальныхъ годахъ его жизни, приходится всегда имѣть въ виду нѣкоторую тенденціозность его разсказа, причемъ отдѣлить въ немъ то, что составляетъ эту привнесенную сюда цѣлями разсказчика сторону, не совсѣмъ легко. Что касается Алексѣя Карамазова, то въ сущности романъ представляетъ очень мало положительныхъ данныхъ для характеристики его дѣтства. Достоевскій, начиная исторію своего героя съ нѣкоторыхъ подробностей его дѣтской жизни, какъ и во всемъ романѣ, слишкомъ идеализируетъ эту личность, отчего сдѣланная имъ характеристика вышла слишкомъ общей и неопредѣленной. Въ виду этого мы постараемся лишь указать, въ чемъ проявилась та общая обѣимъ личностямъ черта, на которую указано было выше, и чѣмъ отозвалась она на общемъ духовномъ развитіи обоихъ героевъ.

Прежде всего замѣчательно то, что Андрей Долгорукій („Подростокъ“) по складу своего темперамента вовсе не долженъ быть мечтателемъ. По всѣмъ признакамъ, это одна изъ тѣхъ натуръ, которымъ нужны живыя впечатлѣнія дѣйствительности; а между тѣмъ все дѣтство его и половина юности прошли, по его собственному выраженію, „въ мечтательномъ царствѣ извѣстнаго оттѣнка.“ Къ годамъ юности эти мечты его воплотились въ ту „идею“ стать Ротшильдомъ, на которой мы застаемъ его въ романѣ. Что же это были за мечты и чѣмъ характеризуется жизнь ребенка подъ ихъ вліяніемъ?

Въ раннемъ дѣтствѣ своемъ Долгорукій, оторванный отъ родной семьи и близкихъ людей, мечталъ объ отцѣ, который когда-то, всего одинъ разъ, поразилъ его дѣтскую душу. „Каждая мечта моя, съ самаго дѣтства, отзывалась имъ,“ вспоминаетъ Подростокъ: „витала около него, сводилась на него въ окончательномъ результатѣ.“ Онъ привыкъ воображать себѣ его — почти въ какомъ-то сіяніи и не могъ представить его себѣ иначе, какъ на первомъ мѣстѣ (IV, Подростокъ 11). Этотъ человѣкъ, наконецъ, сдѣлался ему дорогъ, и, не зная его вовсе, ребенокъ однако рвался къ нему всей душой. Мечтательность и рвеніе къ отцу еще больше усилились въ немъ, когда онъ попалъ въ пансіонъ, гдѣ невѣжественный воспитатель умышленно старался принизить его предъ товарищами. Лишенный возможности подѣлиться съ кѣмъ-нибудь тѣмъ, что лежало у него на душѣ, онъ еще больше уходитъ въ себя. Онъ мечталъ, какъ часто дѣлаютъ дѣти, по ночамъ, подъ одѣяломъ, обливаясь слезами. Это были въ то-же время счастливѣйшія минуты его пансіонской жизни. „Особенно счастливъ я былъ тогда,“ вспоминаетъ Подростокъ, „когда, ложась спать и закрываясь одѣяломъ, начиналъ уже одинъ въ самомъ полномъ уединеніи, безъ ходящихъ кругомъ людей и безъ единаго отъ нихъ звука, пересоздавать жизнь на иной ладъ.“ (IV, Подростокъ 51). По мѣрѣ развитія сознанія, неопредѣленность этихъ мечтаній естественно уступала мѣсто мечтамъ болѣе яснымъ и сознательнымъ. Прежде всего явилось въ ребенкѣ сознаніе заброшенности, которое затѣмъ, вмѣстѣ съ сознаніемъ своего соціальнаго положенія, вызвало въ немъ потребность протеста. Отсюда и происхожденіе въ немъ „идеи“, развившейся уже является она въ ихъ дѣтствѣ. Такъ, читая въ „Подросткѣ“ повѣствованіе

чисто головнымъ путемъ, идеи, съ которой всѣ мечты его „изъ мечтательной формы романа перешли въ разсудочную форму дѣйствительности“ (ib. 51).

Тоже самое происходило и съ Алешей Карамазовымъ. И онъ въ продолженіе всего своего дѣтства, какъ видно изъ нѣкоторыхъ словъ романа, мечталъ о матери, пока, наконецъ, мечта не перешла въ немъ въ непреодолимую потребность посѣтить родныя мѣста и увидать могилу дорогого ему существа. При этомъ мотивы, вызвавшіе это доминирующее настроеніе мысли, были почти тождественны съ тѣми, которыми опредѣлился складъ душевной жизни „Подростка“. По отношенію къ Алешѣ Карамазову Достоевскій самъ же и указываетъ эти мотивы. Онъ, говоритъ Достоевскій, „на всю жизнь запомнилъ одинъ вечеръ, тихій, лѣтній, отворенное окно, косые лучи заходящаго солнца, въ комнатѣ, въ углу, образъ, предъ нимъ зажженную лампаду, а предъ образомъ на колѣняхъ рыдающую какъ въ истерикѣ, со взвизгиваніями и вскрикиваніями, мать свою, схватившую его въ обѣ руки, обнявшую его крѣпко, до боли, и молящую за него Богородицу, протягивающую его изъ объятій своихъ обѣими руками къ образу какъ бы подъ покровъ Богородицѣ“. (VI, 17). И вотъ, уже юношей, Алеша вдругъ бросаетъ мѣсто своего воспитанія и воспитателей, за годъ до окончанія курса оставляетъ гимназію и ѣдетъ разыскивать могилу своей матери. Очевидно все время на днѣ его души жило поразившее его въ дѣтствѣ впечатлѣніе, которое къ концу его школьной жизни и поднялось на поверхность. Очевидно также, что и жившая въ немъ „внутренняя забота“, о которой говоритъ Достоевскій и изъ-за которой онъ „какъ бы забывалъ другихъ“, возникла въ немъ подъ вліяніемъ этой картины, сохранившейся изъ отдаленнаго дѣтства.

Любопытно было бы сравнить, какъ сложилась нравственная физіономія обѣихъ личностей при томъ преобладающемъ душевномъ настроеніи, о которомъ говорено выше. Несомнѣнно, внутренняя цѣнность личности опредѣляется цѣлой комбинаціей ея свойствъ, и потому, при существованіи одной сходной черты въ двухъ лицахъ, общій нравственный обликъ ихъ можетъ быть совершенно несходенъ. Такъ было и въ данномъ случаѣ. Независимо отъ того, что душевное состояніе обоихъ лицъ представляетъ мною сходнаго, ихъ нравственный складъ далеко не одинаковъ. Въ „Подросткѣ“, по его собственному воспоминанію, отличительной чертой было себялюбіе и завистливость. „Съ самыхъ низшихъ классовъ гимназіи, чуть кто-нибудь изъ товарищей опережалъ меня или въ наукахъ, или въ острыхъ отвѣтахъ, или въ физической силѣ, я — говорилъ онъ про себя — тотчасъ же переставалъ съ нимъ водиться и говорить. Не то, чтобъ я его ненавидѣлъ или желалъ ему неудачи; просто отвертывался, потому что таковъ мой характеръ.“ „Я жаждалъ могущества всю мою жизнь, могущества и уединенія. Я мечталъ о томъ даже въ такихъ еще лѣтахъ, когда ужъ рѣшительно всякій засмѣялся бы мнѣ въ глаза, еслибы разобралъ, что у меня подъ черепомъ“ (IV, Подр. 51). Алеша Карамазовъ, напротивъ, никогда не хотѣлъ выставляться. И въ то-же время „даръ возбуждать къ

себѣ особенную любовь онъ заключалъ въ себѣ, такъ сказать, въ самой природѣ, безыскусственно и непосредственно.“ (VI, 18). Особенности темпераментовъ также неизмѣнно сказались въ каждомъ по своему: Долгорукій — подвижный, дѣятельный, рѣзкій, Карамазовъ — тихій, ровный, непосредственный. Въ одномъ отношеніи, впрочемъ, нравственный обликъ ихъ имѣетъ сходство, что прямо является слѣдствіемъ того вліянія, какое имѣла на нихъ отчужденность отъ окружающаго ихъ міра; именно, въ нихъ обоихъ сохранилась нравственная чистота, которая такъ часто теряется въ ребенкѣ подъ вліяніемъ товарищей и того легкаго отношенія къ извѣстнымъ словамъ, какое допускаютъ дѣти en masse.

Такимъ образомъ и съ этой стороны оба разбираемыя лица представляютъ для насъ наглядный примѣръ того дѣйствія, какое можетъ имѣть по отношенію ко всему складу душевной жизни ребенка одно сильное впечатлѣніе (чувство, образъ), осѣвшее на днѣ души его. Въ этомъ заключается отличіе этихъ двухъ лицъ отъ лицъ первой группы. Тамъ прежде всего мы видимъ примѣръ непосредственнаго вліянія окружающей ребенка обстановки, здѣсь обстановка имѣетъ значеніе второстепенное, и внутренній строй личности опредѣляется не столько ею, сколько мотивами чисто психическаго характера.

Третій разрядъ дѣтскихъ характеровъ у Достоевскаго составляютъ двѣ дѣвочки: Княжна Катя въ „Неточкѣ Незвановой“ и Лиза Хохлакова въ „Братьяхъ Карамазовыхъ.“ Обѣ эти личности, несмотря на видимое несходство между ними, можно разсматривать какъ двѣ разновидности одного и того же типа своевластныхъ, гордыхъ и настойчивыхъ характеровъ. Въ Катѣ, цѣльной, здоровой натурѣ, съ прекрасными нравственными задатками, мы имѣемъ дѣло главнымъ образомъ съ положительными свойствами этого рода характеровъ, видимъ, такъ сказать, лицевую сторону типа, — въ болѣзненной и дурно воспитанной Лизѣ Хохлаковой — его обратную сторону.

Постараемся намѣтить въ общихъ чертахъ существенныя свойства характера каждой.

Княжна Катя богато одарена отъ природы. Судя по характеристикѣ, сдѣланной ей самимъ Достоевскимъ, всѣ проявленія ея душевной жизни свидѣтельствовали о развитомъ состояніи ея духовныхъ способностей. Такъ, у ней были рѣдкія умственныя способности: она усвояла все бѣгло и скоро, и была способна много и долго думать (I, 399). Темпераментъ Кати былъ въ высшей степени горячій и подвижный. Подъ вліяніемъ его она была постоянно оживлена, такъ что „вѣчно двигаться, бѣгать, скакать, шумѣть и гремѣть на весь домъ было въ ней непремѣнной потребностью“ (I, 396). Конкретно выражаясь, въ ея духовной природѣ было слишкомъ много свойства упругости: внѣшнія воздѣйствія производили обыкновенно на нее сильное впечатлѣніе, но въ тоже время какъ бы присущая ей внутренняя сила противодѣйствія не позволяла впечатлѣнію сразу подчинить себѣ ея душевную жизнь. Эта сила заключалась между прочимъ въ ея гордости,

составлявшей „главное начало ея характера.“ Подъ вліяніемъ этой гордости она, напримѣръ, долго таила чувство любви къ Нетѣ. По характеристикѣ самого Достоевскаго, „гордость доходила въ ней до наивныхъ мелочей и впадала въ самолюбіе, до того, что всякое противорѣчіе, отъ кого бы оно ни исходило, не обижало, не сердило ее, но только удивляло. Она не могла постигнуть, какъ можетъ быть что-нибудь иначе, нежели какъ-бы она захотѣла“ (I, 403). Кого она не могла вполнѣ подчинить себѣ, — какъ старуху княжну или бульдога Фальстафа, — надъ тѣмъ она старалась хоть разъ восторжествовать, чтобы удовлетворить непреодолимому чувству власти. Исторія ея столкновеній съ этими двумя существами, не признававшими ея авторитета, какъ нельзя лучше рисуетъ характеръ Кати. Бульдогъ Фальстафъ былъ любимцемъ хозяйки дома, никого, кромѣ ея, не подпускалъ къ себѣ и былъ золъ, какъ тигръ. Катѣ было непріятно, что есть хоть одно животное въ домѣ, которое не признаетъ ея силы, не склоняется передъ нею и не любитъ ея. И вотъ она рѣшила, во что бы то ни стало, атаковать и погладить свирѣпаго бульдога. Одно намѣреніе это могло стоить ей жизни, но Катя добилась своего и, преодолѣвъ чувство смертельнаго страха, восторжествовала надъ упрямой гордостью Фальстафки. Исторія съ старухой княжной не менѣе характерна. Княжна терпѣть не могла Катю и никогда не пускала ее къ себѣ на половину. Чтобы отомстить ей за это, Катя искусно провела старуху и вдоволь потѣшилась надъ ней. Нельзя при этомъ не замѣтить, что развившееся въ дѣвочкѣ самолюбіе способно было породить въ ней иногда чувства нехорошія и довести до поступковъ непривлекательныхъ. Такъ въ первое время жизни съ Нетой она съ трудомъ выносила ея преимущества, сознаніе которыхъ довело ее до жестокости въ обращеніи съ неповинной ни въ чемъ сиротой.

Эти самолюбивыя притязанія Кати, конечно, являются въ ней порокомъ. Но они въ тоже время были и силой, двигающей впередъ ея духовное развитіе. Подъ вліяніемъ гордости въ дѣвочкѣ развивалась твердая воля, неуступчивость, упорство въ достиженіи желаній. Эта же черта была въ то-же время и силой, толкающей впередъ ея умственное развитіе. „Если она не понимала чего, — говорится въ повѣсти, — то тотчасъ же начинала думать объ этомъ сама и терпѣть не могла идти за объясненіями, — она какъ-то стыдилась этого“ (I, 399).

Помимо того значенія, которое имѣла въ ея духовной жизни эта черта, было въ ея природѣ еще одно начало, не позволявшее порочнымъ свойствамъ утвердиться и всегда вѣ-время спасавшее ее. Ей было въ высшей степени присуще чувство правды, которое всегда въ ней въ концѣ концовъ торжествовало. Этотъ инстинктъ правды самъ собой предупреждалъ ее отъ того пути, на который толкали порочныя начала характера, и всегда выводилъ на прямую дорогу. Она не могла лгать, всегда умѣла вѣ-время поймать себя на недобромъ чувствѣ и побѣждать даже свою гордость. Такъ, когда влеченіе ея къ Нетѣ дошло до своего предѣла, гордости въ

ней какъ не бывало: въ ея отношеніяхъ къ подругѣ проявлялось лишь ея прекрасное, доброе, любящее сердце.

Гдѣ и въ чемъ слѣдуетъ искать причинъ, способствовавшихъ развитію характера Кати въ указанномъ направленіи? Очевидно, мы прежде всего имѣемъ дѣло съ естественнымъ наслѣдствомъ, полученнымъ ею по прямому преемству. Извѣстно, что характеры героевъ Достоевскаго поражаютъ своею вѣрностью психологическимъ ученіямъ и выдержанностью въ отношеніи внутренней мотивировки каждой опредѣляющей характеръ черты. Въ данномъ случаѣ мы наблюдаемъ то-же явленіе. Характеръ Кати невольно просится на сопоставленіе съ личностями ея родителей. О естественномъ вліяніи на нее матери говоритъ самъ Достоевскій, утверждая, что „упорство, гордость и твердость характера“ прямо переняты Катей отъ ней. Что касается второй черты духовной личности Кати, тѣхъ прекрасныхъ сторонъ, которыя постоянно выступали въ ней наружу, то въ нихъ нельзя не видѣть естественнаго наслѣдства отъ отца, котораго Достоевскій надѣляетъ въ высшей степени симпатичными чертами характера. Но съ другой стороны и обстановка, въ которой прошло ея дѣтство, не могла не внести своей доли вліянія на образованіе ея характера. Если излишнее баловство окружающихъ способствовало въ ней развитію самовластія, то въ свою очередь свѣтлый характеръ ея дѣтства обезпечивалъ ей полное, ровное и гармоническое развитіе природныхъ задатковъ. Оттого въ духовной природѣ ея мы не видимъ ничего ни недоразвитаго, ни развившагося на счетъ другихъ сторонъ, какъ наблюдали это у дѣтей первыхъ двухъ группъ: всѣ силы души ея дѣйствовали одинаково свободно и равноправно.

Замѣчательно далѣе, какъ душевныя свойства Кати сами собою парализовали вредъ того вліянія, которое могло оказывать на нее неправильное воспитаніе. Нужно замѣтить, что тѣ воспитательныя начала, которымъ слѣдовали ближайшіе руководители ея дѣтства, въ глазахъ этихъ послѣднихъ были вполнѣ разумными и цѣлесообразными: въ нихъ была „система“, былъ свой авторитетъ и идеалъ — Жанъ Жакъ Руссо, но на самомъ дѣлѣ не было ни послѣдовательности, ни разумности. „Безпутное баловство“ и „неумолимая строгость“ постоянно чередовались между собою. „Что вчера позволялось, то вдругъ, безъ всякой причины, запрещалось сегодня.“ (I, 403). Естественно поэтому, что „чувство справедливости оскорблялось въ ребенкѣ“ (ib.), и свѣтлый умъ Кати не могъ не видѣть странности и нелѣпости воспитательныхъ пріемовъ. Но тотъ же свѣтлый умъ помогъ ей и опредѣлиться въ тѣхъ противорѣчіяхъ, которыя могли сбить другую съ толку. Такъ она съумѣла установить свои отношенія къ отцу и къ матери соотвѣтственно ихъ личнымъ характерамъ. Откровенная, наивно-прямодушная съ первымъ, она была „замкнута, недовѣрчива и безпрекословно послушна“ со второй. Она переносила всѣ прихоти матери, „доходившія даже до нравственной тиранніи“, чего не сдѣлала бы и не дѣлала въ отношеніи другого лица.

Все это вмѣстѣ выставляетъ Катю какъ прелестную, цѣльную натуру. Начиная съ внѣшности, все въ ней производило впечатлѣніе счастливо ода-

ренной натуры. „Все въ ней ..... сіяло отрадной надеждой, все предвѣщало прекрасное будущее“, говоритъ Достоевскій. „Она родилась на счастіе, она должна была родиться для счастія, — вотъ было первое впечатлѣніе при встрѣчѣ съ нею.“ (I, 403).

Въ Лизѣ Хохлаковой, наблюдается та-же черта, какую мы намѣтили, какъ главную особенность характера кн. Кати, именно: гордость и своевластіе. Но въ ней эти свойства выражались въ самыхъ болѣзненныхъ проявленіяхъ, отчего какъ общее впечатлѣніе, производимое ея личностью, такъ и весь строй ея внутренней жизни совсѣмъ иныя, чѣмъ у Кати. Въ ней мы наблюдаемъ то-же неравновѣсіе душевныхъ силъ, которое является отличительнымъ признакомъ внутренней жизни большинства героевъ Достоевскаго.

Дѣти, въ которыхъ указанная черта составляетъ отличительный признакъ характера, обыкновенно бываютъ въ семьѣ настоящими деспотами. Очень часто родители ихъ боятся и сами становятся въ отношеніи ихъ въ подчиненное положеніе, исполняя нерѣдко всѣ ихъ прихоти. Уже чрезъ одно это въ нихъ развивается болѣзненная слабость воли, что́ и выражается въ полномъ недостаткѣ въ нихъ терпѣнія.

Все это мы наблюдаемъ и въ Лизѣ Хохлаковой. Тонъ ея обращенія съ матерью рѣзкій, повелительный, иногда покровительственный. Мать бѣгаетъ, чтобы удовлетворить ея требованіямъ, наравнѣ съ горничной. Лиза ловитъ ее на словахъ, что́ называется, „рѣжетъ“ и тѣмъ самымъ часто ставитъ ее въ смѣшное положеніе. Съ своей стороны, г-жа Хохлакова видимо боится ее: такъ она не рѣшается даже помѣшать любовному объясненію четырнадцатилѣтней дочки съ молодымъ человѣкомъ и остается подслушивать его за дверью сосѣдней комнаты.

Подъ какими вліяніями могъ установиться въ Лизѣ такой своевластный и прихотливый характеръ? Помимо природныхъ предрасположеній, здѣсь нельзя не видѣть значительной доли вліянія воспитательныхъ условій, которыми была окружена Лиза. Первое, что обращаетъ на себя вниманіе въ суммѣ этихъ воспитательныхъ условій, это — излишнее потаканіе ея прихотямъ. Какъ ни мало послѣдовательно было воспитаніе кн. Кати, но она все-таки встрѣчала въ своемъ дѣтствѣ и твердую волю (мать) и разумную нравственную силу (отецъ). Кѣмъ и чѣмъ направлялось дѣтство Лизы Хохлаковой? Единственнымъ руководителемъ Лизы могла быть ея мать; но это была одна изъ тѣхъ дамъ, которыя вѣчно жалуются на нервы, женщина безъ всякой руководящей мысли, прямо глупая и вздорная, и ко всему тому съ крайне слабымъ развитіемъ воли. Главная ошибка ея въ отношеніи Лизы состояла въ томъ, что она слишкомъ рано перестала видѣть въ послѣдней ребенка. Не сообщивъ ей здоровыхъ началъ путемъ естественной передачи, она не съумѣла устранить и тѣхъ вліяній, которыя дѣйствуютъ на существо ребенка разлагающимъ образомъ. Въ Лизѣ постоянно поддерживалось усиленно возбужденное состояніе духа. Вмѣстѣ съ тѣмъ чтеніе книгъ, не соотвѣтствующихъ возрасту, вызывало въ ней такого рода душевныя движенія, которыя были слишкомъ преждевременны для четырнадцатилѣтней дѣвочки.

И вотъ, не заключая и въ природѣ своей никакихъ противодѣйствующихъ воспитательнымъ вліяніямъ началъ, Лиза дѣлается существомъ болѣзненнымъ и физически, и нравственно. Съ физической стороны ея болѣзнь проявилась въ параличѣ ногъ, съ психической — въ ясно выражающихся признакахъ истеріи. Д-ръ Чижъ, разбирая романы Достоевскаго съ точки зрѣнія психопатолога*), находитъ въ Лизѣ Хохлаковой всѣ признаки такъ называемаго истерическаго характера: неустойчивое равновѣсіе психическихъ отправленій, чрезмѣрно легкую возбудимость, себялюбіе, извращенныя прихоти**). Мы не будемъ указывать всѣхъ тѣхъ проявленій, въ которыхъ обнаружилось то или другое свойство ея истерическаго характера. Для насъ интересенъ главнымъ образомъ нравственный обликъ Лизы, какъ онъ отпечатлѣлся подъ нажимомъ воздѣйствующихъ на ея душу вліяній во всей ихъ совокупности.

Прежде всего нельзя не видѣть, что присущая Лизѣ себялюбивая притязательность видѣть исполненіе всѣхъ своихъ желаній дѣлаетъ ее деспотической въ обращеніи съ другими, доводя по временамъ до грубости. Этотъ деспотизмъ есть очевидное слѣдствіе той чрезмѣрно легкой возбудимости, которая составляетъ отличительное свойство ея психическаго склада. Лиза бываетъ способна дойти до крайне интенсивныхъ чувствованій (аффектовъ), подъ дѣйствіемъ которыхъ какъ бы совершенно угнетаются симпатическія влеченія ея души. Такъ, не смотря на любовь свою къ матери, она терзаетъ ее грубостью своего обращенія съ ней. Подъ вліяніемъ подобнаго-же возбужденія она бьетъ свою горничную по лицу, хотя черезъ часъ и бросается цѣловать у ней за это ноги. Но всего характернѣе въ этомъ отношеніи ея думы и желанія, которыя она повѣряетъ Алешѣ Карамазову. По ея собственному признанію, въ ней по временамъ является желаніе „надѣлать ужасно много зла и всего сквернаго“, причемъ Алеша вполнѣ вѣритъ, что при случаѣ она даже можетъ и осуществить эти тайныя желанія (VI, 390). Положимъ эти мечтанія слишкомъ далеки отъ дѣйствительнаго исполненія, но уже самое направленіе ея мыслей достаточно характеризуетъ внутреннія влеченія ея души. Въ особенности поражено въ этомъ отношеніи ея воображеніе. Въ фантазіи своей она рисуетъ, напримѣръ, картину распятаго на стѣнѣ мальчика съ отрѣзанными на обѣихъ рукахъ пальчиками, который, вмѣсто жалости, вызываетъ въ ней чувство удовольствія.

Это свойство ея нрава не исключаетъ, конечно, возможности проявленія въ ней добрыхъ чувствъ, которыя она и выказываетъ, напримѣръ, когда Алеша передавалъ ей исторію Снегирева, но состояніе ея душевнаго механизма вообще настолько неустойчиво, что влеченіе ея души въ сторону добра легко можетъ смѣниться противоположнымъ настроеніемъ. Оттого въ отношеніяхъ ея къ людямъ нѣтъ естественности. Думается даже, что едва-ли подобныя натуры способны имѣть глубокія и продолжительныя привязанности.

---

*) Достоевскій какъ психопатологъ. Москва, 1885.

**) Указ. сочин. стр. 64—65.

Второй выразительной чертой нравственной физіономіи Лизы является преждевременное развитіе въ ней страстности. Читая романъ Достоевскаго, невольно поражаѣшься тѣмъ, что эта четырнадцатилѣтняя дѣвочка нетолько успѣла выйти изъ круга дѣтскихъ интересовъ, но уже лелѣетъ въ себѣ мечты и желанія, свойственныя вполнѣ сложившейся женщинѣ. Ея любовь къ Алешѣ не носитъ въ себѣ ничего платоническаго. Здѣсь во всемъ видно страстность и раннее чувственное возбужденіе. Оттого своей любовной запиской къ Ивану Карамазову она вызываетъ въ послѣднемъ полное презрѣніе къ себѣ. Очевидно и здѣсь опять играетъ роль чрезмѣрная возбудимость, которой, какъ можно заключить изъ словъ Алеши, дается сильный толчокъ чтеніемъ дурныхъ книгъ.

Такимъ образомъ насколько Катя представляется личностью здоровой и цѣльной во всѣхъ сторонахъ своего существа, настолько Лиза является болѣзненно пораженной въ самыхъ основныхъ началахъ своей и физической и духовной природы.

Наконецъ, особый типъ у Достоевскаго представляютъ дѣти, отличительной чертой которыхъ является преждевременное посвященіе въ міръ идей, превосходящихъ по своему содержанію уровень ихъ понятій. Таковы его Коля Красоткинъ въ „Карамазовыхъ“ и Коля Иволгинъ въ „Идіотѣ“. Особенными въ сравненіи съ другими они являются главнымъ образомъ, въ виду своеобразности ихъ умственнаго развитія. Собственно же психологическая основа характеровъ этихъ двухъ маленькихъ героевъ не освѣщена у Достоевскаго съ той обстоятельностью, которая составляетъ отличительную черту его художественнаго творчества при изображеніи другихъ личностей. Нельзя не замѣтить, что Достоевскій, выводя эти лица, какъ будто бы имѣлъ въ виду остановиться лишь на тѣхъ чертахъ, которыми характеризуется извѣстный общественный типъ.

Полнѣе очерченъ Коля Красоткинъ. Словами Алексѣя Карамазова Достоевскій характеризуетъ его какъ „прелестную натуру, еще и не начавшую жить, но уже извращенную грубымъ вздоромъ“ (VI, 372). Съ этой стороны поражаетъ прежде всего въ Колѣ та дерзость мысли, съ которой онъ берется за сужденіе о предметахъ, стоящихъ выше его пониманія. Онъ, тринадцати — четырнадцатилѣтній мальчикъ, „отрицаетъ медицину, какъ безполезное учрежденіе“, „находитъ много смѣшного въ соціальныхъ отношеніяхъ между собою людей и ихъ повелителей,“ толкуетъ о силѣ привычки, „какъ главномъ двигателѣ въ государственныхъ и политическихъ отношеніяхъ людскихъ“ и считаетъ себя „неисправимымъ соціалистомъ“. Видно, какъ дѣтскій умъ его, не обдѣленный отъ природы смѣтливостью и остротою, запутывается въ кругѣ идей, которыхъ не обнять и болѣе зрѣлой мысли. Афоризмъ Вольтера о Богѣ, мистицизмъ, съ которымъ онъ отождествляетъ всю область религіи, женскій вопросъ, смыслъ христіанства, классицизмъ — все это темы, на которыя онъ будетъ разсуждать, нисколько не задумавшись, съ самоувѣренностью, пожалуй съ гордостью. Между тѣмъ

источникъ, изъ котораго почерпнуты имъ эти идеи, равно какъ и весь запасъ его знаній, очень скудны. Само собою разумѣется, что онъ, не читавшій даже Пушкина, о Вольтерѣ и Бѣлинскомъ только слыхалъ, а весь кругъ его соціальныхъ убѣжденій данъ ему однимъ случайно попавшимъ въ руки номеромъ „Колокола“. Но самымъ уродливымъ въ этомъ искаженіи чистаго дѣтскаго облика является напускная солидность и пренебреженіе къ тому, что должно составлять потребность дѣтской природы. Мальчикъ какъ будто ненавидитъ свои тринадцать лѣтъ; стараясь походить на взрослаго, онъ постоянно сохраняетъ въ разговорахъ дѣловитый и важный тонъ; стыдится дѣтскихъ игръ, не смотря на влеченіе своего живого темперамента. Непріятно поражаютъ въ немъ и постоянный страхъ за каждое сказанное слово, и стараніе показать себя непремѣнно съ выгодной стороны, лишающее его дѣтской непосредственности.

Впрочемъ, искусственная прививка несродныхъ дѣтской природѣ началъ не заглушила въ немъ чистоты сердца и коренныхъ свойствъ ума. Онъ остается любящимъ сыномъ; его отношенія къ бѣдному, всѣми обижаемому Илюшѣ Снѣгиреву свидѣтельствуютъ о теплотѣ его чувствъ, не смотря на то, что онъ былъ врагъ „сантиментальничанья“ и „телячьихъ нѣжностей“; видно, наконецъ, и то, что преждевременно коснувшіяся его идеи, о женской эмансипаціи, напримѣръ, скользнули лишь по поверхности его души и не задѣли въ немъ дѣтской цѣломудренности. Точно также и умъ его, не смотря на застилавшій его туманъ недоступныхъ пониманію идей, не утратилъ своихъ природныхъ свойствъ остроты и находчивости: по его разговорамъ съ Алешей Карамазовымъ замѣтно, что онъ умѣетъ оцѣнить всякую сколько-нибудь оригинальную мысль. Словомъ, природа Коли заключала въ себѣ много здоровыхъ началъ, противодѣйствовавшихъ вліянію на него наносныхъ идей, и послѣднія лишь слегка затрогивали его дѣтское сознаніе. При всемъ томъ, Достоевскій устами Алеши Карамазова, предрекаетъ Колѣ Красоткину, что онъ въ жизни будетъ очень несчастный человѣкъ, хотя „въ цѣломъ все-таки благословитъ жизнь“. Это несчастіе, конечно, прежде всего можетъ постигнуть его со стороны неправильно воспитаннаго ума, съ дѣтскихъ лѣтъ жизни оставленнаго безъ разумнаго руководства и потому легко поддающагося всякаго рода увлеченіямъ.

Любопытно было бы подмѣтить, какимъ путемъ совершилось въ Колѣ это посвященіе въ кругъ идей, не соотвѣтствующихъ его возрасту? Очевидно, здѣсь главную роль играло его воспитаніе. Коля росъ подъ исключительнымъ попеченіемъ матери, которая послѣ смерти мужа всю свою жизнь посвятила воспитанію сына и даже вмѣстѣ съ нимъ сама изучала всѣ науки, какія пришлось изучать ему. Но при этомъ одинокая женщина, вѣроятно, слишкомъ сблизила жизнь ребенка съ своей и потому рано ввела его въ кругъ своихъ личныхъ интересовъ, далекихъ отъ интересовъ дѣтской жизни. И вотъ ребенокъ начинаетъ рано смотрѣть на себя какъ на большого и мало-по-малу совсѣмъ выходитъ изъ круга дѣтскихъ интересовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствительное руководство умственной жизнью мальчика, по мѣрѣ

его физическаго и духовнаго роста, все больше и больше уходитъ изъ ея рукъ. Ибо упорный отъ природы и независимый характеръ Коли не только эмансипировался отъ вліянія матери, но даже и ее во всемъ подчинилъ себѣ. На бѣду подвернулись книги, собранныя еще покойнымъ отцомъ Коли, мелкимъ чиновникомъ. И вотъ мальчикъ, не руководимый никѣмъ, вполнѣ предоставляется случайностямъ посторонняго вліянія. Развиваясь въ подобномъ направленіи, Коля естественно очень скоро перерастаетъ своихъ сверстниковъ и уже невольно отстаетъ отъ нихъ, что́ еще больше способствуетъ неправильности его развитія. Могла, конечно, остановить его отъ этого направленія школа, но потому ли, что онъ умѣлъ тщательно скрывать отъ большихъ свой внутренній міръ, или потому, что случайно между его воспитателями не нашлось человѣка, который бы подмѣтилъ складъ его мысли, какъ бы то ни было, онъ почти остается въ этомъ направленіи до конца романа. Онъ остается именно тѣмъ русскимъ школьникомъ, о которомъ замѣчено въ романѣ, будто бы со словъ одного заграничнаго нѣмца, жившаго въ Россіи, что стоитъ ему показать „карту звѣзднаго неба, о которой онъ до тѣхъ поръ не имѣлъ никакого понятія, и онъ завтра-же возвратитъ вамъ эту карту исправленною“ (VI, 372).

Коля Иволгинъ (въ „Идіотѣ“) имѣетъ много общаго съ Колей Красоткинымъ, хотя наиболѣе характерныя черты этого послѣдняго выразились у него не такъ рѣзко, да и вообще его личность очерчена несравненно слабѣе.

Какъ и Красоткинъ, Коля Иволгинъ отъ природы надѣленъ добрымъ и любящимъ сердцемъ. Такъ онъ одинъ изъ всей семьи сохранилъ привязанность къ старику-отцу, дошедшему отъ пьянства до состоянія слабоумія, всѣми заброшенному и приниженному. Изъ всѣхъ членовъ семейства Иволгиныхъ онъ одинъ еще сколько-нибудь заботился о несчастномъ старикѣ, причемъ тринадцатилѣтнему мальчику пришлось чрезъ это постигнуть такую сторону людскихъ отношеній, которую было бы слишкомъ рано знать въ его возрастѣ. Кромѣ этой черты, въ немъ вообще было много добрыхъ и деликатныхъ свойствъ, и его всѣ любили за прямоту и откровенность. Ко всему этому Коля, не смотря на свою наклонность къ резонерству, сохранилъ еще много чисто дѣтскихъ свойствъ, хотя, смѣемъ думать, Достоевскій въ нѣкоторыхъ сценахъ разсказа слишкомъ много приписалъ ему ребяческой наивности. Такъ въ одномъ мѣстѣ романа 13-лѣтній Коля, вмѣсто того, чтобы купить, по порученію товарища, исторію Шлоссера, покупаетъ на его деньги ежа и ни къ чему ненужный топоръ.

Но какъ и въ Колѣ Красоткинѣ, съ тѣми добрыми свойствами, которыми надѣленъ онъ, вовсе не гармонируетъ его напускная серьезность, переходящая иногда въ резонерство. Если вообще въ дѣтяхъ часто можно наблюдать желаніе быть и казаться большими, то въ Колѣ Иволгинѣ это свойство является не однимъ ребячествомъ. По словамъ одного изъ дѣйствующихъ лицъ романа, онъ любитъ выражаться „цѣлыми фразами изъ критическихъ обозрѣній.“ Вѣроятно, подъ вліяніемъ журнальныхъ статей

Коля берется даже за обсужденіе различныхъ соціальныхъ вопросовъ, напускаетъ на себя либерализмъ и усвоиваетъ рѣзкій, обличительный тонъ.

Въ довершеніе сходства обоихъ мальчиковъ нельзя не замѣтить, что и причины, которыя могли вызвать такое направленіе въ ихъ развитіи, очень сходны въ обоихъ случаяхъ. Дѣтство Коли Иволгина во многомъ напоминаетъ дѣтство Красоткина. Хотя онъ и росъ въ семьѣ, гдѣ былъ мужской элементъ, но развивался онъ безъ всякаго руководства, по временамъ совсѣмъ отбивался отъ рукъ и даже не являлся домой ночевать. Съ „вопросами“ онъ несомнѣнно познакомился, когда попалъ въ общество Ипполита и К.

Чтобы покончить съ личностями маленькихъ героевъ Достоевскаго, обратимся къ дѣтству еще одного изъ его героевъ, который по основнымъ чертамъ своего характера стоитъ, впрочемъ, особнякомъ отъ другихъ. Разумѣемъ здѣсь играющаго большую роль въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“ Смердякова, лакея и незаконнаго сына Карамазова-отца. Достоевскій собственно удѣляетъ очень мало мѣста въ романѣ повѣствованію о дѣтствѣ Смердякова, но въ виду тѣхъ особенностей, которыми отличается его личность въ психологическомъ отношеніи, каждый отдѣльный эпизодъ изъ его дѣтской жизни можетъ представлять для насъ значительный интересъ.

Смердяковъ представляетъ собою примѣръ человѣка, одержимаго такъ называемымъ нравственнымъ помѣшательствомъ, которое характеризуется крайне слабымъ развитіемъ нравственнаго чувства*). Этого рода больные весьма часто живутъ, не вызывая со стороны окружающихъ никакого предположенія о болѣзненномъ состояніи ихъ души и не представляя на поверхностный взглядъ никакихъ рѣзко обнаруживающихся разстройствъ. Въ виду этого весьма интересно было бы подмѣтить, какими проявленіями внутренней жизни отличается дѣтство подобнаго рода субъектовъ, тѣмъ болѣе, что въ силу своей прирожденности особенность ихъ душевной жизни должна сказаться уже въ самомъ раннемъ дѣтствѣ.

Что же представляетъ дѣтство Смердякова?

Извѣстно, что душа ребенка легко поддается внѣшнимъ воздѣйствіямъ на нее, что и выражается сравненіемъ ея съ воскомъ. Между тѣмъ о дѣтствѣ Смердякова въ романѣ говорится совсѣмъ другое. Явившись на свѣтъ при самой ужасной обстановкѣ, онъ случайно попадаетъ на воспитаніе къ слугѣ Григорію, человѣку, правда, слишкомъ серьезному, даже немножко угрюмому и резонеру, но во всякомъ случаѣ доброму и набожному. И самъ Григорій, и жена его окружали ребенка самою теплою заботливостью. Но не смотря на это, мальчикъ Смердяковъ отвѣчаетъ на теплоту отношеній къ нему со стороны стариковъ-воспитателей полною безчувственностью къ нимъ и, какъ выражается о немъ Григорій, ростетъ „безъ всякой благодарности,“ ребенкомъ дикимъ и необщительнымъ.

---

*) Д-ръ Чижъ, l. c. 70—73.

Вторымъ симптомомъ душевной жизни Смердякова въ дѣтствѣ является звѣрская жестокость. Онъ, напримѣръ, очень любилъ вѣшать кошекъ и потомъ хоронить ихъ съ церемоніей. Послѣдняя затѣя особенно характерна. Она какъ будто свидѣтельствуетъ, что въ душѣ этого выродка, обдѣленнаго присущей нормальному человѣку способностью нравственныхъ и эстетическихъ чувствованій, все-таки была потребность хоть чѣмъ-нибудь заполнить эту пустоту въ своей душѣ. Лишенный эстетическихъ удовольствій, онъ ищетъ другихъ, вполнѣ соотвѣтствующихъ уровню его нравственнаго развитія. Оба указанныхъ проявленія характера Смердякова въ концѣ концовъ вызываютъ въ честномъ и добромъ Григоріи полную антипатію къ своему питомцу.

Столь же интересно было бы хоть отчасти уяснить себѣ, какъ шло умственное развитіе Смердянова, но все, что можно сказать по этому вопросу на основаніи данныхъ романа, будетъ лишь предположительнымъ заключеніемъ. Присматриваясь съ этой точки зрѣнія къ личности Смердякова, какъ она является въ изображенный въ романѣ періодъ жизни, мы не можемъ не признать за нимъ до извѣстной степени силы мышленія. Но если заключать по примѣрамъ его разсужденій, умственная жизнь его совершалась не вполнѣ обычнымъ порядкомъ. Кажется, напримѣръ, что ему былъ совершенно несвойственъ путь индуктивнаго мышленія, и его мыслительныя способности обнаруживались лишь въ той дѣятельности ума, при которой мысль исключительно развивается сама изъ себя. Самымъ лучшимъ образцомъ его разсужденій служитъ его софизмъ объ отреченіи отъ вѣры, съ котораго собственно и начинается его роль въ романѣ. Это примѣръ своего рода игры ума, не лишеннаго, правда, тонкости, но слишкомъ ограниченнаго въ своихъ пріемахъ и держащагося исключительно одного дедуктивнаго пути мышленія. Основываясь на этомъ предположеніи объ умственныхъ способностяхъ Смердякова, можно заключить, что въ дѣтствѣ своемъ онъ былъ вовсе лишенъ наблюдательности. Это одинъ изъ такъ называемыхъ тупыхъ, или иначе апатичныхъ умовъ, которые отличаются полнымъ безучастіемъ къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ и происходящею отсюда неспособностью къ наблюдательности. Оттого и мыслительныя способности мальчика Смердякова, если сколько-нибудь и прогрессировали, то исключительно въ силу, такъ сказать, органическаго развитія его души, при самомъ слабомъ участіи внѣшнихъ воздѣйствій. Эта односторонность въ настоящемъ случаѣ тѣмъ болѣе естественна, что цѣлая область душевной жизни, именно, область нравственныхъ и эстетическихъ движеній души, была ему совершенно недоступна. Само собою разумѣется, что чрезъ это и общая сумма представленій и понятій въ его душѣ была несравненно бѣднѣе, чѣмъ у нормально развивающагося человѣка.

Все это вмѣстѣ выставляетъ Смердякова такого рода субъектомъ, для котораго, очевидно, ничего не могутъ сдѣлать ни школа, ни воспитательная обстановка семьи, и для котораго лучшее мѣсто было бы въ какомъ-нибудь спеціально воспитательномъ учрежденіи для душевно-больныхъ.

II.

Таковы главнѣйшіе представители выведеннаго Достоевскимъ дѣтскаго міра. Мы старались указать наиболѣе характерныя черты каждаго изъ нихъ, отмѣчая по возможности тѣ условія, которыми опредѣляется развитіе характеровъ этихъ лицъ въ ту или другую сторону. Но и каждое отдѣльное дѣйствіе ихъ, при той психологической вѣрности, которая составляетъ отличительную сторону художественнаго таланта Достоевскаго, можетъ имѣть свой интересъ и значеніе. Присматриваясь къ тѣмъ отдѣльнымъ дѣйствіямъ, съ которыми выступаютъ всѣ эти лица въ романахъ, мы до нѣкоторой степени можемъ узнавать общія свойства дѣтской натуры и чрезъ то уяснять себѣ нѣкоторыя явленія дѣтской жизни вообще. Въ виду этого, не ограничиваясь наблюденіемъ отдѣльныхъ чертъ каждаго дѣйствующаго лица изъ разряда дѣтей-героевъ, попробуемъ еще разъ заглянуть въ глубь ихъ души и по возможности извлечь отсюда все, что можетъ уяснить намъ свойства дѣтской душевной природы и тѣ особенности, какія отличаютъ душевную жизнь ребенка по сравненію съ жизнію взрослаго человѣка.

Для указанной цѣли мы позволимъ себѣ обратиться къ романамъ Достоевскаго съ нѣсколькими общими запросами подобно тому, какъ обращается съ ними педагогика къ явленіямъ непосредственно наблюдаемой жизни.

Одинъ изъ самыхъ существенныхъ вопросовъ въ педагогіи есть вопросъ о томъ, подъ какими вліяніями слагаются общія основы духовной природы ребенка. Наблюденія, которыя можно сдѣлать по этому вопросу на герояхъ Достоевскаго, указываютъ намъ цѣлый рядъ условій, способствующихъ формаціи того, что мы вообще называемъ характеромъ человѣка. Въ ряду ихъ одно изъ первыхъ мѣстъ принадлежитъ наслѣдственной передачѣ духовныхъ свойствъ. Сравнительно новое ученіе о духовной наслѣдственности не можетъ быть оставлено безъ вниманія педагогіей. Установленіе факта наслѣдственной передачи душевныхъ свойствъ, уясняя многое въ жизни ребенка, можетъ способствовать тѣмъ самымъ и установленію надлежащаго modus'а отношеній къ наблюдаемымъ свойствамъ.

Изъ всѣхъ выше разсмотрѣнныхъ лицъ, созданныхъ Достоевскимъ, наиболѣе ясный, по нашему мнѣнію, примѣръ унаслѣдованія дѣтьми духовной природы отцовъ представляетъ личность Алеши Карамазова. Наслѣдственно усвоенной особенностью является въ немъ, по нашему мнѣнію, то усиленно религіозное направленіе мысли, которое наиболѣе рѣзко сказалось въ немъ въ пору юности, но, какъ видно изъ романа, началось еще въ дѣтствѣ. Д-ръ Чижъ объясняетъ религіозное настроеніе Алеши переживаемымъ имъ „періодомъ полового развитія, когда возбужденное еще неясными ощущеніями чувство очень легко объективируется въ религіозной мечтательности*). Но не проще ли, вмѣсто этого проблематическаго объясненія, прямо сопо-

*) Д-ръ Чижъ, Достоевскій etc. 91. Характеристика душевнаго состоянія цитируется авторомъ указаннаго очерка по Крафтъ-Эбингу.

ставить указанную черту характера Алеши съ тѣмъ, что говорится въ романѣ о его матери. Тамъ прямо указывается, что мать Алеши была глубоко религіозна. Такъ самъ Ѳедоръ Павловичъ Карамазовъ вспоминаетъ о ея религіозности, изъ-за которой онъ собственно и щадилъ свою вторую жену, побѣжденный ея смиренно-религіознымъ видомъ. Далѣе, въ романѣ упоминается о нѣсколькихъ случаяхъ проявленія въ ней религіозной экзальтаціи, изъ которыхъ одинъ запомнился Алешѣ на всю жизнь. Въ угнетенной, кроткой и безотвѣтной женщинѣ это чувство было вполнѣ естественно. Очевидно, и въ Алешѣ въ настоящемъ случаѣ говорила кровь матери. Уже когда онъ былъ юношей, въ немъ произошелъ подобный-же порывъ оскорбленнаго религіознаго чувства, сдѣлавшій его, по заявленію отца, какъ двѣ капли воды, похожимъ на мать (VI, 97). Сопоставленіе религіозности Алеши съ такой-же чертой его матери тѣмъ болѣе, полагаемъ, имѣетъ значенія, что и въ родномъ братѣ его, Иванѣ, мы встрѣчаемся съ той-же религіозной закваской, хотя въ немъ, какъ въ человѣкѣ иного склада и другого воспитанія, она проявилась не въ религіозномъ чувствѣ, а главнымъ образомъ въ увлеченіи религіозными вопросами.

Кромѣ указанной черты, весь вообще нравственный обликъ Алеши представляетъ много общаго съ тѣмъ, что говорится въ романѣ о его матери. Въ этомъ случаѣ повторилось явленіе, хорошо извѣстное въ психіатріи: при возможности двоякаго предрасположенія — въ сторону свойствъ отца и въ сторону свойствъ матери — Алеша, какъ сынъ, обнаруживаетъ второе.

Нельзя однако отрицать и вліянія на Алешу личности его отца. Очевидно, его природа восприняла въ себя и часть духовнаго наслѣдства отъ отца. Такъ Ракитинъ не даромъ, конечно, замѣтилъ, что онъ — „Карамазовъ вполнѣ“, и что „этотъ тихоня, святой“, „прошелъ глубину, и сила сладострастія извѣстна ему по его собственнымъ мечтамъ.“ Въ свою очередь, и нравственная дряблость родителя должна была взыскаться на немъ, какъ грѣхъ отцовъ: не смотря на всю идеализацію его личности въ романѣ, Алеша справедливо можетъ казаться не вполнѣ нормальнымъ человѣкомъ. Его стремленія и задачи слишкомъ неопредѣленны, а такой важный шагъ его жизни, какъ завершеніе образованія, былъ вызванъ смутно сознаваемымъ порывомъ, близкимъ къ аффекту.

Кромѣ приведеннаго примѣра, на герояхъ Достоевскаго особенно часто можно наблюдать случаи наслѣдственной передачи различнаго рода нервныхъ болѣзней. Примѣры въ этомъ родѣ приводитъ въ цитованной уже статьѣ д-ръ Чижъ. Такъ эпилептизмъ Нелли ставится имъ въ связь съ пьянствомъ ея отца — кн. Вадбольскаго, истерія Лизы Хохлаковой съ истерическимъ характеромъ ея матери и др. Но всѣ подобные примѣры имѣютъ главнымъ образомъ интересъ какъ явленія психопатическаго характера и потому очень мало даютъ для изученія нормальнаго хода душевной жизни ребенка. Да и вообще наслѣдственность, какъ фактъ непроизвольный, можетъ имѣть значеніе для педагогіи лишь настолько, насколько она ведетъ къ уясненію даннаго характера. Въ виду этого, не останавливаясь на разборѣ

отдѣльныхъ случаевъ проявленія наслѣдственности у Достоевскаго, мы постараемся лишь уяснить одинъ вопросъ, непосредственно вытекающій изъ признанія факта наслѣдственныхъ вліяній. Разумѣемъ здѣсь вопросъ о томъ, насколько унаслѣдованныя природой ребенка свойства и склонности могутъ сглаживаться подъ дѣйствіемъ воспитательныхъ вліяній.

Сопоставляя условія, среди которыхъ прошло дѣтство каждаго изъ сыновей старика Карамазова, съ тѣмъ положеніемъ, какое они заняли въ жизни сообразно своимъ внутреннемъ свойствамъ, нельзя не признать значительной степени вліянія на нихъ именно воспитательныхъ условій. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ они были одарены отъ природы почти въ равной мѣрѣ. Между тѣмъ сколько-нибудь пригоднымъ для жизни оказался въ сущности только одинъ изъ сыновей — Иванъ. Именно, онъ одинъ оканчиваетъ университетъ и составляетъ себѣ независимое и опредѣленное положеніе въ жизни. Изъ двухъ другихъ братьевъ Алеша проводитъ юношество въ неопредѣленно-мечтательныхъ стремленіяхъ, поступаетъ въ монастырь, чрезъ нѣсколько времени выходитъ изъ него и до конца романа остается безъ опредѣленнаго общественнаго положенія. Достоевскій даже не намѣчаетъ ему никакой роли въ дальнѣйшей его жизни. Что касается третьяго брата — Димитрія, то онъ оказался въ полномъ смыслѣ слова прожигателемъ жизни и въ этомъ отношеніи ближе всѣхъ подходилъ къ отцу. Едва-ли можно объяснить разницу въ положеніи, какое создалъ себѣ каждый изъ трехъ братьевъ Карамазовыхъ, если не принять въ расчетъ условій, среди которыхъ прошло ихъ дѣтство. Такъ изъ разсказа о дѣтствѣ Димитрія мы видимъ, что все время о немъ какъ будто забываютъ его ближайшіе опекуны, и онъ четыре раза перемѣняетъ гнѣздо, переходя отъ одной московской барыни къ другой. О правильности воспитанія здѣсь, значитъ, и рѣчи быть не могло. Алеша большую часть дѣтства проводитъ въ семьѣ Полѣнова и только два послѣдніе года передъ пріѣздомъ къ отцу живетъ у какихъ-то двухъ дамъ, родственницъ умершаго къ тому времени опекуна. Хотя этотъ Полѣновъ характеризуется въ романѣ, какъ „благороднѣйшій и гуманнѣйшій человѣкъ, изъ такихъ, какіе рѣдко встрѣчаются“ (VI, 15), но о правильномъ руководствѣ съ его стороны воспитаніемъ Алеши ничто не даетъ основанія предполагать. Вѣроятно, не сознавая въ себѣ способности вести хорошо дѣло воспитанія взятыхъ имъ на свою отвѣтственность мальчиковъ, онъ и отдаетъ Ивана, въ которомъ предположилъ геніальныя дарованія, къ какому-то опытному и знаменитому московскому педагогу. Такимъ образомъ только въ дѣтствѣ одного Ивана и можно предполагать обычно-нормальныя воспитательныя условія. Несомнѣнно, по крайней мѣрѣ, что среда, въ которой онъ воспитывался, заключала въ себѣ больше сдерживающей природныя наклонности мальчика силы, чѣмъ та атмосфера, въ которой росъ Димитрій. Отсюда вполнѣ естественно предположить, что болѣе или менѣе одинаковая природа братьевъ видоизмѣнилась въ жизни, благодаря различнымъ воздѣйствіямъ окружавшей ихъ дѣтство среды.

Наслѣдственныя предрасположенія принадлежатъ къ числу такихъ опредѣляющихъ душевный составъ личности условій, вліяніе которыхъ начинается прежде, чѣмъ ребенокъ входитъ въ предопредѣленную ему среду. Вторую категорію вліяній составляютъ тѣ, которыя оказываетъ на душу ребенка окружающая его жизнь. Вліяніе этихъ условій бываетъ двоякаго рода. Они, во-первыхъ, образуютъ въ душѣ ту сумму представленій, которая составляетъ духовное богатство человѣка. Во-вторыхъ, они непосредственно вліяютъ на весь душевный бытъ человѣка, вызывая въ немъ непосредственнымъ своимъ дѣйствіемъ различнаго рода душевныя движенія. Посмотримъ, какъ дѣйствуютъ указанныя условія въ жизни героевъ Достоевскаго.

Въ психической жизни дѣйствующихъ лицъ Достоевскаго весьма часто играютъ роль, такъ сказать, несознанныя представленія, которыя не только даютъ тонъ душевному настроенію лица, но иногда вліяютъ и на самую волю субъекта, вызывая его на дѣйствія. Относящіеся сюда примѣры можно найти въ „Карамазовыхъ“ и въ „Идіотѣ.“ Но если такова сила вліянія этого рода представленій, то вся вообще сумма представленій, смѣняющихся въ душѣ въ періодѣ дѣтства, не можетъ не имѣть большого вліянія на образованіе психическаго строя лица. Само собою разумѣется, что въ данномъ случаѣ бо́льшее значеніе должны получить такія представленія изъ ранней дѣтской жизни, которыя наиболѣе глубоко врѣзались въ душу.

Вліяніе такихъ представленій, можно видѣть на приведенныхъ уже примѣрахъ изъ дѣтства Алеши Карамазова и Андрея Долгорукаго: для одного послѣдующая за первымъ дѣтствомъ жизнь во многомъ опредѣлилась врѣзавшимся представленіемъ скорбно молящейся матери, у другого все дѣтство прошло въ мечтахъ о поразившемъ однажды юную его душу отцѣ. Въ томъ и другомъ случаѣ живучесть сохраненныхъ душою представленій вытекала, конечно, изъ того, что воспроизведеніе ихъ памятью сопровождалось откликомъ въ самыхъ чувствахъ лица. Въ Алешѣ, напримѣръ, воспроизведеніе такого господствующаго въ душѣ представленія вызвало однажды истерическій припадокъ; въ „Подросткѣ“ мысль объ отцѣ сопровождалась влеченіемъ къ нему. Соотвѣтственно этому, неоднократное повтореніе чувства должно было неизбѣжно отразиться и на общемъ состояніи души обоихъ этихъ лицъ. Конкретно выражаясь, душа ихъ, подъ вліяніемъ доминирующаго настроенія, какъ бы приняла извѣстный отпечатокъ, который и остался на ней навсегда.

То, что указано здѣсь на основаніи наблюденій надъ художественными типами, отмѣчается затѣмъ самимъ Достоевскимъ какъ достовѣрный фактъ. То устами дѣйствующихъ лицъ своихъ романовъ, то непосредственно отъ своего лица, Достоевскій не разъ заявляетъ, что вынесенныя изъ дѣтства впредставленія могутъ имѣть значеніе на всю жизнь. Такъ его старецъ Зосима (въ „Бр. Карамазовыхъ“) говоритъ, что „нѣтъ драгоцѣннѣе воспоминаній у человѣка, какъ отъ перваго его дѣтства въ домѣ родительскомъ“, и что „отъ

самаго дурнаго семейства могутъ сохраниться воспоминанія драгоцѣнныя, если только сама душа способна искать драгоцѣнное" (VI, 199). И въ концѣ того же романа Алеша Карамазовъ, обращаясь съ рѣчью къ мальчикамъ, проситъ ихъ не забывать, что одно какое-нибудь прекрасное, святое воспоминаніе, сохраненное съ дѣтства, есть самое лучшее воспитаніе. „Если много набрать такихъ воспоминаній съ собою въ жизнь, то спасенъ человѣкъ на всю жизнь" (ib. 518). Въ собственной душѣ Достоевскій нашелъ одно изъ такихъ воспоминаній, и оно, по его сознанію, спасло его въ роковые годы жизни. Въ „Дневникѣ" своемъ онъ припоминаетъ, какъ въ одну изъ тяжелыхъ минутъ его острожной жизни, воскресло въ его памяти одно незамѣтное и, казалось, забытое мгновеніе изъ перваго дѣтства. Ему пришло на умъ, какъ однажды его, девятилѣтняго мальчугана, испуганнаго галлюцинаціей, успокоилъ и обласкалъ крѣпостной его отца, мужикъ Марей. Для него, пережившаго множество самыхъ разнообразныхъ и сильныхъ впечатлѣній, это неважное обстоятельство, залегшее въ его памяти непримѣтно и помимо его воли и также независимо отъ него возникшее, „вдругъ припомнилось тогда, когда было надо." Подъ его вліяніемъ онъ почувствовалъ, что можетъ смотрѣть на несчастныхъ, окружавшихъ его въ острогѣ, совсѣмъ другимъ взглядомъ, и что вдругъ, какимъ-то чудомъ, исчезла совсѣмъ всякая ненависть и злоба въ сердцѣ его. (Дн. Пис. 1876, т. V, 291—293). Другой примѣръ вліянія сильныхъ впечатлѣній дѣтства указываетъ Достоевскій въ Некрасовѣ. По его словамъ, „источникомъ всей страстной, страдальческой поэзіи его" было „раненое въ самомъ началѣ жизни сердце." „Онъ (Некрасовъ) говорилъ мнѣ — пишетъ Достоевскій — со слезами о своемъ дѣтствѣ, о безобразной жизни, которая измучила его въ родительскомъ домѣ, о своей матери — и то, какъ говорилъ онъ о своей матери, та, сила умиленія, съ которою онъ вспоминалъ о ней, рождали уже и тогда [т. е. въ самомъ началѣ литературной карьеры Некрасова] предчувствіе, что если будетъ что-нибудь святое въ его жизни, но такое, что могло бы спасти его и послужить ему маякомъ, путевой звѣздой даже въ самыя темныя и роковыя мгновенія судьбы его, то, ужъ конечно, лишь одно это первоначальное дѣтское впечатлѣніе дѣтскихъ слезъ, дѣтскихъ рыданій вмѣстѣ, обнявшись, гдѣ-нибудь украдкой, ... съ мученицей матерью, съ существомъ столь любившимъ его" (V, 746). Вообще Достоевскій не разъ касался въ своемъ „Дневникѣ" вопроса о томъ значеніи, какое могутъ имѣть вынесенныя изъ дѣтства представленія. Не выписывая всего сказаннаго по этому поводу, позволимъ себѣ привести здѣсь еще только одно мѣсто, относящееся сюда. „Человѣкъ — пишетъ онъ въ іюльскомъ номерѣ „Дневника" 1877 года — уже по самой необходимости наклоненъ отмѣчать какъ бы точки въ своемъ прошедшемъ, чтобы по нимъ потомъ оріентироваться въ дальнѣйшемъ и выводить по нимъ хотя бы нѣчто цѣлое для порядка и собственнаго назиданія. При этомъ самыя сильнѣйшія и вліяющія воспоминанія почти всегда тѣ, которыя остаются изъ дѣтства" (V, 631).

Но главное мѣсто въ ряду условій, вліяющихъ на формацію души

человѣка въ пору его дѣтства, должно принадлежать конечно тѣмъ, которыя дѣйствуютъ непосредственно на сознаніе и чувство человѣка. Чтобы не повторять однако того, что было уже сказано при разборѣ главныхъ дѣтскихъ характеровъ Достоевскаго, мы позволимъ себѣ остановиться на вопросѣ о томъ, въ чемъ заключаются въ каждой отдѣльной личности слѣды вліянія вызванныхъ условіями жизни впечатлѣній, и ограничимся лишь нѣкоторыми соотвѣтствующими вопросами общаго характера.

Прежде всего можетъ представиться вопросъ, насколько душа ребенка способна съ своей стороны выказать силу противодѣйствія вліянію на нее внѣшнихъ условій?

На долю маленькихъ героевъ Достоевскаго чаще всего выпадаетъ гнетущая обстановка жизни. И такъ чѣмъ уже съ своей стороны отвѣчаетъ душа ребенка на удручающее воздѣйствіе окружающей среды?

Присматриваясь къ личностямъ взятыхъ нами героевъ Достоевскаго, мы не можемъ, съ одной стороны, не видѣть, что въ тѣхъ изъ нихъ, которымъ судьба послала на долю печальную обстановку жизни, нѣтъ не только самоувѣреннаго, но даже и того нормально-спокойнаго отношенія къ людямъ, какое можетъ быть свойственно ребенку, воспитывающемуся при другихъ обстоятельствахъ. Нелли, Нета, даже Илюша и „Подростокъ“ (въ дѣтствѣ) пугливы и застѣнчивы. Вмѣстѣ съ тѣмъ нужда и горе вызываютъ во всѣхъ четверыхъ какъ бы ожесточеніе противъ людей и недовѣріе къ самымъ открытымъ дѣйствіямъ въ отношеніи ихъ. Такъ, подъ вліяніемъ ожесточенія, Нелли готова была уйти отъ человѣка, принявшаго участіе въ ея судьбѣ, и вернуться къ той женщинѣ, которая ее тиранила. Люди, окружавшіе ее самымъ заботливымъ попеченіемъ, долгое время не видали съ ея стороны ничего, кромѣ упорнаго сопротивленія себѣ. Другимъ послѣдствіемъ тѣхъ же гнетущихъ обстоятельствъ является наклонность къ удаленію отъ людей и чувство тоски. Такъ Нелли была необщительна и грустна. Нета въ домѣ кн. Х. и Андрей Долгорукій въ пансіонѣ Тушара живутъ почти все время замкнувшись въ себя, исключительно своимъ внутреннимъ міромъ. Но какъ ни разительны эти примѣры, мы не можемъ не видѣть, съ другой стороны, что обстановка, дѣйствующая угнетающимъ образомъ на ребенка, оказываетъ на него не одно только отрицательное вліяніе и во всякомъ случаѣ не можетъ подавить всѣхъ природныхъ задатковъ души его. Уже изъ бѣглаго очерка характеровъ поименованныхъ выше личностей возможно, полагаемъ, видѣть, что недостатокъ знакомства съ внѣшнимъ міромъ, закрывшимся для нихъ многими своими сторонами, возмѣщается, по крайней мѣрѣ въ первыхъ троихъ, развившеюся чрезъ то-же вліяніе способностью понимать самыя тонкія движенія душевной жизни окружающихъ людей. Такъ маленькая Нелли съумѣла понять характеръ своего страннаго дѣда, поняла также, не смотря на свое дѣтство, „многое изъ того, до чего не развивается иной въ цѣлые годы своей обезпеченной и гладкой жизни. (П. Ун. и О. 96.) Илюша Снѣгиревъ одинъ изъ всей семьи откликнулся на униженіе отца и одинъ понималъ, что творилось въ душѣ этого юродство-

вавшаго, но много перечувствовавшаго человѣка. На немъ вполнѣ оправдывались слова, сказанныя его отцомъ, что „дѣтки презрѣнныхъ, но благородныхъ нищихъ правду на землѣ еще въ девять лѣтъ отъ роду узнаютъ“ (VI, 142). Вмѣстѣ съ тѣмъ, не смотря на вызванное суровою долею жизни ожесточеніе, добрыя свойства не стираются совершенно съ души этихъ дѣтей и въ концѣ концовъ, подъ вліяніемъ мягкаго обращенія, проявляются сами собою. Даже наиболѣе озлобленное и сильнѣе всѣхъ одичавшее существо Нелли не могло устоять противъ ласки и, окруженное теплыми попеченіями въ домѣ Ихменевыхъ, совсѣмъ смягчилось. Замѣчательно при этомъ, что первымъ движеніемъ души Нелли на встрѣчу выказываемому ей теплому участію былъ стыдъ за грубость и непривѣтливость. Словомъ, душа ребенка, предоставленная удручающимъ ее впечатлѣніямъ, встрѣчаетъ ихъ не однимъ пассивнымъ подчиненіемъ имъ, и то душевное настроеніе, которымъ характеризуется внутренняя жизнь ребенка, слагается, очевидно, подъ дѣйствіемъ двухъ производителей: силы внѣшняго воздѣйствія и того противодѣйствія, которое оказываетъ душа внѣшнему давленію съ своей стороны.

Другой вопросъ: насколько присуще дѣтямъ чувство личнаго достоинства и какими волненіями сопровождается оскорбленіе въ немъ этого чувства?

Въ „Подросткѣ“ разсказывается, какъ одинъ необразованный воспитатель (Тушаръ) вздумалъ выместить на неповинномъ мальчикѣ неудовлетворенное чувство алчности и съ этого цѣлью совершенно сознательно сталъ оскорблять едва зарождавшееся въ ребенкѣ чувство достоинства. Какъ отвѣтила на это воздѣйствіе душа послѣдняго? Сначала онъ вовсе даже не почувствовалъ оскорбленія: онъ былъ только удивленъ и по прежнему довѣрчиво относился къ своему оскорбителю; грубое обращеніе съ собою онъ принялъ за обыкновенное наказаніе. Затѣмъ, мало-по-малу, душа его и на самомъ дѣлѣ впитала въ себя навязанныя ей низкія свойства, и мальчикъ, чтобы угодить воспитателю, уже самъ, добровольно, входитъ въ роль лакея. Но скоро же начинается въ немъ и реакція этому чувству сознательной приниженности. Сначала она выразилась въ „пассивной ненависти и подпольной злобѣ“: чтобы заглушить чувство обиды, ребенокъ не только выноситъ оскорбленія, но даже самъ старается предупредить желанія обидчика, не смотря на всѣ насмѣшки надъ собой. Дѣлается это однако уже съ полнымъ сознаніемъ того, что его оскорбляютъ, и потому со злобой и ненавистью. Наконецъ, по мѣрѣ того, какъ въ душѣ его все больше и больше накоплялось „что то невыносимое“, мальчикъ рѣшается бѣжать совсѣмъ изъ дома оскорбителя, даже не сложивъ въ наивномъ своемъ представленіи всѣхъ послѣдствій задуманнаго дѣла.

Изъ всего этого можно сдѣлать заключеніе, что было бы слишкомъ опрометчиво считать дѣтскую душу недоступной чувству чести. Оно, очевидно, живетъ въ ребенкѣ независимо отъ постороннихъ внушеній, стоитъ въ связи съ общимъ развитіемъ въ немъ сознанія и въ тѣхъ случаяхъ, когда его оскорбляютъ, выказывается сильными волненіями противодѣйствующаго характера.

Можетъ ли, наконецъ, душа ребенка оказать туже степень противодѣйствія и при давленіи на нравственную сторону ея природы? Естественно думать, что ребенокъ долженъ быть наиболѣе всего податливъ въ отношеніи нравственныхъ чувствъ своихъ. Въ романахъ Достоевскаго мы также можемъ встрѣтить указанія, что нравственная основа дѣтской души вполнѣ открыта дурнымъ вліяніямъ. Такъ его старецъ Зосима въ предсмертной бесѣдѣ своей завѣщаетъ каждую минуту смотрѣть за собой, чтобы незамѣтно не заронить въ беззащитное сердце ребенка дурного сѣмени, которое легко можетъ возрасти. Онъ же съ грустію указываетъ на то обстоятельство, что на фабрикахъ девятилѣтнія дѣти быстро развращаются подъ вліяніемъ нравственно разлагающей обстановки (VI, 216). Встрѣчаются, кромѣ того, у Достоевскаго случаи, указывающіе, какъ склонны бываютъ дѣти усвоивать извращенныя понятія взрослыхъ и подражать имъ въ своихъ поступкахъ, не отдавая себѣ отчета въ смыслѣ своихъ дѣйствій. Одинъ изъ подобныхъ случаевъ передается, напримѣръ, въ „Идіотѣ“. Кн. Мышкинъ разсказываетъ о томъ, какъ дѣти швейцарской деревушки, гдѣ жилъ онъ въ періодъ своей болѣзни, изъ подражанія взрослымъ ожесточились противъ одной несчастной, безотвѣтной дѣвушки, униженной и оскорбленной ихъ отцами. Другой примѣръ въ этомъ родѣ представленъ въ „Карамазовыхъ“. Дѣти школьники не прощаютъ Илюшѣ Снѣгиреву его бѣдности и дурной одежды, дразнятъ униженіемъ отца, доводятъ его до озлобленія, цѣлой толпой идутъ на одного хилаго и малосильнаго ребенка, — опять таки подъ вліяніемъ извращенныхъ понятій взрослыхъ. Но самый рѣзкій примѣръ дѣтской воспріимчивости въ этомъ направленіи представляетъ намъ разсказъ „Подростка“ о его дѣтствѣ. Мы видимъ, какъ не безсердечный по природѣ ребенокъ, подъ вліяніемъ ложнаго стыда предъ мнѣніемъ „графскихъ и сенаторскихъ дѣтей“, грубо обрываетъ ласки бѣдно одѣтой матери, пришедшей къ нему на свиданіе, и тяготится ея присутствіемъ. Потомъ, нѣсколько времени спустя, этотъ добрый мальчикъ горько оплакалъ свое отреченіе отъ родной матери, но въ ту минуту въ душѣ его былъ лишь одинъ стыдъ за ея убогую внѣшность.

Но на ряду съ выбранными здѣсь примѣрами, представляющими гибкость дѣтской природы въ указанномъ отношеніи, встрѣчаемъ мы у Достоевскаго примѣръ противоположнаго характера, въ которомъ проявляется протестъ дѣтскаго сердца противъ насильнаго вовлеченія въ ложь и обманъ. Мы находимъ этотъ примѣръ въ „Неточкѣ Незвановой“. Отчимъ Неты, пользуясь слѣпою любовію къ себѣ дѣвочки, такъ съ умѣлъ подчинить ея волю, что она рѣшилась даже похитить для него послѣднія деньги, на которыя предстояло жить всей семьѣ. Однако обманъ стоилъ ей дорого. Вынуждая себя на поступокъ, противный ея нравственному чувству, Нета пережила цѣлый рядъ страданій: сначала, при одномъ предложеніи позорнаго дѣла, она была охвачена чувствомъ стыда за себя и отца, затѣмъ, уже по совершеніи проступка, ея душа такъ была поражена сознаніемъ ужасности совершеннаго, что съ дѣвочкой произшелъ нервный припадокъ, и только сонъ и время ослабили силу впечатлѣнія. Этотъ примѣръ тѣмъ болѣе характеренъ, что

обманъ совершается здѣсь подъ вліяніемъ чувства любви и при полномъ участіи сознанія. Здѣсь нѣтъ увлеченія примѣромъ, нѣтъ и самообмана: ея душа воспротивилась неправдѣ всѣми своими силами и сознаніе нравственной цѣны поступка ни на минуту не оставляло ее. Легкомысленно дѣйствующимъ здѣсь является такимъ образомъ не ребенокъ, а тотъ, кто направлялъ его на зло, слишкомъ полагаясь на дѣтскую наивность.

Сопоставивъ всѣ эти примѣры вмѣстѣ, нельзя не видѣть, что во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ душа ребенка, въ отношеніи внѣшнихъ вліяній, представляется далеко не какъ tabula rasa. Основнымъ фондомъ душевной жизни являются все-таки природныя свойства души, которыя при всей гибкости дѣтской природы далеко не всегда уступаютъ внѣшнимъ вліяніямъ на нее.

Во всѣхъ извлеченныхъ нами изъ Достоевскаго примѣрахъ, начиная съ примѣровъ, представляющихъ едва уловимое вліяніе наслѣдственности, и кончая тѣми, въ которыхъ сказывается дѣйствіе на ребенка окружающихъ его лицъ, мы имѣемъ въ сущности дѣло съ вліяніями внѣшняго характера. Но сводятся ли мотивы психической жизни ребенка къ однимъ лишь внѣшнимъ воздѣйствіямъ? не происходятъ ли иногда въ ребенкѣ такого рода душевныя движенія, происхожденіе которыхъ можно было бы объяснить исключительно причинами внутренняго характера? Бываютъ случаи, что въ сознаніи человѣка вдругъ являются невѣдомымъ путемъ возникшія идеи, которыми и направляется дальнѣйшій ходъ его внутренней жизни. Такъ бываетъ и въ дѣтствѣ. Намекъ на это дѣлаетъ Достоевскій въ V гл. „Дневника“ за 1873 годъ. Тамъ передается одна повѣсть изъ народнаго быта, въ которой дѣйствующимъ лицомъ является молодой крестьянскій парень, совершившій, изъ похвальбы предъ товарищами и по наущенію одного изъ нихъ, кощунство, изъ ряда вонъ выходящее. Разбирая психологическую сторону этого дѣла по отношенію къ лицу, создавшему въ своемъ воображеніи это кощунство и подстрекавшему къ его совершенію другое лицо, Достоевскій высказываетъ предположеніе, что „можетъ быть, давно уже, съ дѣтства, эта мечта заползала въ душу его, потрясала ее ужасомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и мучительнымъ наслажденіемъ“ (V, 170). Откуда могла родиться въ искусителѣ эта идея? Едва ли могла натолкнуть на нее окружающая жизнь, а между тѣмъ и „мечта“, — т. е. вызванное ею въ дѣтской головѣ представленіе, — „проникала его изрѣдка, манила его, а онъ робко поддавался, и отступалъ, холодѣя отъ ужаса“ (ibid.). Мы отмѣтили этотъ указанный Достоевскимъ случай наряду съ художественными изображеніями дѣтства въ виду того, что онъ самъ объясняетъ его въ примѣненіи къ дѣтской жизни. Къ сожалѣнію, мы не встрѣчаемъ у него ни одного художественнаго примѣра въ этомъ родѣ. Нѣсколько подходящей къ явленіямъ этого рода можетъ казаться „идея“ подростка, но она является болѣе понятною въ немъ, какъ человѣкѣ протестующемъ противъ своего общественнаго положенія.

III.

Второй вопросъ, входящій въ программу нашихъ наблюденій надъ выраженіемъ душевной жизни въ маленькихъ геройхъ Достоевскаго, есть вопросъ о тѣхъ особенностяхъ, которыя отличаютъ общій складъ ихъ душевнаго быта. Чтобы сколько-нибудь освѣтить этотъ вопросъ, мы постараемся вникнуть въ то, какія отправленія являются преобладающими въ душевной жизни этихъ героевъ и какія отличія можно наблюсти въ характерѣ самыхъ душевныхъ движеній.

Нельзя прежде всего не замѣтить, что преобладающимъ началомъ внутренней организаціи у всѣхъ дѣтей Достоевскаго является чувство, которымъ они и руководствуются главнымъ образомъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Эта общая черта духовной природы дѣтей особенно присуща дѣтямъ, выведеннымъ Достоевскимъ. Всѣ почти его маленькіе герои, не умѣя еще разсудить, уже умѣютъ постигнуть сердцемъ смыслъ окружающаго. Было уже сказано, что Нелли, Нета и Илюша прекрасно понимали совершающееся около нихъ, чувствомъ угадывая истину. Такъ Илюша чувствомъ угадалъ въ своемъ отцѣ человѣка, не смотря на паденіе, неутратившаго сознанія своей человѣчности, въ то время, какъ всѣ окружающіе его видѣли въ немъ лишь шута. Особенно чуткой въ этомъ отношеніи является душа ребенка тамъ, гдѣ ему приходится угадать душевное состояніе окружающихъ лицъ, причемъ это свойственно не только тѣмъ дѣтямъ, которыя ростутъ въ исключительныхъ условіяхъ, способствующихъ раннему возбужденію чувствъ, но наблюдается въ дѣтяхъ различнаго душевнаго развитія. Такъ маленькій герой Достоевскаго, въ жизни котораго нѣтъ основанія предполагать тѣхъ вліяній, какія наблюдаются въ отношеніи трехъ вышеупомянутыхъ лицъ, также съумѣлъ угадать въ Mme M* страдающее существо. Положимъ, это своего рода инстинктивное чувство не всегда является непогрѣшимымъ. Нета ошиблась, считая своего отчима человѣкомъ угнетеннымъ: несчастіе въ ихъ семью вносилъ именно онъ, а не мать, которая казалась ей женщиной жестокой и несправедливой. Но замѣчательно то, что непосредственное чувство, вводя въ обманъ, само же и выводитъ изъ него. Такъ оно же и подсказало Нетѣ, что различныя отношенія ея къ отчиму и матери не должны быть справедливы. Уже и тогда въ ея душу западала тревога, смущеніе и сомнѣніе въ справедливости своихъ чувствъ. „Совѣсть возставала во мнѣ — воспоминаетъ она впослѣдствіи — и часто съ мученіемъ и страданіемъ я чувствовала несправедливость свою къ матушкѣ“ (I, 371).

Это преобладаніе начала чувствовательнаго надъ разсуждающимъ сопровождается въ то-же время слабостью волевого элемента дѣтской души, которая вслѣдствіе этого легко можетъ направляться волей другого. Такъ Нета вполнѣ подчиняется отцу и, принимая на себя совершеніе проступка, котораго не одобряло ея нравственное чувство, изъ любви къ отчиму забываетъ и свою мать, и пережитое ею самою мученіе совѣсти. Кромѣ того, легкая возбудимость чувства въ свою очередь дѣлаетъ возможной скорую

реакцію его и быструю смѣну душевными движеніями совершенно противоположнаго характера. Такую реакцію способны вызвать самыя, повидимому, слабыя постороннія впечатлѣнія, вошедшія въ душу въ ту пору, когда она вся охвачена извѣстнымъ чувствомъ. Такъ въ „Подросткѣ“ Макаръ Ивановичъ разсказываетъ, какъ одинъ мальчикъ, испуганный на смерть бѣшенымъ гнѣвомъ самодура-воспитателя, вдругъ забываетъ свой испугъ при видѣ ежа, который случайно обратилъ на себя его вниманіе; но когда вслѣдъ затѣмъ новый окрикъ озвѣрѣвшаго воспитателя вывелъ его изъ временнаго отрѣшенія отъ испуга, прежнее чувство вновь вошло въ него съ бо́льшею силою, и обезумѣвшій отъ ужаса ребенокъ, подъ вліяніемъ сильнаго возбужденія души, бросается въ рѣку, около которой стоялъ, и погибаетъ (IV, Подр. 227). Этотъ разсказъ, правда, слишкомъ разсчитанъ на умилительное впечатлѣніе, но тѣмъ не менѣе Достоевскій самъ же подтверждаетъ его правдоподобность. „Я думаю, говоритъ онъ (устами разсказчика, — Подростка), — что такихъ исторій въ нашихъ городахъ и городишкахъ случается тысячами, лишь бы умѣть смотрѣть“ (ibid. 224). Совершенно аналогичное этому явленіе отмѣчаетъ затѣмъ Достоевскій въ своемъ „Дневникѣ“ 1876 г., но беретъ его уже прямо изъ жизни. Обсуждая разбиравшееся тогда въ Петербургскомъ Окружномъ Судѣ дѣло Кронеберга, привлеченнаго къ отвѣтственности за жестокое обращеніе съ собственнымъ ребенкомъ, Достоевскій между прочимъ останавливаетъ особенное вниманіе на одной подробности, на которую слишкомъ напиралъ защитникъ обвиняемаго. Послѣдній указывалъ, что ребенокъ послѣ побоевъ могъ играть: значитъ ни оскорбленіе, ни чувство физической боли не были у него сильны. Оспаривая это заключеніе, Достоевскій признаетъ совершенно естественнымъ, что оскорбленная и избитая дѣвочка вслѣдъ за побоями начинаетъ играть. „Маленькія дѣти — замѣчаетъ онъ на это — бываютъ такъ скоро впечатлительны и воспріимчивы“ (V, 305). Очевидно, по той же самой причинѣ плачущій мальчикъ Смуровъ въ „Карамазовыхъ“ послѣ похоронъ Илюшечки, при всей силѣ испытываемаго имъ въ тѣ минуты чувства утраты, успѣлъ таки, чуть не на бѣгу, захватить обломокъ кирпичика, краснѣвшаго на снѣгу дорожки, чтобъ метнуть имъ въ быстро пролетѣвшую стаю воробушковъ“ (VI 516).

Все это вмѣстѣ указываетъ, что чувствовательная сторона человѣческой природы является въ дѣтской душѣ болѣе всего отзывчивой и открытой внѣшнимъ воздѣйствіямъ. Весь вопросъ въ томъ, свойственна ли дѣтскимъ чувствамъ та степень глубины и силы, какая открывается иногда въ чувствахъ взрослаго человѣка? Душевный бытъ маленькихъ героевъ Д-го свидѣтельствуетъ, что дѣтской душѣ свойственны почти всѣ виды чувствъ, доступныхъ душѣ взрослаго, причемъ какъ степень напряженія, такъ и глубина ихъ доходятъ иногда въ дѣтской душѣ до высшихъ размѣровъ.

Не останавливаясь на всѣхъ-категоріяхъ человѣческихъ чувствованій, обратимъ вниманіе на тѣ изъ нихъ, въ которыхъ лучше всего выражается, до какой, относительно говоря, глубины можетъ доходить способность чувства въ ребенкѣ.

Прежде всего мы видимъ, что дѣтямъ могутъ быть присущи въ равной степени напряженія какъ альтрюистическія, такъ и эгоистическія чувства. Подъ вліяніемъ альтрюистическихъ чувствъ ребенокъ, напримѣръ, можетъ быть способенъ къ самопожертвованію. Такъ Нета, чтобы угодить отцу, подавляетъ въ себѣ чувство физической боли (I, 369); Нелли пересиливаетъ въ себѣ наплывъ болѣзненныхъ чувствъ и изъ великодушныхъ побужденій разсматриваетъ свою печальную повѣсть, не смотря на то, что разсказъ вызывалъ въ ней тяжкія нравственныя страданія.

Но и волненія противоположнаго характера могутъ быть доступны дѣтскому сердцу, причемъ и здѣсь глубина и сила чувства могутъ, повидимому, доходить до тѣхъ же размѣровъ, до какихъ доходятъ соотвѣтствующія волненія взрослаго человѣка.

Говоря о размѣрахъ чувствъ, мы имѣемъ въ виду, конечно, лишь ихъ видимое проявленіе, а не количественное ихъ соразмѣреніе между собою, для котораго до сихъ поръ психологія еще не установила опредѣленной единицы мѣры. Видимая сила ихъ лучше всего, полагаемъ, опредѣляется тѣмъ, насколько велико въ нихъ участіе волевыхъ элементовъ. Если примѣнить къ чувствамъ эту точку зрѣнія, то мы должны будемъ признать за чувствами героевъ Достоевскаго возможность достиженія той же степени глубины и силы, какъ и за чувствами взрослаго человѣка. Такъ въ Катѣ, напримѣръ, мы наблюдаемъ столько гордости, что подъ вліяніемъ ея она не позволяетъ вылиться наружу своимъ влеченіямъ къ Нетѣ; подъ вліяніемъ того же чувства Нелли долго не хотѣла пользоваться гостепріимствомъ Ивана Петровича; та же Нелли питаетъ въ душѣ своей сильную злобу противъ кн. Вадвольскаго, которому она не хотѣла простить нанесеннаго ея матери оскорбленія даже въ предсмертные часы. — Что касается самыхъ формъ, которыя принимаетъ внѣшнее обнаруженіе чувствъ этого рода, то и тутъ нельзя не видѣть на примѣрѣ героевъ Достоевскаго, что степень развитія чувствъ со стороны глубины и силы можетъ равняться сложнымъ волненіямъ взрослаго человѣка. Такъ дѣтская месть можетъ удивить находчивостью и умѣньемъ попасть въ самое больное мѣсто. Подъ вліяніемъ уязвленнаго самолюбія княжна Катя выбираетъ, напримѣръ, самую чувствительную струну въ сердцѣ Неты, выставляя предъ ней ея сиротство и бѣдность. Въ другой разъ та-же Катя, чтобы сильнѣе выразить Нетѣ свое нерасположеніе, прибѣгаетъ къ самому тонкому и чувствительному средству, игнорируя совершенно Нету и стараясь не замѣчать самаго ея существованія.

Какъ на особенность дѣтской природы въ указанномъ отношеніи, можно указать на то, что жестокость съ ихъ стороны бываетъ иногда вовсе не преднамѣренною и проявляется тамъ, гдѣ не можетъ быть и рѣчи о мести. Еще поразительнѣе то, что на нее бываютъ способны дѣти, природѣ которыхъ, по всѣмъ признакамъ, вовсе не свойственно это чувство. Какъ ни кажется это страннымъ, тѣмъ не менѣе соотвѣтствующіе случаи мы какъ разъ наблюдаемъ у Достоевскаго. Чтобы не указывать на приведенные уже примѣры, сошлемся на одно мѣсто „Бѣдныхъ людей“. Ва-

ренька Доброселова вспоминаетъ въ своемъ дневникѣ, что она въ дѣтствѣ находила большое удовольствіе въ томъ, чтобы выводить изъ терпѣнія безотвѣтнаго Покровскаго. Но самый разительный примѣръ жестокости представляетъ поступокъ добраго и нѣжнаго сердцемъ Илюши Снѣгирева. По наущенію Смердякова, Илюша бросаетъ собакѣ кусокъ хлѣба, въ которомъ была скрыта булавка, чтобы посмотрѣть, „что изъ этого выйдетъ“. Какъ объяснить всѣ эти случаи? При поверхностномъ отношеніи принято объяснять ихъ слабымъ развитіемъ въ дѣтяхъ разсудительности („дитя, молъ, глупо“). Но и самый неразвитый ребенокъ не можетъ, конечно, не знать, что собака, проглотивъ булавку, должна чувствовать боль. Скорѣе всего, какъ можно заключать изъ примѣра Илюши, во всѣхъ подобныхъ случаяхъ вліяетъ быстрая возбудимость чувства, на которое оказываетъ сильное давленіе дѣятельность воображенія. Въ головѣ Илюши, вѣроятно, пронеслось представленіе того, какъ завертится собака подъ вліяніемъ боли; но вмѣсто того, чтобы отвлечь его отъ поступка, именно это-то представленіе и толкало его впередъ, ибо волевое начало, въ силу своего слабаго развитія, не только не въ состояніи было оказать противодѣйствіе, но само же въ данномъ случаѣ стало въ зависимость отъ воображенія.

Наконецъ, самъ Достоевскій отмѣчаетъ еще одну особенность дѣтскаго нрава въ этомъ отношеніи, состоящую въ томъ, что дѣти всегда при совмѣстныхъ дѣйствіяхъ бываютъ способны на большую жестокость, чѣмъ въ одиночку. „Дѣти въ школахъ народъ безжалостный,“ говоритъ отецъ Илюши: „порознь Ангелы Божіи, а вмѣстѣ, особенно въ школахъ, весьма часто безжалостные“ (VI, 142). Очевидно, въ массѣ, при общемъ, какъ бы повальномъ настроеніи, воля дѣйствуетъ слабѣе, вслѣдствіе чего при массовыхъ дѣйствіяхъ раздраженное чувство и труднѣе сдерживается и энергичнѣе проявляется.

Въ такой же степени доступной представлена у Достоевскаго дѣтская душа разнаго рода моральнымъ возбужденіямъ, весьма сложнымъ по составу. Изъ душевныхъ движеній этого типа наиболѣе ярко представлены у него тѣ волненія, которыми сопровождаются чувствованія совѣсти. Подобный примѣръ представляетъ намъ Неточка Незванова, испытавшая страшныя мученія совѣсти послѣ совершенія обмана за-одно съ отцомъ. Выше уже было указано, чѣмъ мотивировалось въ Нетѣ это чувство. Степень развитія его лучше всего, полагаемъ, опредѣляется силой порицанія и стыда, которыми сопровождалось нравственное состояніе Неты. Подъ вліяніемъ ихъ она не вынесла ласки матери, какъ бы считая себя внѣ всякаго права на нее, и потому мать своимъ участіемъ къ ней только усилила въ ея душѣ чувство горечи. Вмѣстѣ съ тѣмъ душа ея была усиленно возбуждена сознаніемъ нарушеннаго нравственнаго долга. Во имя долга она и сопротивлялась тому злу, на которое ее толкалъ отецъ, и это сопротивленіе исходило въ ней столько же изъ непосредственнаго чувства, сколько и изъ ея дѣтскаго сознанія. Насколько велико было ея возбужденіе, видно также изъ самыхъ внѣшнихъ проявленій его. Внутреннее страданіе ея сопровождалось болѣзненнымъ напряженіемъ

всей нервной системы, причемъ сила нервнаго возбужденія была такъ велика, что волненіе въ концѣ концовъ разрѣшилось припадкомъ. Все это опять-таки свидѣтельствуетъ, что и моральныя возбужденія въ дѣтской душѣ, въ отношеніи глубины и силы, ничѣмъ могутъ не уступать соотвѣтствующимъ движеніямъ взрослаго человѣка. Какъ можно заключить изъ разбираемаго случая, ихъ своеобразность главнымъ образомъ сводится къ тому, что подъ вліяніемъ свѣжести дѣтскаго чувства, степень и сила этихъ возбужденій могутъ совершенно не соотвѣтствовать практической важности тѣхъ отступленій отъ нравственнаго закона, которыми возбуждается самое чувство.

Но нравственное чувство въ его специфическомъ видѣ — цѣломудренности, — живетъ иногда въ дѣтской душѣ какъ бы своими, особыми законами. Въ широкомъ смыслѣ, то чувство которымъ сопровождается наше отношеніе къ нравственно прекрасному есть чувство, эстетическое и, какъ таковое, во всей своей сложности можетъ быть доступно человѣку лишь при значительномъ душевномъ развитіи. Оттого-то дѣти, при всей своей нравственной чистотѣ, могутъ не постигать нравственнаго безобразія иныхъ предметовъ и относиться къ нимъ легкомысленно. Дѣти, напримѣръ, любятъ вести такіе разговоры, которые по своему содержанію слишкомъ преждевременны для дѣтскаго возраста. Но это не обозначаетъ еще нравственной порчи: не смотря на внѣшній цинизъ, ребенокъ можетъ оставаться чистъ душою. Подобное явленіе выставляется и у Достоевскаго, частію на примѣрахъ его дѣйствующихъ лицъ, частію въ собственныхъ его указаніяхъ. Такъ „Подростокъ“ сознается, что онъ еще въ дѣтствѣ узналъ много безнравственныхъ вещей, бывалъ участникомъ нехорошихъ проказъ (ч. I, гл. 5, IV) и легкомысленно употреблялъ „извѣстныя“ слова. Однако, и при такой возможности развращенія, онъ все-таки остается съ „безгрѣшною душою“ (Дн. V, 263). Лично отъ себя Достоевскій говоритъ по этому поводу въ „Карамазовыхъ,“ что „чистые въ душѣ и сердцѣ мальчики, почти еще дѣти, очень часто любятъ говорить въ классахъ между собою и даже вслухъ про такія вещи, картины и образы, о которыхъ не заговорятъ даже и солдаты“ . . . „Нравственнаго разврата тутъ, пожалуй, еще нѣтъ,“ замѣчаетъ Достоевскій, „цинизма тоже нѣтъ настоящаго, развратнаго, внутренняго, но есть наружный“ (VI, 18). Насколько подобные разговоры сами по себѣ безопасны для нравственной чистоты ребенка, это, конечно, другой вопросъ. Но во всякомъ случаѣ легкомысленно произносимыя безнравственныя слова далеко не всегда могутъ быть принимаемы за свидѣтельство нравственной испорченности тѣхъ, изъ чьихъ устъ они исходятъ.

Помимо тѣхъ особенностей, которыя отличаютъ психическій складъ ребенка въ области чувствовательной способности души, на дѣтяхъ Достоевскаго можно наблюсти еще одну такую особенность, проявляющуюся въ присущей имъ наклонности отдаваться игрѣ воображенія. Это проявленіе душевной жизни въ дѣтяхъ представляетъ настолько общеизвѣстный фактъ, что нѣтъ необходимости, полагаемъ, отмѣчать его по отношенію къ каждому

въ отдѣльности дѣтскому типу Достоевскаго. Поэтому и въ данномъ случаѣ мы ограничимся лишь предъявленіемъ нѣсколькихъ вопросовъ, вытекающихъ изъ признанія самаго факта.

Смѣемъ думать, что наибольшій интересъ здѣсь представляетъ вопросъ о томъ, чѣмъ опредѣляется направленіе указанной дѣятельности дѣтской души въ ту или другую сторону. Какъ можно заключать изъ примѣровъ, которые находимъ у Достоевскаго, характеръ дѣтскихъ фантазій опредѣляется, съ одной стороны, складомъ окружающей ребенка дѣйствительности, съ другой — свойствами самой психо-физіологической организаціи дѣтей. Что касается вліяній перваго рода, то дѣйствіе ихъ по отношенію къ воображенію простирается главнымъ образомъ на содержаніе самыхъ мечтаній, которое обыкновенно бываетъ прямо противоположно впечатлѣніямъ дѣйствительности. Мы видѣли уже, о чемъ мечтали Нета и Илюша. Картины, какія рисовали они въ своемъ воображеніи, представляли прежде всего такія стороны жизни, съ которыми текущая дѣйствительность представляла полный контрастъ, и все, что въ нихъ есть реальнаго, является лишь приспособленіемъ случайныхъ впечатлѣній къ тѣмъ мечтамъ, которыя родились помимо и раньше самыхъ впечатлѣній. Какую роль въ дѣятельности воображенія играютъ особенности психо-физіологическаго склада ребенка, видимъ мы на примѣрѣ Лизы Хохлаковой. Въ ея фантазіяхъ такъ и сказывается нервно-истерическій субъектъ. Стоитъ припомнить ея представленія распятаго, истязуемаго мальчика, всѣ тѣ мысли, которыя приходили ей въ голову и отъ которыхъ она сама содрогалась въ спокойныя минуты, наконецъ, всѣ ея тайныя мечтанія страстнаго характера, чтобы убѣдиться, что здѣсь говорила главнымъ образомъ ея нерво-патическая натура.

Другой вопросъ, связанный съ признаніемъ въ дѣтяхъ указанной особенности, это вопросъ о томъ, насколько глубоко проникаетъ въ дѣтскую душу вліяніе воображенія и насколько сильно можетъ отзываться это вліяніе на всемъ теченіи внутренней жизни ребенка. Въ отвѣтъ на него можно сослаться на исторію Неты Незвановой. Для этой послѣдней за недостаткомъ живыхъ впечатлѣній, въ мечтахъ фантазіи заключалось все содержаніе внутренней жизни. Уходя изъ дома въ страшную ночь смерти матери, она лишь осуществляла свои завѣтныя мечтанія о счастливой жизни съ любимымъ отцомъ, которую давно уже рисовала ея дѣтское воображеніе.

Этою-же наклонностью дѣтской природы можно объяснить нерѣдко встрѣчающіеся въ жизни случаи бѣгства дѣтей изъ родительскаго дома. Достоевскій разсказываетъ объ одномъ такомъ случаѣ въ декабрьскомъ номерѣ „Дневника“ 1876 года. Одна двѣнадцатилѣтняя дѣвочка, — повѣствуется тамъ, — очень неглупенькая, въ одинъ прекрасный день вдругъ рѣшается не возвращаться изъ школы къ матери и существовать гдѣ-нибудь на улицѣ, питаясь трехкопеечной булкой. Побудило ее къ такому странному рѣшенію то обстоятельство, что она стала скучать въ школѣ, между тѣмъ какъ уличная жизнь представлялась ей такой привольной и веселой. Какъ и слѣдовало ожидать, дѣвочка, узнавъ на опытѣ неосмысленность своего

рѣшенія, въ тотъ-же вечеръ возвратилась къ матери. Съ этой исторіей Достоевскій сопоставляетъ и извѣстные попытки бѣгства дѣтей въ Америку. Онъ прямо объясняетъ это любопытное явленіе тѣмъ, что „въ юныхъ душахъ, уже вышедшихъ изъ перваго дѣтства, но еще далеко не дозрѣвшихъ до какой-нибудь, хоть самой первоначальной, возмужалости могутъ порой зарождаться удивительныя фантастическія представленія, мечты и рѣшенія“ (V, 505). То обстоятельство, что во всѣхъ этихъ случаяхъ фантастическія мечтанія влекутъ за собою и попытки къ ихъ реализаціи, вытекаетъ, конечно, изъ незрѣлости дѣтскаго ума, который съ своей стороны оказываетъ слишкомъ слабое вліяніе на волю, и потому послѣдняя вполнѣ подчиняется власти воображенія.

Въ заключеніе нашихъ наблюденій надъ дѣятельностію воображенія у дѣтей Достоевскаго отмѣтимъ еще одну особенность, которою характеризуется игра воображенія у нѣкоторыхъ личностей выведеннаго Достоевскимъ дѣтскаго міра. Отмѣчаемъ ее, впрочемъ, только какъ любопытное психологическое явленіе, не дѣлая отсюда выводовъ и обобщеній и не признавая за нимъ обычнаго явленія. Разумѣемъ здѣсь тотъ пророческій характеръ, который получаютъ иногда мечты ребенка. Наиболѣе разорительный примѣръ этого представляетъ случай съ Нетой. Когда она увидала въ первый разъ освѣщенную залу дома кн. Х., въ которой давался музыкальный вечеръ, ей въ первую-же минуту представилось, что все это она видѣла когда-то гдѣ-то во снѣ. Оказалось, что поразившая ее картина давно уже пронеслась въ ея мечтахъ и все, что теперь она вдругъ увидала, было вполнѣ сходно съ ея прежними фантазіями (I, 395).

IV.

Дальнѣйшій вопросъ, съ которымъ мы обратимся къ психологической основѣ произведеній Достоевскаго, есть вопросъ о томъ, что можно заключить на основаніи представленныхъ имъ примѣровъ о постепенности, въ какой совершается духовный ростъ ребенка.

До сихъ поръ психологія не дала опредѣленнаго отвѣта на этотъ вопросъ. Съ своей стороны и практическая педагогика совершенно лишена возможности сдѣлать законченный кругъ соотвѣтствующихъ наблюденій надъ отдѣльно взятыми субъектами и поневолѣ должна дѣлать выводы по этому вопросу на основаніи частныхъ случаевъ, не имѣющихъ между собою связи. Въ виду этого, все, что можетъ такъ или иначе бросить свѣтъ въ эту слабо освѣщенную область, достойно вниманія и наблюденія. Что-же въ этомъ отношеніи представляетъ художественно воспроизведенная Достоевскимъ жизнь? Если невозможно представить на основаніи его романовъ полной постепенности духовнаго роста ребенка, то попробуемъ, по крайней мѣрѣ, намѣтить вѣхи, указывающія намъ путь, по которому шло духовное развитіе выведенныхъ Достоевскимъ героевъ.

Здѣсь мы опять поставимъ нѣсколько частныхъ вопросовъ, истекающихъ изъ основного. Первый такой вопросъ — когда и чѣмъ пробуждается въ дѣтяхъ Достоевскаго сознательное отношеніе къ тому, что они видятъ около себя?

Начальные года жизни проходятъ безслѣдно въ сознаніи человѣка. Первый фактъ внутренней или внѣшней жизни, остающійся въ памяти, обыкновенно признается за начало сознательнаго отношенія къ окружающему. Пріурочивать его даже приблизительно къ опредѣленнымъ годамъ жизни человѣка нельзя. „Подростокъ“ припоминаетъ случаи изъ такого періода своей жизни, когда ему еще не было и шести лѣтъ. Наоборотъ, Неточка Незванова говоритъ, что начала себя помнить очень поздно, только съ десятаго года; все же, что было съ ней до этого года жизни, не оставило въ ней никакого яснаго впечатлѣнія. Какъ будто она въ этотъ годъ вдругъ очнулась отъ глубокаго сна. Что же въ такихъ случаяхъ вызываетъ къ дѣятельности сознаніе? Обыкновенно роль перваго толчка принадлежитъ впечатлѣніямъ, почему-нибудь особенно врѣзавшимся въ душу. Въ Нетѣ сознательное отношеніе къ жизни началось съ семейной ссоры между ея матерью и отчимомъ, которой она была свидѣтельницей. Конечно, это была не первая семейная ссора. Но въ душѣ дѣвочки она особенно запечатлѣлась потому, что въ слѣдъ за ней Нета испытала сладкое ощущеніе отцовской ласки. Вѣроятно, это было впечатлѣніе, выходящее изъ ряда другихъ, и потому-то оно и получило значеніе перваго толчка. Но то обстоятельство, что этотъ толчокъ былъ данъ слишкомъ поздно, вовсе не помѣшало быстротѣ послѣдующаго развитія ребенка. „Съ той минуты, когда я вдругъ начала сознавать себя, — пишетъ Нета, — я развилась быстро, неожиданно, и много совершенно не дѣтскихъ впечатлѣній стали для меня какъ-то страшно доступны“ (I, 367).

Какими же дѣйствіями сознающаго себя духа отвѣчаетъ ребенокъ на тѣ первыя впечатлѣнія, которыя доходятъ до его сознанія?

Онъ прежде всего уже не ограничивается пассивнымъ воспріятіемъ ихъ. Нета говоритъ, что она съ того самаго вечера, какъ пробудилось въ ней впервые сознаніе, начала думать, разсуждать, наблюдать. Но преобладающая надъ всѣми отправленіями роль чувства и относительная слабость разсудочной способности придаютъ еще слишкомъ неустойчивый характеръ ея сужденіямъ. Очевидно, воображеніе и чувство все передѣлываютъ по-своему, и ребенокъ, хотя и питается впечатлѣніями окружающей дѣйствительности, однако въ сущности живетъ вовсе не въ томъ мірѣ, который около него, а въ томъ, который создало его воображеніе. Такъ было и съ Нетой. Тѣ отношенія, какія были между ея отчимомъ и матерью, она поняла совершенно превратно, и все время жизни въ родительскомъ домѣ продолжала смотрѣть на нихъ сообразно этимъ своимъ ошибочнымъ представленіямъ.

Однако уже въ самыхъ раннихъ лѣтахъ, при первыхъ же шагахъ пробудившагося сознанія, усвоиваются истинныя понятія, которыми ребенокъ и начинаетъ понемногу руководствоваться, независимо отъ постороннихъ

внушеній. Такъ образуется кругъ понятій о справедливости, о добрѣ и злѣ, о чести и безчестіи. Примѣръ подобнаго, относительно говоря, самостоятельнаго образованія нравственныхъ понятій видимъ мы на той же Нетѣ. Было уже указано, что отчимъ Неты, давая ей наставленія съ цѣлію предостеречь на будущее время отъ того дѣла, на которое онъ передъ тѣмъ самъ же ее и толкнулъ, говорилъ ей то, до чего она гораздо раньше его поученій дошла собственнымъ внутреннимъ чувствомъ. И вотъ отъ вниманія ея уже не ускользаетъ то противорѣчіе, въ которое ставитъ себя въ отношеніи ея отчимъ. Она сразу же замѣтила и ту непослѣдовательность, какая была въ его словахъ. Забившись въ уголъ, она раздумывала про себя: зачѣмъ онъ обѣщалъ ей награду за то, что она уже рѣшилась сдѣлать своей собственной волей? (I, 383). При особенныхъ условіяхъ развитія предъ сознаніемъ дѣтскимъ могутъ возникать въ эту пору вопросы и болѣе глубокіе. Такъ въ Лизѣ Хохлаковой, обреченной болѣзнію на одиночество, въ которомъ голова ея все время не переставала работать, въ 13 лѣтъ происходило сильное движеніе мысли. При этомъ характеръ ея запросовъ, съ которыми она обращалась къ Алешѣ Карамазову, и ея своенравный протестъ установившемуся въ людяхъ отношенію къ добру и злу свидѣтельствуютъ, что процессъ образованія понятій совершался въ ней посвоему помимо постороннихъ внушеній. Алеша не даромъ говоритъ ей, что, сидя въ креслахъ, она должна была много передумать (VI, 151).

Съ этими художественными примѣрами любопытно сопоставить собственныя сужденія Достоевскаго по вопросу о томъ, какъ прививаются къ дѣтямъ различныя отвлеченныя понятія. Во всѣхъ своихъ замѣчаніяхъ по этому поводу онъ указываетъ на то-же явленіе, которое приходится наблюдать и въ художественно воспроизведенной имъ жизни, именно на ту, относительно говоря, самостоятельность дѣтскаго развитія въ этомъ отношеніи, какая наблюдается у большинства его маленькихъ героевъ. „Любопытно прослѣдить — пишетъ онъ, напримѣръ, въ первомъ номерѣ „Дневника“ 1876 года — какъ самыя сложныя понятія прививаются къ ребенку совсѣмъ незамѣтно, и онъ, еще не умѣя связать двухъ мыслей, великолѣпно иногда понимаетъ самыя глубокія жизненныя вещи“ (V, 263). „Въ самомъ дѣлѣ, — говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ „Дневника“ — еслибъ ребенокъ развивался только посредствомъ научныхъ пособій и научныхъ игръ и узналъ міровѣдѣніе черезъ «утку», то, я думаю, никогда бы не дошелъ до той ужасающей, невѣроятной глубины пониманія, съ которой онъ вдругъ осиливаетъ, совсѣмъ неизвѣстно какимъ способомъ, иныя идеи, казалось бы совершенно ему недоступныя. Пяти-шестилѣтній ребенокъ знаетъ иногда о Богѣ и злѣ такія удивительныя вещи и такой неожиданной глубины, что поневолѣ заключишь, что этому младенцу даны природой какія-нибудь другія средства пріобрѣтенія знаній, не только намъ неизвѣстныя, но которыя мы даже, на основаніи педагогики, должны бы были почти отвергнуть“ (V, 368). Все это, по словамъ Достоевскаго, какъ бы указываетъ, что дѣтскому возрасту свойственна „способность воспріятія и быстраго ознакомленія съ такими

идеями и представленіями, о которыхъ, по убѣжденію чрезвычайно многихъ родителей и педагоговъ, этотъ возрастъ даже и представить себѣ, будто-бы, ничего еще не можетъ" (V, 506).

Какъ объяснить однако то явленіе, надъ которымъ самъ Достоевскій какъ бы въ недоумѣніи останавливается въ своемъ „Дневникѣ"? Что способствуетъ въ этихъ случаяхъ образованію круга идей, превышающихъ своимъ содержаніемъ средній уровень дѣтскаго разумѣнія? На указанныхъ примѣрахъ дѣтскаго развитія, представленныхъ Достоевскимъ, можно видѣть, что въ большинствѣ случаевъ, когда сознаніе ребенка доходитъ до идей подобнаго характера, этому предшествуетъ сильное нравственное возбужденіе, сопровождающееся подъемомъ всѣхъ дѣтскихъ силъ. Это наблюденіе можно провѣрить едва ли не на большей части маленькихъ героевъ Достоевскаго. Такъ кругъ нравственныхъ идей Неты создался главнымъ образомъ послѣ того, какъ она пережила впечатлѣнія послѣднихъ дней жизни въ родительскомъ домѣ, а эти впечатлѣнія сопровождались въ ней отзывомъ всѣхъ силъ души. Чувство стыда, состраданія къ матери, любви къ отчиму — все разомъ столкнулось тогда въ ея душѣ и произвело сильную внутреннюю борьбу. Здѣсь такимъ образомъ чувство не только предшествовало сознанію, но оно-то и способствовало тому, что сознаніе стало работать въ указанномъ отношеніи. Точно также Илюша Снѣгиревъ, „произошелъ истину" послѣ того, какъ сдѣлался свидѣтелемъ надругательства надъ роднымъ отцомъ. Но эта истина стоила ему дорого. Въ его маленькомъ существѣ не только воспалился великій гнѣвъ, о чемъ говоритъ его отецъ: въ его душѣ разомъ поднялся цѣлый рядъ чувствъ, которыя и вызвали въ немъ работу мысли. По отношенію къ нѣкоторымъ героямъ самъ Достоевскій подчеркиваетъ тѣ обстоятельства, которыя имѣли особенное значеніе въ ходѣ ихъ развитія. Такъ въ „Подросткѣ", по его собственнымъ словамъ, правильное развитіе началось съ той ночи, когда онъ хотѣлъ бѣжать отъ Тушара и когда въ первый разъ съ неотразимою убѣдительностью и со всего ясностію почувствовалъ свою безпомощность и одиночество.

Конечно, не всякому ребенку выпадаютъ на долю такія чрезвычайныя обстоятельства, которыя чуть не разомъ выводятъ его изъ періода непосредственнаго дѣтства: для громаднаго большинства дѣтство проходитъ безъ потрясающихъ душу впечатлѣній; но обыкновенно тѣ дѣти, которыя живутъ заурядными впечатлѣніями и обычными дѣтскими интересами, позже и развиваются, а нѣкоторые вопросы и совсѣмъ проходятъ мимо ихъ сознанія. Имѣя въ виду высказать эту именно мысль, Достоевскій и влагаетъ въ уста капитана Снѣгирева слова, что дѣти богатыхъ людей „всю жизнь такой глубины не изслѣдуютъ", какую прошелъ его 10-тилѣтній Илюша. Но какъ бы то ни было, подобнаго рода обстоятельствами всегда намѣчается въ ходѣ дѣтскаго развитія тотъ переломъ, который разомъ дѣлитъ жизнь ребенка на двѣ половины. При этомъ, чѣмъ глубже проникаютъ въ дѣтскую душу впечатлѣнія, вызываемыя вліяніемъ такихъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ, тѣмъ больше удаляется ребенокъ отъ состоянія непосредственнаго дѣтства.

Чѣмъ сопровождается этотъ переломъ внутренняго существованія ребенка на его личныхъ отношеніяхъ къ окружающей средѣ? Естественно, что пробуждающееся сознаніе прежде всего выводитъ его изъ того безразличнаго отношенія къ окружающимъ, которое отличало его въ пору перваго дѣтства. Взрослые все еще видятъ въ немъ младенца, наивнаго, довѣрчиваго, и не замѣчаютъ, что не только ихъ дѣйствія, но и самый нравственный складъ ихъ подвергаются часто строгому суду. Припомнимъ, что Нета сама собою замѣтила то противорѣчіе, въ которое, незамѣтно для себя, впалъ ея отчимъ. Какъ часто дѣти являются судьями окружающаго, видимъ мы также и на другихъ примѣрахъ. Кн. Катя („Неточка Незванова“) отлично сознавала тѣ противорѣчія, которыя были въ ея воспитаніи, и чрезъ это „чувство справедливости оскорблялось въ ребенкѣ“ (I, 403). Иванъ Карамазовъ уже съ 10 лѣтъ проникнулъ въ то, „что растутъ они въ чужой семьѣ и на чужихъ милостяхъ и что отецъ у нихъ какой-то такой, о которомъ даже и говорить стыдно“ (VI, 15). Наконецъ, по поводу дѣтства „Подростка“ Достоевскій замѣчаетъ, что „у насъ есть дѣти, уже съ дѣтства задумывающіяся надъ своей семьей, оскорбленныя неблагообразіемъ отцовъ своихъ и среды своей“ (IV, Подр. 267). Обыкновенно мы забываемъ объ этомъ, не обращаемъ на это никакого вниманія и сплошь и рядомъ удивляемся и негодуемъ, когда встрѣчаемъ въ питомцахъ судей нашей личности. Примѣры маленькихъ героевъ Достоевскаго показыаютъ, что это явленіе въ порядкѣ вещей и что наблюдается оно въ лучшихъ дѣтяхъ и подъ дѣйствіемъ лучшихъ свойствъ природы ребенка.

Вмѣстѣ съ тѣмъ дѣти рано начинаютъ постигать свое соціальное положеніе и ту разницу, какая существуетъ въ этомъ отношеніи между людьми. Мы видимъ, что Андрей Долгорукій („Подростокъ“) очень рано узналъ о „незаконности“ своего происхожденія и, подъ вліяніемъ этого сознанія, уже въ отроческихъ годахъ былъ „полонъ мстительной и гражданской идеи“. То же самое Достоевскій утверждаетъ о дѣтяхъ воспитательныхъ домовъ. По его словамъ, эти ребятки чрезвычайно рано узнаютъ, „что они не такія дѣти, какъ „тѣ другія“, а гораздо хуже и живутъ совсѣмъ не по праву, а лишь, такъ сказать, изъ гуманности“ (V, 318).

Замѣчательно, что вслѣдъ за пробужденіемъ въ дѣтяхъ сознанія какъ бы начинается уже и омраченіе идеально-чистаго дѣтскаго облика. Отвѣтивъ себѣ на вопросъ, кто онъ и какое его положеніе въ ряду другихъ подобныхъ ему существъ, ребенокъ тѣмъ самымъ перестаетъ быть цѣльной натурой. Дурныя чувства заползаютъ ему въ душу, и онъ постепенно утрачиваетъ заповѣданное ему Христомъ Царствіе небесное. Такъ мы видимъ, что „Подростку“ уже въ первые же годы жизни что-то мѣшаетъ быть живымъ и радостнымъ, и оттого онъ почти не зналъ свѣтлой поры дѣтства. Можно заключать изъ этого, что и въ душѣ тѣхъ „вышвырковъ“, о которыхъ говоритъ Достоевскій въ вышеприведенномъ мѣстѣ „Дневника“ (V, ibid.), должно многаго не доставать для внутренней гармоніи.

Вслѣдъ за развитіемъ сознанія начинается въ ребенкѣ развитіе чувства чести, точнѣе сказать, — сознаніе правъ своей личности, выражающееся, съ одной стороны, въ самозащитѣ противъ оскорбленій, съ другой — въ большемъ или меньшемъ притязаніи на превосходство. Появленіе этого чувства въ душѣ составляетъ вторую ступень въ развитіи душевной жизни ребенка, хотя нельзя не замѣтить, что постепенный ростъ его совершается какъ бы въ связи съ общимъ развитіемъ интеллектуальной стороны человѣка. По крайней мѣрѣ, такъ можно заключать на основаніи исторіи „Подростка.“ Мы видимъ, что онъ въ дѣтствѣ выноситъ оскорбленія лишь до извѣстнаго времени, до тѣхъ поръ, пока не укрѣпилось его сознаніе: какъ только началось въ немъ пониманіе окружающаго, такъ сразу же поднялся и протестъ противъ оскорбленій. Правда есть натуры, въ которыхъ самолюбіе какъ будто рождается вмѣстѣ съ ними. Такова кн. Катя. Какъ было говорено уже, самолюбіе было главнымъ началомъ ея характера. Оно проявлялось въ ней независимо отъ оскорбленій и было ея природнымъ свойствомъ, постоянно присущимъ ей. Но и въ ней оно соединялось съ тонкимъ и острымъ умомъ, который былъ развитъ не по лѣтамъ.

Интересно подмѣтить, чѣмъ можетъ оскорбляться чувство личности въ ребенкѣ.

Нета почувствовала оскорбленіе уже тогда, когда отецъ обѣщалъ ей гостинцевъ за похищеніе денегъ отъ матери. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ самымъ тонкимъ развитіемъ названнаго чувства, такъ какъ ребенокъ въ данномъ случаѣ оскорбляется не дѣйствіемъ, не насмѣшкой, а однимъ предположеніемъ въ немъ недостаточно развитаго сознанія. „Все сердце мое изныло въ одно мгновеніе“, воспоминаетъ Нета. „Въ эту минуту я, ребенокъ, понимала насквозь и уже чувствовала, что меня навсегда уязвило это сознаніе, что я уже не могла любить его“ (I, 382). Къ личному оскорбленію здѣсь такимъ образомъ примѣшивается и оскорбленіе за того, кто, предполагая въ ребенкѣ скудость сознанія, самъ оказался еще болѣе слѣпымъ. Въ кн. Катѣ мы видимъ уже другое проявленіе чувства личнаго достоинства; оно обнаруживается въ притязаніяхъ на власть, на господство надъ всѣми окружающими. Усиленный подъемъ этого чувства вызывается въ немъ каждымъ случаемъ, когда она видитъ неисполненіе своихъ желаній или неподчиненіе себѣ. Его вызвалъ въ концѣ концовъ даже бульдогъ, жившій въ ихъ домѣ и не признававшій ея власти надъ собою. Чувствуя полное безсиліе въ томъ, чтобы подчинить своей власти это страшное животное, она старается, по крайней мѣрѣ, хоть разъ восторжествовать надъ нимъ и съ этою цѣлію пускается на самую дерзкую и отчаянную выходку, преодолѣвая въ себѣ сильнѣйшее чувство страха. Добившись своего, она почувствовала себя удовлетворенною и „бросила неизъяснимый взглядъ, пресыщенный, упоенный побѣдою.“ Этотъ примѣръ вмѣстѣ съ тѣмъ наглядно показываетъ, что сила возбужденія въ этомъ чувствѣ не зависитъ вовсе отъ важности мотивовъ, вызывающихъ его. Мотивы, вызывающіе его, можно сказать, ничтожны, но настойчивость велика и сила возбужденія неодолима. Третій примѣръ подъема этого чувства представленъ

Достоевскимъ въ „Маленькомъ героѣ.“ Здѣсь личность ребенка задѣвается легкомысленнымъ отношеніемъ къ ней взрослыхъ, которые забыли или не хотѣли признавать правъ на уваженіе въ десятилѣтнемъ мальчишкѣ. Емѵ, уже начавшему жить сознательной жизнію, неосторожно бросаютъ въ лицо цѣлый рядъ шутокъ и насмѣшекъ надъ его дѣтски чистымъ, благоухающимъ чувствомъ, которое пробудилъ въ немъ поразившій его образъ женщины. При этомъ легкомысленно предлагаютъ ему завоевать себѣ право на общее уваженіе такимъ поступкомъ, на который не дерзнулъ никто изъ взрослыхъ. Его вызываютъ, въ доказательство своей отважности и своего права на вниманіе, сѣсть на бѣшеннаго верхового коня, ѣхать на которомъ всѣ отказались. Въ отвѣтъ на этотъ вызовъ въ ребенкѣ разомъ поднимается протестъ противъ тѣхъ оскорбленій, которыя онъ выносилъ: онъ возмутился всѣмъ воскресшимъ духомъ своимъ, да такъ, что ему вдругъ захотѣлось срѣзать на повалъ всѣхъ враговъ своихъ и отомстить имъ за все и при всѣхъ, показавъ теперь, каковъ онъ человѣкъ. „Не взвидѣвъ свѣта отъ своей горячки, задыхаясь отъ волненія и закраснѣвшись такъ, что слезы обожгли ему щеки,“ онъ однимъ прыжкомъ очутился на бѣшеномъ животномъ. Порывъ этотъ оказалъ свое дѣйствіе и доставилъ уязвленному самолюбію ребенка полное удовлетвореніе: встрѣтившій безумную выходку крикъ пятидесяти голосовъ „отдался въ моемъ замирающемъ сердцѣ — повѣствуетъ онъ — такимъ чувствомъ довольства и гордости, что я никогда не забуду этой сумасшедшей минуты моей дѣтской жизни“ (I, 462). Подобный этому примѣръ вспышки самолюбія видимъ мы въ Колѣ Красоткинѣ („Карамазовы“) съ тою разницею, впрочемъ, что здѣсь не было такого быстраго и сильнаго возбужденія чувства, какъ въ „Маленькомъ героѣ;“ не было потому, что роль лицъ, дѣйствующихъ на самолюбіе играли здѣсь соверстники, дѣти и собственно не оскорблялось, только вызывалось на пробу. Но сама по себѣ выходка, на которую подстрекали ребенка, была для него такъ же рискована, какъ и задорная вспышка „Маленькаго героя“: именно онъ вызвался доказать, что не побоится пролежать на полотнѣ желѣзной дороги, между рельсами, въ то время, когда будетъ проходить поѣздъ. На карту ставилось такимъ образомъ самая жизнь и игра шла на то, чтобы завоевать право на равенство съ мальчиками, старшими по возрасту, относившимися насмѣшливо и недовѣрчиво къ дерзкому плану. И вотъ самолюбивое притязаніе на уваженіе одержало верхъ, хотя и стоило потомъ мальчугану сильнаго нервнаго возбужденія.

Чѣмъ объяснить въ трехъ послѣднихъ случаяхъ ту легкость, съ которой ребенокъ выходитъ изъ спокойнаго состоянія и допускаетъ несообразность поступковъ? Очевидно, прежде всего приходится имѣть въ виду слабость воли ребенка. Подъ вліяніемъ этой слабости пропадаетъ самообладаніе и сильнѣе дѣйствуетъ воображеніе, отъ чего чувства теряютъ ровность и обращаются въ аффекты. По крайней мѣрѣ въ поступкѣ „Маленькаго героя“ мы видимъ всѣ признаки состояній, называемыхъ аффектами. Но какъ бы то ни было, уже одинъ фактъ, что въ ребенкѣ является потреб-

ность не только защитить себя въ извѣстномъ случаѣ, но и обставить правами на уваженіе свою личность въ будущемъ, несомнѣнно указываетъ, что развитіе этой стороны внутренняго существованія ребенка совершается не безъ вліянія начинающаго развиваться разума и что пробужденіе въ ребенкѣ чувства личности есть такимъ образомъ слѣдствіе дальнѣйшаго развитія сознанія.

Наконецъ, третью ступень въ развитіи ребенка составляетъ пробужденіе въ немъ сознательныхъ симпатическихъ влеченій. Разумѣемъ здѣсь такого рода сердечныя волненія, которыя, возникнувъ изъ неясныхъ сердечныхъ влеченій къ вызвавшему ихъ лицу, постепенно переходятъ въ болѣе опредѣленный типъ душевныхъ движеній, весьма близко подходящій къ типу половой любви.

Какого же рода движенія происходятъ при этомъ въ душѣ ребенка и почему появленіе такихъ чувствъ можетъ быть принято за признакъ бо́льшаго развитія?

Примѣръ душевныхъ движеній этого рода представляетъ намъ дѣтство княжны Кати. Въ началѣ повѣсти мы застаемъ Катю еще въ томъ состояніи душевнаго развитія, когда она была вполнѣ непосредственнымъ ребенкомъ. Она любила рѣзвиться, бѣгать, была подвижна, весела: всѣ признаки перваго дѣтства. Поселившаяся въ ихъ домѣ Нета была для ней совершенно непонятна. Между духовною жизнію обѣихъ дѣвочекъ лежала цѣлая пропасть разстоянія. То, чѣмъ жила внутри себя Нета, было совершенно чуждо представленію ничего серьезнаго не испытавшей въ жизни княжны, до того чуждо, что она встрѣтила непритворнымъ изумленіемъ, когда Нета вздумала выразить свои чувства къ ней. Обнаружившееся въ Нетѣ влеченіе показалось ей неслыханною странностію. Сама она любила отца, была привязана къ гувернанткѣ, мадамъ Леотаръ, но ея чувства были не больше, какъ привязанностью: ни почему нельзя заключить о сознательныхъ влеченіяхъ ея къ этимъ лицамъ. Но вотъ подъ вліяніемъ различнаго рода причинъ она почувствовала въ свою очередь влеченіе къ Нетѣ и душевное состояніе ея вдругъ измѣняется. Она становится со дня на день задумчивѣе. Характеръ ея сталъ терять ровность; изъ оживленнаго настроенія она по временамъ переходитъ въ сосредоточенно-серьезный тонъ. Вообще же она становится раздражительною, взыскательною, очень часто краснѣетъ и сердится. Однако, не смотря на явные признаки перемѣны въ душевной жизни, Катя все еще не хочетъ сознаться въ начавшемся въ ней влеченіи къ Нетѣ даже передъ собой. Она старается подавить возникшее чувство или, по крайней мѣрѣ, скрыть его отъ Неты, но сердце беретъ свое, — и между дѣвочками устанавливаются отношенія чисто романическаго характера: долгіе взгляды, смущеніе при встрѣчѣ, сладкое чувство при каждомъ соприкосновеніи, наконецъ, переходъ отъ вы къ ты. Эти отношенія не могли, конечно, въ такомъ же родѣ продолжаться дальше и должны были привести къ открытому выраженію чувствъ, но когда это случилось, душевная жизнь Кати уже утратила прежнюю непосредственность: дѣвочка измѣнилась на-

столько, что окружающія ее лица, не понимая совершавшагося къ ней внутренняго процесса, старались объяснить происшедшую въ ней перемѣну какимъ-нибудь болѣзненнымъ кризисомъ. Но весь этотъ происшедшій въ ней процессъ указываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что и другія стороны ея души должны были при этомъ развиться. За тѣми перипетіями, которыми сопровождалась совершившаяся въ ней перемѣна, несомнѣнно слѣдовало значительное осложненіе всей душевной жизни ребенка, такъ какъ область чувствъ, доступныхъ ему, становится шире, а самыя чувства представляются значительно выросшими въ глубину. Ребенокъ, пережившій этотъ видъ чувства, очевидно, долженъ далеко уйти отъ того состоянія, въ которомъ онъ жилъ прежде, чѣмъ испыталъ то напряженіе душевныхъ силъ, какое произошло въ немъ подъ дѣйствіемъ охватившаго его чувства.

Но если уже этотъ видъ душевныхъ движеній можетъ быть принятъ какъ признакъ значительнаго душевнаго развитія, то въ тѣхъ случаяхъ, когда въ сердечныхъ влеченіяхъ можно усмотрѣть хотя нѣкоторый оттѣнокъ половыхъ чувствъ, внутренній строй жизни ребенка нужно признать еще болѣе удалившимся отъ первичной стадіи дѣтской жизни. Этотъ видъ душевныхъ движеній представленъ Достоевскимъ въ повѣсти „Маленькій герой“, содержаніемъ которой и служитъ изображеніе тѣхъ движеній, какія происходили въ душѣ ребенка, испытывающаго впервые нѣчто въ родѣ половой любви.

Что въ „Маленькомъ героѣ“ могло возникнуть подобнаго рода чувство, лучше всего доказываетъ тотъ слѣдъ, который оставляли въ его душѣ нѣкоторыя легкомысленныя отношенія къ нему взрослыхъ. Онъ говоритъ о себѣ, что, когда многія изъ прекрасныхъ женщинъ, съ которыми пришлось ему прожить нѣсколько времени, ласкали его, онъ испытывалъ ему самому непонятное ощущеніе. „Что-то шелестило по моему сердцу — вспоминаетъ онъ — до сихъ поръ незнакомое и невѣдомое ему, но отъ чего оно подчасъ горѣло и билось, будто испуганное, и часто неожиданнымъ румянцемъ обливалось лицо мое“ (I, 449). И вотъ, возбужденная, по всей вѣроятности, этими неосторожными прикосновеніями душа одиннадцатилѣтняго мальчика становится доступной и тѣмъ движеніямъ, которыя въ обиходномъ языкѣ называются влюбленностью. Мы находимъ въ немъ всѣ признаки состоянія этого рода: сладкое ощущеніе, испытываемое въ присутствіи вызвавшей это состояніе особы, тайное смущеніе при мысли о ней, удѣляемое ей предпочтительное вниманіе, наконецъ, наклонность къ мечтательности, — словомъ, всѣ характерные признаки названнаго душевнаго возбужденія.

Что же здѣсь собственно придаетъ указанному періоду жизни ребенка значеніе болѣе сложнаго состоянія по сравненію съ предшествовавшимъ?

Прежде всего мотивы, вызвавшіе въ мальчикѣ это душевное возбужденіе, свидѣтельствуютъ, что его душа уже была доступна развитію въ разныхъ направленіяхъ. Помимо тѣхъ несознанныхъ, глухихъ, зачаточныхъ волненій физіологическаго оттѣнка, которыя еще раньше проявились въ немъ подъ вліяніемъ легкомысленнаго отношенія къ нему взрослыхъ, моти-

вами въ данномъ случаѣ были впечатлѣнія и эстетическія, и нравственныя. Какъ видно изъ повѣсти, впечатлѣніе, произведенное на „Маленькаго героя“ вызвавшей въ немъ чувство женщиной (Mme M*), вытекало прямо изъ ея замѣчательной красоты. Его привлекала къ ней, безъ сомнѣнія, та „безукоризненная красота чистыхъ, правильныхъ линій лица,“ которая осталась въ его памяти. Не даромъ, конечно, помнится ему и высокій ростъ красавицы, гибкій и стройный, и ея движенія, „то медленныя и плавныя и даже какъ-то важныя, то дѣтски скорыя“ (I, 453). Но вмѣстѣ съ тѣмъ были впечатлѣнія въ его душѣ и другого рода. По воспоминаніямъ „Маленькаго героя“, душа этой женщины вся отражалась въ ея прекрасномъ лицѣ, а между тѣмъ ея внутреннія свойства были таковы, что не могли не вызывать симпатіи. „Было что-то въ лицѣ ея, что тотчасъ же неотразимо влекло къ себѣ всѣ симпатіи, или, лучше сказать, что пробуждало благородную возвышенную симпатію въ томъ, кто встрѣчалъ ее.“ „Это блѣдное, похудѣвшее лицо, въ которомъ . . . еще такъ часто просвѣчивалъ первоначальный дѣтски ясный обликъ; . . . эта тихая, но несмѣлая, колебавшаяся улыбка, — все это поражало такимъ безотчетнымъ участіемъ къ этой женщинѣ, что въ сердцѣ каждаго невольно зарождалась сладкая, горячая забота, которая громко говорила за нее еще издали и еще вчужѣ роднила съ нею“ (I, 453). Присоединялось сюда, наконецъ, и то впечатлѣніе страдающей, живущей подъ гнетомъ страха и сердечной тоски женщины, которое оставляла она въ каждомъ и котораго не могла потому не оставить въ ребенкѣ, уже начавшемъ понимать душу человѣческую. Онъ вспоминаетъ „грустные, большіе глаза,“ которые „смотрѣли робко и безпокойно, будто подъ ежеминутнымъ страхомъ чего-то враждебнаго и грознаго; и эта странная робость — по его словамъ — такимъ унынiемъ покрывала подчасъ ея тихія, краткія черты, . . . что, смотря на нее, самому становилось скоро такъ же грустно, какъ за собственную, какъ за родную печаль“ (I, 452—453). Все это запомнилось „Маленькому герою“, значитъ — все это въ свое время вошло въ его душу. Эта-то доступность дѣтской душѣ эстетическихъ впечатлѣній и эта способность ея откликнуться на душевное состояніе другого, постигаемое въ силу одного внутренняго влеченія, и есть признаки значительнаго душевнаго развитія.

Нельзя не замѣтить при этомъ, что появленіе въ душѣ мальчика подобнаго чувства и само по себѣ уже должно было вліять на осложненіе его душевной жизни, возбуждая въ немъ новый рядъ душевныхъ движеній, неиспытанныхъ прежде.

Мы видимъ, что вмѣстѣ съ этимъ чувствомъ ему пришлось извѣдать и еще много новыхъ чувствъ. Не говоря уже о волненіяхъ стыда, досады, смущенія, онъ въ первый разъ испыталъ теперь острое чувство раздраженія. Когда грубо затронули его чувство, такъ ревниво и тщательно отъ всѣхъ оберегаемое, въ немъ, по его собственному признанію, закипѣли „негодованіе и ненависть, которой доселѣ (онъ) не зналъ никогда, потому что только въ первый разъ въ жизни испыталъ серьезное горе, оскорбленіе, обиду“ (I, 459).

Изъ свою очередь тѣ элементы, изъ которыхъ сложилось его чувство, продолжаютъ развиваться въ немъ, какъ особыя душевныя состоянія. Такъ въ немъ до болѣзненности развивается сочувствіе къ положенію и душевному состояніе женщины, на которой остановилось его вниманіе. Мальчикъ болѣлъ сердцемъ отъ мысли, что можетъ раскрыться тайна этой женщины, разрывался отъ тоски, видя ея горе, и мучился отъ сознанія своего безсилія помочь ей. Очевидно, симпатія къ ней, бывшая при самомъ возникновеніи чувства, продолжала возрастать въ немъ при дальнѣйшемъ развитіи его. Далѣе, эстетическое чувство, затронутое въ немъ красотою женщины, открылось и другимъ воздѣйствіямъ. Его вниманіе останавливаетъ теперь природа. Онъ отдается созерцанію прекрасныхъ свойствъ Божьяго міра, который начинаетъ дѣйствовать на него своими красотами (I, 465, 469). Въ заключительныхъ строкахъ повѣсти Достоевскій говоритъ, какое настроеніе вошло въ душу „Маленькаго героя," когда онъ, вслѣдъ за испытаннымъ волненіемъ, которое вызвалъ въ немъ послѣдній эпизодъ его романа, остался одинъ среди окружающей его природы. „Какое-то сладкое затишье, будто навѣянное торжественною тишиною картины, мало-по-малу смирило мое возмущенное сердце, говоритъ онъ про себя. — . . . Вся душа моя какъ-то глухо и сладко томилась, будто прозрѣніемъ чего-то, будто какимъ-то предчувствіемъ. Что-то робко и радостно отгадывалось испуганнымъ сердцемъ моимъ, слегка трепетавшимъ отъ ожиданія . . . И вдругъ грудь моя заколебалась, заныла, словно отъ чего-то пронзившаго ее, и слезы, сладкія слезы брызнули изъ глазъ моихъ. Я закрылъ руками лицо и, весь трепеща, какъ былинка, невозбранно отдался первому сознанію и откровенію сердца, первому, еще неясному, прозрѣнію природы моей. Первое дѣтство мое кончилось съ этимъ мгновеніемъ . . ." (I, 469).

Какъ однако слагается въ душѣ одиннадцати-лѣтняго мальчика самое чувство, слишкомъ преждевременное для его возраста? Присущи ли ему всѣ тѣ элементы, изъ которыхъ состоитъ этотъ видъ душевныхъ волненій при обычныхъ условіяхъ развитія?

Помимо физіологической стороны, психологія различаетъ въ этомъ чувствѣ три элемента: влеченіе къ предмету любви, признаніе цѣны любимаго существа и сочувствіе къ нему. Въ данномъ случаѣ отношеніе между этими четырьмя слагаемыми представляется не вполнѣ такимъ, каково оно бываетъ въ обычныхъ условіяхъ. Прежде всего физіологическая сторона чувства чрезвычайно слаба. Какъ можно видѣть изъ разсказа, возникновенію его предшествовало лишь смутное, непонятное ощущеніе, которое впервые было вызвано въ мальчикѣ неосторожнымъ обращеніемъ съ нимъ молодыхъ и прекрасныхъ женщинъ. Нѣкоторое волненіе крови испытывалъ онъ въ послѣднемъ эпизодѣ романа, но то біеніе сердца, которое пережилъ онъ, было лишь отраженіемъ его душевнаго трепета. Изъ другихъ элементовъ, входящихъ въ составъ этого чувства въ его психологической основѣ, элементъ влеченія, который является самымъ существеннымъ при нормальныхъ условіяхъ, здѣсь не составляетъ главнаго начала. Влеченіе, которое въ развитомъ субъектѣ

достигаетъ огромнаго напряженія и выражается, между прочимъ, въ стремленіи къ исключительному обладанію предметомъ, вызвавшимъ чувство, здѣсь вовсе не проявляется въ такой силѣ. Мальчикъ, напротивъ, выказываетъ въ этомъ отношеніи истинное великодушіе и не обнаруживаетъ ничего подобнаго тому душевному волненію, которое называемъ мы ревностью. А между тѣмъ онъ былъ свидѣтелемъ такой сцены между Mme M* и H., которая, будь на его мѣстѣ человѣкъ взрослый, вызвала бы непремѣнно это чувство. Но если эта сторона чувства въ данномъ случаѣ недостаточно сильно обнаруживаетъ себя, то элементъ сочувствія, который вообще не имѣетъ большого значенія въ этомъ видѣ любовнаго волненія, составляетъ здѣсь, наоборотъ, самую существенную сторону. Подъ вліяніемъ именно этой-то стороны чувства душевное состояніе Mme M* и нашло въ его сердцѣ такой сильный откликъ. Отсюда же вытекаетъ и то, что никакимъ эгоистическимъ чувствамъ въ его душѣ не было мѣста.

Все это вмѣстѣ даетъ основаніе смотрѣть на чувство „Маленькаго героя“ по отношенію къ Mme M*, какъ на такое, которое было рядомъ самыхъ чистыхъ и возвышенныхъ душевныхъ волненій, вызванныхъ сильнымъ эстетическимъ и нравственнымъ впечатлѣніемъ.

Однако не всегда въ дѣтяхъ это чувство принимаетъ безусловно чистую окраску. Подобнаго-же рода волненіе мы наблюдаемъ и въ Лизѣ Хохлаковой, но уже далеко не въ томъ безупречномъ видѣ, какъ въ „Маленькомъ героѣ“. Правда, Лиза старше его цѣлыми тремя годами, но за то въ ея чувствѣ нѣтъ ни одного изъ тѣхъ идеально-чистыхъ и прекрасныхъ свойствъ, какъ въ чувствѣ послѣдняго. Испорченная воспитаніемъ, преждевременно развитая физіологически, она обнаруживаетъ далеко не безупречныя въ нравственномъ отношеніи влеченія (поцѣлуй Алешѣ, предложеніе Ивану Карамазову). Въ силу тѣхъ-же условій физіологическій элементъ въ ея чувствѣ вообще играетъ не послѣднюю роль, слабо содерживаясь вліяніемъ ничѣмъ не воспитываемой воли.

Таковы тѣ данныя, которыя представляютъ романы Достоевскаго для выясненія вопроса о постепенности душевнаго развитія человѣка въ періодъ дѣтства. Служитъ-ли указанная здѣсь преемственность неизмѣнно-обязательнымъ условіемъ во всѣхъ случаяхъ, это, конечно, другой вопросъ. Въ ходѣ внутренней жизни ребенка можетъ и не представляться, напримѣръ, случая для тѣхъ душевныхъ явленій, которыми сопровождается третья ступень развитія по нашему наблюденію, но самое появленіе въ душѣ характеризующихъ эту ступень чувствъ едва-ли будетъ возможно, если въ человѣкѣ не будетъ развита способность чувствовать личныя волненія, къ которымъ относятся между прочимъ чувства чести и самоуваженія. Думаемъ это потому, что тѣ волненія, которыми сопровождается наше отношеніе къ лицу другого пола, слишкомъ широко захватываютъ область душевной жизни и заставляетъ звучать всѣ струны человѣческаго сердца.

V.

Обратимся къ романамъ Достоевскаго еще съ однимъ запросомъ, весьма важнымъ въ практическомъ отношеніи: на чемъ основываютъ выведенныя въ нихъ дѣти свои отношенія къ окружающимъ и чѣмъ опредѣляются ихъ симпатіи или антипатіи?

Присматриваясь къ тому, какъ изображены эти отношенія у Достоевскаго, нельзя не видѣть, что дѣтская среда не только составляетъ свои мнѣнія о лицахъ, которыя приходятъ съ ней въ столкновеніе, но по этимъ мнѣніямъ устанавливаетъ и свои отношенія къ нимъ. Дѣти высказываютъ свой судъ, часто строгій и неумолимый, хотя и не всегда вѣрный. Это осмысленное отношеніе къ окружающимъ начинается почти вслѣдъ за пробужденіемъ сознанія. Такъ Нета стала обращать вниманіе на ненормальность отношеній между отчимомъ и матерью, какъ только начала себя помнить. „Приглядываясь къ нимъ обоимъ, — говоритъ она — я поняла вполнѣ ихъ взаимныя отношенія другъ къ другу: я поняла эту глухую, вѣчную вражду ихъ, поняла все это горе и весь этотъ чадъ безпорядочной жизни, которая гнѣздилась въ нашемъ углу, — конечно, поняла безъ причинъ и слѣдствій, поняла настолько, насколько понять могла“ (I, 372). Сообразно своему пониманію совершавшагося около нея, возникаютъ у ней и сужденія о лицахъ, и отношенія къ нимъ. Представленія, которыя она создала о личности каждаго, были не одинаковы. Отсюда возникаетъ и неодинаковый характеръ ея отношеній къ каждому изъ нихъ. Отца она любила, чувствовала влеченіе къ нему, матери боялась и чуждалась. Гдѣ собственно источникъ неравныхъ ея симпатій? Прежде всего, конечно, играло роль развившееся подъ вліяніемъ личныхъ невзгодъ сочувствіе къ страдающему, угнетенному существу, какимъ былъ въ ея представленіи отецъ. Основа ея симпатій лежала такимъ образомъ въ особенныхъ свойствахъ ея собственной личности. Не будь въ ней этой способности къ сочувствію, отчимъ не вызвалъ бы въ ней такой сильной любви къ себѣ. Однако несомнѣнно вліяли на отношенія къ нему Неты и его обращеніе съ нею его манера держать себя. Онъ былъ болѣе ровня ей, чѣмъ мать: „не такъ серьезенъ и угрюмъ“, какъ послѣдняя; „часто въ немъ проявлялось какое-то фиглярство, какія-то дѣтскія замашки“, вслѣдствіе чего она „меньше боялась его и даже меньше уважала его, чѣмъ матушку“ (I, 378). Наконецъ, онъ умѣлъ привлечь ее своей лаской, которая рѣдко выпадала на долю ребенка со стороны матери. Послѣдняя была строга, не снисходила до дѣтскихъ радостей, не спускалась до забавъ ребенка. Такимъ образомъ, если судить по этому примѣру, симпатіи ребенка предпочтительно склоняются на сторону тѣхъ, кто съумѣетъ привлечь ихъ внутреннимъ складомъ своей души. Онѣ, конечно, могутъ не оправдываться дѣйствительными свойствами лица, по отношенію къ которому проявляются, какъ это замѣчается въ данномъ случаѣ, но всегда находятъ основаніе въ тѣхъ впечатлѣніяхъ, которыя оставляетъ это лицо въ душѣ ребенка.

Бываютъ случаи, когда ребенокъ беретъ верхъ надъ взрослыми, подчиняетъ ихъ себѣ и даже становится въ покровительственныя отношенія. У Достоевскаго четыре подобныхъ примѣра: Во-первыхъ, та-же Нета, питавшая къ своему отцу, по ея собственному признанію, какое-то сострадательно-материнское чувство; затѣмъ, Лиза Хохлакова, Коля Красоткинъ и Коля Иволгинъ. Нета взяла верхъ надъ отцомъ, какъ только сознала, что стала необходима для него. Она внутренно гордилась этимъ и „даже иногда съ нимъ кокетничала“ (I, 378). Почти такого же рода мотивы были и въ другихъ случаяхъ. Лиза Хохлакова вполнѣ подчинила своей власти мать, какъ только замѣтила, съ одной стороны, слабость ея чувствъ къ ней, съ другой — отсутствіе какихъ бы то ни было убѣжденій и вполнѣ парализованную волю. Коля Красоткинъ также въ свою очередь понялъ, что мать, лишенная другихъ привязанностей, слишкомъ нуждается въ его любви и потому заискиваетъ у него. Ей все казалось, что мальчикъ недостаточно любитъ ее и онъ, замѣтивъ ея опасенія, нарочно становится неподатливымъ на ласки и чрезъ это вполнѣ торжествуетъ надъ нею. Чрезъ такое обращеніе онъ вполнѣ подчинилъ ее себѣ, „дѣйствуя на нее почти деспотически.“ Что касается, наконецъ, Коли Иволгина, то здѣсь власть мальчика по отношенію къ отцу вытекала сама собою, такъ какъ старый генералъ, лишенный способности владѣть собою, по необходимости отдавался каждому, кто вздумалъ бы взять его подъ опеку. Разумѣется, это подчиненіе было условно: Коля, напримѣръ, не могъ оказать на него никакого вліянія, чтобы отучить отъ гибельнаго для него порока. Онъ ходилъ за нимъ, обратился по отношенію къ нему въ няньку, но не былъ въ силахъ вылѣчить старика отъ болѣзненныхъ привычекъ. Тѣмъ не менѣе во всѣхъ отношеніяхъ воля стараго генерала была парализована настолько, что мальчикъ командовалъ надъ нимъ вполнѣ. Такимъ образомъ во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ дѣти подчиняютъ себѣ взрослыхъ, когда послѣдніе оказываютъ почему-нибудь слабость воли.

Наконецъ, въ сочиненіяхъ Достоевскаго мы видимъ замѣчательный примѣръ того, какъ дѣти нравственно теряютъ своихъ родителей, когда послѣдніе почему-нибудь вдругъ предстаютъ предъ ними совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ. Примѣръ этотъ былъ уже указанъ: это — тотъ случай, когда Нета сознала, какія побужденія руководили ея отчимомъ, умышленно толкавшимъ ее на зло. Любопытно здѣсь подмѣтить, какъ отозвалось это сознаніе на чувствѣ и отношеніяхъ ребенка. Достоевскій самъ помогаетъ намъ въ этомъ, указывая на то, что происходило въ душѣ Неты, когда сознаніе ея разомъ освѣтило истинный смыслъ поведенія отца. „Все сердце изныло у меня въ одно мгновеніе, — говоритъ она. Я почувствовала въ эту минуту, что ему не жалко меня и онъ не любитъ меня, потому что не видитъ, какъ я его люблю, и думаетъ, что я за гостинцы готова служить ему. Въ эту минуту я, ребенокъ, понимала его насквозь и уже чувствовала, что меня навсегда уязвило это сознаніе, что я уже не могла любить его, что я потеряла моего прежняго папочку“ (I, 382). Такимъ образомъ здѣсь говорятъ

и нравственные инстинкты, заставляющіе чувствовать отталкивающее свойство поступка, и чувство боли за нравственное паденіе дорогого лица, которое она привыкла представлять въ другомъ свѣтѣ, и, наконецъ, сознаніе оскорбленнаго человѣческаго достоинства. Но и не смотря на это, Нета въ роковую ночь идетъ за нимъ и оставляетъ мать: очевидно, чувство любви не могло въ ней сразу исчезнуть, какъ-бы ни противорѣчило ему сознаніе.

Кромѣ примѣра, рисующаго отношенія между родителями и дѣтьми, повѣсть „Неточка Незванова“ даетъ намъ также прекрасное изображеніе дѣтской дружбы, начиная съ ея возникновенія и до того момента, когда дружескія отношенія принимаютъ характеръ сильнѣйшихъ взаимныхъ влеченій. Выше мы старались указать, какое значеніе имѣли эти привязанности въ ходѣ душевнаго развитія одной изъ сторонъ связанныхъ этимъ чувствомъ. Здѣсь мы отмѣтимъ тѣ условія, которыми, повидимому, вызывались эти дружескія отношенія, равно какъ и всю исторію ихъ развитія, какъ она представляется намъ изъ содержанія повѣсти.

Мотивы, которыми обусловливались взаимныя симпатіи между княжной Катей и Неточкой Незвановой, не были одинаковы для обѣихъ. Какъ можно судить изъ признанія Неты, для нея роль перваго толчка играли впечатлѣнія чисто эстетическаго свойства. „Съ перваго взгляда на нее, какимъ-то счастьемъ, будто сладкимъ предчувствіемъ, наполнилась вся душа моя,“ — воспоминаетъ Нета и при этомъ говоритъ, чѣмъ прежде всего было привлечено ея вниманіе. Мы видимъ, что Катя вызвала въ Нетѣ симпатію прежде всего своей красотой. По ея представленію, это была такая красота, „предъ которой вдругъ останавливаешься, какъ пронизенный, въ сладостномъ смущеніи, вздрогнувъ отъ восторга.“ При первой ея улыбкѣ слабые нервы больной дѣвочки „заныли отъ сладостнаго восторга“ (I, 396). Замѣчательно, что подобное же обстоятельство выставлено какъ причина симпатическихъ влеченій со стороны одного ребенка къ другому и у гр. Л. Толстого въ „Дѣтствѣ и отрочествѣ“. Герой этой повѣсти, Николенька, почувствовалъ непреодолимое влеченіе къ Сережѣ Ивину исключительно потому, что оригинальная красота Сережи поразила его съ перваго взгляда. Оба писателя-психолога представляютъ такимъ образомъ совершенно одинаковую причину возникновенія симпатическихъ влеченій въ дѣтствѣ. Само собою разумѣется, эта причина далеко не единственная. Мы видимъ, что влеченіе Кати къ Неточкѣ исходило совсѣмъ изъ другихъ основаній. Здѣсь скорѣе играли роль причины чисто моральнаго характера, на первый разъ даже непонятныя. По собственному признанію Кати, она стала любить Нету съ того времени, когда, оскорбивъ ее, должна была просить у ней прощенія. Но почему это обстоятельство могло оказать такое вліяніе на ея сердце? Можно думать, что она при этомъ въ первый разъ испытывала чувство состраданія, которое прежде ей, какъ не знавшей въ жизни нужды и горя, было совершенно невѣдомо. Почувствовала она, конечно, вмѣстѣ съ тѣмъ и укоры совѣсти за свою прежнюю жестокость въ отношеніи Неты. И вотъ состраданіе, жалость, сознаніе своей неправоты въ чуткомъ къ правдѣ ребенкѣ

измѣнили ея расположеніе совершенно въ противоположную сторону. Но этимъ, конечно, былъ данъ только первый толчекъ. Присущее ей чувство справедливости должно было рано или поздно указать на несправедливость ея отношеній къ Нетѣ, но могло и не вызвать любви и влеченія къ ней. Какъ Нету привлекала прежде всего внѣшняя красота Кати, такъ послѣднюю могли подкупить нравственныя свойства Неты: ея терпѣливая любовь, доброта, наконецъ, готовность пожертвовать собой для другихъ. Во всякомъ случаѣ ея чувство было лишь отвѣтнымъ на то влеченіе, которое выказывало по отношенію къ ней Нета, и шло параллельно ему, развиваясь по мѣрѣ того, какъ росло чувство Неты.

Какъ выражались взаимныя симпатіи этихъ двухъ дѣвочекъ наружу? — Нельзя не замѣтить, что проявленія ихъ вполнѣ соотвѣтствовали какъ особенностямъ ихъ личнаго характера, такъ и самымъ мотивамъ, вызвавшимъ чувство. Въ Нетѣ, пораженной красотою Кати, сразу возникло сильное влеченіе къ будущему другу дѣтства, причемъ эстетическій характеръ перваго впечатлѣнія сказался и на самомъ проявленіи чувства. „Ея появленія ждала я, какъ счастья“, говоритъ Нета, „мнѣ такъ хотѣлось поцѣловать ее.“ „Появленіе ея всегда болѣе или менѣе приводило меня въ восторгъ. Я не спускала съ нея глазъ, и когда она уйдетъ, бывало, я все еще смотрю, какъ зачарованная, въ ту сторону, гдѣ она стояла“ (I, 396). Робкая, застѣнчивая, слишкомъ пригнетенная и болѣзнію, и всѣмъ своимъ прошедшимъ, она сразу же при этомъ стала въ положеніе пассивное. Ей изо всѣхъ силъ хотѣлось понравиться Катѣ, и потому она боялась за каждое свое слово, за каждое движеніе и сердечно сожалѣла, когда, при всемъ стараніи, не могла исполнить желаній подруги (I, 396). Высшей степени напряженія ея чувство достигло, когда Катя заявила себя геройскимъ поступкомъ съ бульдогомъ, о которомъ говорено было прежде. Съ этихъ поръ чувство ея въ своемъ проявленіи окончательно принимаетъ характеръ страстнаго влеченія. Лишенное возможности проявляться открыто, оно выражается въ тоскѣ, въ тайныхъ мечтаніяхъ. Избѣгая встрѣчи съ Катей, Нета испытываетъ смущеніе при каждомъ случаѣ столкновенія съ ней: ея сердце при этомъ начинало стучать и голова кружиться. Это тайное страданіе продолжалось цѣлый мѣсяцъ: она не спала по ночамъ, вставала ночью съ постели и смотрѣла по цѣлымъ часамъ въ лицо Кати, втихомолку хранила взятыя отъ ней украдкой вещи, въ родѣ платка, ленточки, и украдкой цѣловала ихъ, обливаясь слезами. Словомъ, въ ней происходило душевное возбужденіе, чрезвычайно похожее на волненіе любви извѣстнаго оттѣнка. При этомъ въ подробностяхъ своего проявленія оно опять-таки весьма близко подходитъ къ душевному состоянію, какое испытывалъ въ подобномъ-же случаѣ Николенька въ „Дѣтствѣ“ Толстого. Разница та, что тамъ возникшее въ ребенкѣ чувство само собою должно было умереть, не найдя отвѣта въ томъ, къ кому оно направлялось, здѣсь оно перешло въ тѣсную взаимную дружбу между дѣвочками. Къ сожалѣнію, повѣсть обрываетъ ихъ дружескія отношенія при самомъ началѣ. Вмѣшавшіеся между ними взрослые слишкомъ ревниво посмотрѣли на эту

дѣтскую дружбу, со свойственной часто людямъ слѣпотой объяснили по-своему замѣченную въ дѣтяхъ перемѣну и безжалостно подрѣзали живую нить, связывавшую дѣтскія сердца. Друзья должны были разстаться, но взаимное влеченіе еще долго сохранялось въ нихъ и послѣ разлуки.

Самостоятельный, независимый нравъ Кати не позволилъ ей сразу отдаться возникшему въ ней чувству, какъ было съ Нетой. Первоначально она почувствовала даже нерасположеніе къ Нетѣ. Но и послѣ, когда нерасположеніе постепенно смѣнилось симпатическимъ отношеніемъ къ ней, Катя все-таки не вдругъ отдалась ему. Она старалась какъ будто подавить вновь явившееся въ ея душѣ чувство и ни за что не хотѣла выразить его предъ Нетой. Подъ вліяніемъ этого она, какъ было уже указано, перемѣнилась въ душевномъ настроеніи, сдѣлалась раздражительна, нервна. Перестала она скрывать свое чувство только тогда, когда это было бы уже явной несправедливостью въ отношеніи Неты, добровольно принесшей себя въ жертву, чтобы выручить подругу. За то, какъ только безпрепятственно вылилось наружу ея чувство, она измѣнила и самый образъ отношеній къ Нетѣ: сдѣлалась покорна, перестала проявлять властолюбивыя притязанія къ ней, стала нѣжна и предупредительна.

Нельзя при этомъ не замѣтить еще одной черты въ исторіи дружбы этихъ двухъ дѣвочекъ: ихъ дружескія отношенія сложились сами собою безъ всякаго участія третьяго лица. Ихъ никто не направлялъ, никто не старался развить между ними пріязнь. Всего одинъ разъ было вмѣшательство въ ихъ отношенія со стороны взрослыхъ, и оно чуть не испортило всего дѣла, во всякомъ случаѣ, ни къ чему не привело. Разумѣемъ здѣсь то обстоятельство, когда отецъ Кати заставилъ ее просить извиненія у Неты за нанесенную послѣдней обиду. Катя дѣйствительно исполнила это приказаніе, но неискренно, безъ всякаго убѣжденія въ его внутренней необходимости. Это указываетъ отчасти, что внутренній міръ ребенка не вполнѣ укладывается въ размѣры тѣхъ условныхъ требованій, которыя ему предъявляются, и развивается самъ собою, независимо отъ того, какъ хотятъ его устроить взрослые.

Таковъ тотъ матеріалъ, который даетъ намъ въ своихъ художественныхъ произведеніяхъ Достоевскій, если мы возьмемъ на себя задачу внимательно прослѣдить, какъ изображается въ нихъ міръ душевной жизни ребенка. Извлекая изъ этихъ произведеній то, что можетъ быть принято какъ имѣющее значеніе общихъ явленій психической жизни ребенка, мы, конечно, многое упустили изъ виду, во многое недостаточно глубоко вникнули, многое, быть можетъ, представили не въ соотвѣтствующемъ освѣщеніи. Но мы будемъ довольны и тѣмъ, если дадимъ толчокъ изученію съ этой стороны произведеній Достоевскаго, который все еще ждетъ глубокаго и всесторонняго разбора.

За этимъ, такъ сказать, художественно-психологическимъ матеріаломъ слѣдуетъ тотъ, который дается его публицистическими статьями, содержащими указанія на внѣшнюю постановку дѣтской жизни, какъ эта постановка представляется намъ въ данномъ имъ освѣщеніи. Но въ этихъ указаніяхъ дѣтскій міръ выступаетъ предъ нами уже не исключительно со стороны своего психическаго склада. Здѣсь выступаетъ на видъ главнымъ образомъ общественное отношеніе къ дѣтской средѣ, какъ проявляется оно въ тѣхъ трехъ полосахъ нашей жизни, въ которыхъ дѣти занимаютъ соотвѣтствующее имъ мѣсто: въ семьѣ, какъ первомъ питомникѣ дѣтства, въ обществѣ, какъ источникѣ и проводникѣ идей, на которыхъ устанавливается міровоззрѣніе ребенка, и школѣ, какъ образовательномъ и воспитательномъ учрежденіи. Къ этому-то матеріалу мы теперь и обратимся, имѣя въ виду извлечь и собрать во-едино все то, что можетъ представить намъ, съ одной стороны, положеніе дѣтей въ тѣхъ воспитательныхъ условіяхъ, какія мы, по изображенію Достоевскаго, создаемъ для нихъ, съ другой — его собственные взгляды, высказанные по этому предмету.

VI.

Какъ художникъ, Достоевскій могъ быть одностороненъ, слѣдуя излюбленнымъ пріемамъ творчества и выбирая для своихъ изображеній предпочтительно тѣ стороны жизни, которыя оказывались болѣе сродными его авторскому таланту; но въ жизни онъ не могъ имѣть дѣло исключительно съ той средой, какую представляетъ онъ въ своихъ романахъ; при этомъ, какъ психологъ, онъ, конечно, понималъ душевную жизнь человѣка не со стороны однихъ только тѣхъ ея проявленій, которыя были избраны имъ, какъ предметъ художественнаго изображенія. Оттого общія сужденія Достоевскаго по вопросамъ воспитанія, какія можно найти въ его сочиненіяхъ, не ограничиваются тѣмъ, что можетъ имѣть отношеніе лишь къ этой излюбленной имъ средѣ, а получаютъ болѣе общій интересъ.

Эти сужденія сложились на наблюденіяхъ дѣйствительной жизни. Но дѣйствительность, которую видѣлъ вокругъ себя Достоевскій, представляла гораздо больше отрицательныхъ сторонъ воспитательнаго дѣла. Оттого его сужденія прежде всего получаютъ отрицательный характеръ, выражая собою оцѣнку того, что видѣлъ онъ въ окружающей жизни.

Посмотримъ, что же содержатъ въ себѣ его сочиненія для характеристики положенія воспитательнаго дѣла въ современномъ писателю обществѣ, и въ какомъ освѣщеніи предстаютъ предъ нами изображенныя имъ явленія. Независимо отъ того, что мы подходимъ здѣсь къ содержанію сочиненій Достоевскаго совсѣмъ съ другой точки зрѣнія, чѣмъ разсматривали ихъ доселѣ, и здѣсь, по свойству творчества Достоевскаго, прежде всего выступитъ предъ нами психологическая основа выведенныхъ писателемъ явле-

ній, такъ какъ главный интересъ изображеній Достоевскаго основывается все-таки на ихъ, такъ сказать, психологической подкладкѣ.

Подходя съ этой стороны къ сочиненіямъ Достоевскаго, мы остановимся главнымъ образомъ на томъ вопросѣ, который не разъ въ русской литературѣ являлся темой для художественныхъ произведеній: это вопросъ объ отношеніяхъ между отцами и дѣтьми. Мы возьмемъ его, впрочемъ, въ болѣе частномъ значеніи, имѣя въ виду предпочтительно остановиться на томъ, какъ представлены въ сочиненіяхъ Достоевскаго отношенія взрослыхъ къ дѣтямъ, какія воспитательныя задачи и цѣли приписываются въ нихъ нашему образованному обществу и чего вообще не достаетъ намъ въ этомъ отношеніи.

Характеръ нашихъ отношеній къ дѣтямъ лучше всего, полагаемъ, обрисовывается у Достоевскаго повѣстями: „Неточка Незванова“ и „Маленькій герой“. Какъ въ той, такъ и въ другой повѣсти предъ нами прежде всего выступаетъ на видъ полное пренебреженіе со стороны взрослыхъ къ душевному міру ребенка. И тутъ и тамъ большіе, точно по какому-то странному убѣжденію, какъ будто не хотятъ даже признать за ребенкомъ правъ на вниманіе къ тому, что происходитъ въ его душѣ. Оттого многія событія душевной жизни дѣтей не только не вызываютъ надлежащаго предупредительнаго отношенія къ себѣ со стороны окружающихъ, но нерѣдко служатъ даже предметомъ грубой шутки и издѣвательства. Такъ мы указывали уже, въ какое противорѣчіе ставилъ самъ себя отчимъ Неты, нисколько не вдумывавшійся въ свои дѣйствія въ отношеніи ея. Онъ пользовался ея безотвѣтнымъ дѣтствомъ и слѣпою любовію къ нему, не понимая ея душевной борьбы и даже не стараясь заглянуть въ глубь ея души. Мало того, онъ принялъ ея самопожертвованіе за дѣтское легкомысліе, на которое, по его понятіямъ, можно было легко повліять обѣщаніемъ побрякушекъ или лакомства. Къ какимъ послѣдствіямъ привело такое пренебреженіе къ внутренному міру ребенка, также было указано: въ ту самую минуту, когда дитя сознало истинную подкладку направленныхъ противъ него дѣйствій, его вѣра и симпатіи къ стцу утратились невозвратно. Правда, мы здѣсь видимъ предъ собой человѣка ненормальнаго, который подъ вліяніемъ алкоголизма не только дошелъ до полнаго равнодушія ко всему, что было и дѣлалось вокругъ него, но, повидимому, потерялъ даже всякое чутье въ распознаваніи нравственныхъ свойствъ своихъ дѣйствій. Но вотъ въ „Маленькомъ героѣ“ предъ нами вполнѣ нормальные люди, которые, тѣмъ не менѣе, сдѣлали предметомъ своихъ остротъ и грубыхъ выходокъ одно изъ интимнѣйшихъ событій душевной жизни попавшаго въ ихъ среду ребенка. Хотя въ данномъ случаѣ легкое отношеніе къ чувствамъ мальчика и не имѣло серьозныхъ послѣдствій для его душевнаго развитія, но уже одно то, что оно вызвало сильное возбужденіе несродныхъ обычному его состоянію волненій, какъ стыдъ, гнѣвъ, отчаяніе, само собою указываетъ на ненормальность подобнаго рода отношеній. Важнѣе же всего здѣсь то, что отъ ребенка не ускользаетъ ни тотъ фальшивый тонъ, который принимаютъ въ

своемъ обращеніи съ нимъ взрослые, ни та ложь, которую они такъ ле[illegible] дозволяютъ себѣ при этомъ. Они намекаютъ на его дурныя чувства къ М-me М., будто бы подмѣченныя въ немъ, въ которыя однако они сами не вѣрили. Оскорбленный этою явною ложью, мальчикъ обращается къ одной изъ своихъ обидчицъ съ словами, въ которыхъ слышится вмѣстѣ и раздраженіе и укоръ за клевету на него, возмутившую его дѣтскую душу: „И не стыдно вамъ — вспыхнулъ онъ вдругъ — вслухъ . . . при всѣхъ дамахъ . . . говорить такую худую неправду? Вамъ, точно маленькой . . . при всѣхъ мужчинахъ . . . Что они скажутъ? . . Вы — такая большая . . . замужняя!“ (I, 459) Съ точки зрѣнія ребенка, въ которомъ естественный смыслъ еще не былъ извращенъ обычнымъ среди людей превратнымъ отношеніемъ къ самымъ простымъ вещамъ, такое поведеніе большихъ должно по необходимости казаться страннымъ. Мальчикъ припоминаетъ впечатлѣніе, произведенное на него беззастѣнчивыми намеками взрослыхъ, въ такихъ словахъ: „Я былъ въ ужасномъ недоумѣніи, ужасѣ даже, узнавъ, что есть на свѣтѣ такія смѣшныя и злыя дамы, которыя говорятъ съ мальчикомъ про такіе пустяки“ . . . (I, 451.)

Впрочемъ, то отношеніе взрослыхъ къ внутреннему міру дѣтей, какое выступаетъ въ приведенныхъ примѣрахъ у Достоевскаго, можно объяснить не одною небрежностью или присутствіемъ извѣстной доли легкомыслія: въ этихъ случаяхъ нерѣдко имѣетъ значеніе предвзятость мнѣній, съ которой большіе часто судятъ о внутреннемъ содержаніи душевной жизни ребенка. Такъ мать Кати, княгиня Х., никакъ не могла помириться съ тѣмъ, что Неточка Незванова не обнаруживала передъ нею и передъ посѣтителями ея салона тѣхъ свойствъ души, которыя всѣмъ имъ хотѣлось видѣть въ этомъ ребенкѣ. Оттого они и смотрѣли на Нету, какъ на запуганную, слишкомъ обыкновенную и даже глупенькую дѣвочку, и съ этимъ заключеніемъ оставили ее, наконецъ, въ покоѣ.

Однако, съ другой стороны, и прямо противоположное этому отношеніе, выражающееся въ насильственномъ вторженіи взрослыхъ во внутреннюю жизнь ребенка съ цѣлію подчиненія ея своему режиму, такъ же мало достигаетъ цѣли, которой стараются обыкновенно оправдать это вторженіе. Мы видѣли уже на примѣрѣ отца княжны Кати, что вмѣшательство его въ отношенія между дѣвочками, вытекавшее изъ самихъ лучшихъ побужденій съ его стороны, привело лишь къ формальному и вовсе не искреннему примиренію между ними. Когда же при этомъ такое вмѣшательство выражается въ тайномъ наблюденіи за ребенкомъ, въ выслѣживаніи каждаго его шага, оно неизбѣжно ложится на него тяжелымъ гнетомъ. За Нетой въ домѣ кн. Х. былъ устроенъ одно время постоянный надзоръ, при чемъ ее приказано было ни на одну минуту не терять изъ виду. Все это не могло не сопровождаться для нея чувствомъ стѣсненія. Излишняя внимательность и это постоянное наблюденіе за каждымъ шагомъ отзывались въ Нетѣ чувствомъ томительнаго безпокойства. Дѣвочкѣ казалось, что ее для чего-то берегутъ и что-нибудь хотятъ съ ней сдѣлать, и вотъ она старается заходить куда нибудь подальше,

чтобы въ случаѣ нужды знать, куда спрятаться (I, 392). Подъ вліяніемъ вѣчно присущаго ей тревожнаго состоянія душевная жизнь ея не могла совершаться ровно и спокойно, при чемъ это постоянное душевное безпокойство имѣло даже для самихъ окружающихъ нежелательныя послѣдствія: подъ вліяніемъ его дѣвочка не могла, конечно, дольше привыкнуть къ той обстановкѣ, къ которой ее старались пріучить.

Отмѣченныя здѣсь явленія настолько обычны въ нашей жизни, что по большей части проходятъ мимо ихъ, вовсе не обращая на нихъ вниманія. Какъ бы подъ вліяніемъ какой-то слѣпоты, самыя серьезныя событія душевной жизни ребенка остаются нами часто не замѣченными. Сравнительно рѣже, конечно, такіе случаи, какъ сознательное попираніе личности ребенка или умышленная жестокость въ обращеніи съ дѣтьми, но тѣмъ не менѣе въ суммѣ явленій, характеризующихъ наши отношенія къ дѣтямъ, приходится и имъ отвести значительное мѣсто. На подобнаго рода случаяхъ, повторявшихся во всѣ времена и среди различныхъ національносей, одинъ изъ героевъ Достоевскаго, Иванъ Карамазовъ, основываетъ даже свое религіозно-философское міровоззрѣніе. По его философіи, такія явленія въ жизни, какъ звѣрское обращеніе взрослыхъ съ неповинными, чистыми сердцемъ дѣтьми, составляютъ самое лучшее доказательство неустойчивости тѣхъ началъ, на которыхъ зиждется нравственный строй міра (см. Бр. Карам.; гл. „Бунтъ“). Не входя въ обсужденіе того, насколько правильно подобное заключеніе, нельзя не признать, что само по себѣ отмѣченное явленіе слишкомъ характерно: въ немъ выступаетъ на видъ какая то своеобразная черта человѣческой природы. Не смотря на то, что мы здѣсь имѣемъ дѣло съ крайне уродливымъ уклоненіемъ духовной природы человѣка отъ естественныхъ ея предрасположеній, свойственныхъ даже большей части животныхъ, мы все-таки видимъ въ данномъ случаѣ явленіе, опирающееся на общихъ основахъ психической жизни человѣка, и притомъ такое, которое совмѣщается весьма часто съ правильностью всѣхъ другихъ душевныхъ отправленій.

Примѣръ подобнаго явленія у Достоевскаго не одинъ: Нелли, Подростокъ (у Тушара), Илюша страдаютъ отъ жестокаго обращенія съ ними. Но наиболѣе яркіе примѣры въ этомъ родѣ приводитъ Иванъ Карамазовъ. Хотя всѣ эти примѣры не входятъ въ панораму дѣйствій романа и приводятся лишь какъ отрывочные факты изъ жизни, но ихъ едва ли можно оставить безъ вниманія, во-первыхъ, по ихъ характерности, во-вторыхъ, по ихъ отношенію къ собственнымъ воззрѣніямъ Достоевскаго. Что же это за факты?

Достоевскаго упрекали въ излишнемъ желаніи играть на нервахъ читателя. Если признаніе за нимъ подобной тенденціи имѣетъ сколько нибудь основанія, то во всемъ содержаніи его произведеній нельзя указать другихъ мѣстъ, которыя бы давали большее право на подобное заключеніе, какъ тѣ „картинки“, какія подбираетъ Иванъ Карамазовъ въ бесѣдѣ съ Алешей („Бунтъ“; VI, 162 и сл.). Имъ берутся примѣры страшно жестокаго обращенія съ дѣтьми, начиная съ звѣрства турокъ и башибузуковъ надъ

славянскими дѣтьми во время послѣдняго славянскаго возстанія и кончая картинками въ этомъ же родѣ, характеризующими нравы современной „интеллигентной“ семьи. Эти послѣднія для насъ особенно подходящи. Всѣ онѣ основаны на дѣйствительныхъ событіяхъ, совершавшихся въ наше время и на нашихъ глазахъ. Одна изъ этихъ картинъ представляетъ, напримѣръ, какъ образованный господинъ и его дама сѣкутъ собственную дочку, младенца семи лѣтъ, розгами; прутья выбираются нарочно съ сучками („садче будетъ“), при чемъ разгоряченный родитель въ концѣ производимой имъ экзекуціи доходитъ до какого-то сладострастія. „Сѣкутъ минуту, сѣкутъ, наконецъ, пять минутъ, сѣкутъ десять минутъ, дальше, больше, чаще, садче. Ребенокъ кричитъ, ребенокъ, наконецъ, не можетъ кричать, задыхается: „папа, папа, папочка, папочка! ...“ (VI, 166). Въ другомъ подобномъ же „случаѣ“ маленькую пятилѣтнюю дѣвчоночку возненавидѣли родные отецъ съ матерью, „почтеннѣйшіе и чиновные люди, образованные и воспитанные“. Они подвергали ее самымъ жестокимъ истязаніямъ и, наконецъ, дошли до того, что въ холодъ, въ морозъ, на всю ночь запирали ее въ подлое мѣсто (ibid.). Третій случай, правда еще изъ временъ крѣпостного права, но тоже совершенно въ этомъ родѣ: богатѣйшій генералъ, съ большими связями, затравливаетъ собаками чужого восьмилѣтняго ребенка на глазахъ его матери за то, что тотъ зашибъ ногу его любимой собакѣ. При этомъ устраивается самая торжественная обстановка, и для назиданія собирается вся дворня.

Съ какой психологической основой представлены всѣ приведенные здѣсь примѣры? Откуда вытекала возможность проявленія въ человѣкѣ такого страннаго звѣрства? Почему во всѣхъ этихъ случаяхъ сознаніе не указало, по крайней мѣрѣ, на то, что здѣсь безъ нужды, совершенно непроизводительно, расходуется взрослыми столько силы, когда ея можно было употребить гораздо меньше? У Достоевскаго подобраны всѣ эти случаи такъ, что онъ какъ бы самъ даетъ ключъ къ уразумѣнію ихъ психологическихъ основаній. Судя по тому, какими чувствами сопровождаются звѣрскія дѣйствія въ самихъ мучителяхъ, мы здѣсь имѣемъ дѣло съ какимъ-то особымъ видомъ чувственнаго наслажденія. Мучащіе дѣтей турки и образованный господинъ, сѣкущій съ остервенѣніемъ родную дочь, доходятъ во время совершенія экзекуцій до какого-то сладострастія. Иванъ Карамазовъ утверждаетъ, что „есть особенное свойство у многихъ въ человѣчествѣ — это любовь къ истязанію дѣтей, но однихъ дѣтей. Ко всѣмъ другимъ субъектамъ человѣческаго рода эти же самые истязатели относятся даже благосклонно и кротко, какъ образованные и гуманные европейскіе люди, но очень любятъ мучить дѣтей, любятъ даже самихъ дѣтей въ этомъ смыслѣ. Тутъ именно незащищенность-то этихъ созданій и соблазняетъ мучителей, ангельская довѣрчивость дитяти, которому некуда дѣваться и не къ кому идти, — вотъ это-то и распаляетъ гадкую кровь истязателя“ (ib. 166). Здѣсь такимъ образомъ прямо выставляется на видъ чувственный характеръ переживаемаго мучителями волненія. Хотя въ туркѣ, наставляющемъ дуло въ смѣющееся личико ребенка, животная алчность крови, конечно, неимовѣрно сильнѣе, чѣмъ сла-

дострастное чувство, съ которымъ сѣкъ свою дочку нашъ русскій отецъ, но, несомнѣнно, и тутъ и тамъ возбужденіе совершенно однороднаго характера. Но почему разгоряченность крови сопровождается здѣсь наслажденіемъ и чѣмъ это послѣднее въ данномъ случаѣ вызывается? Какъ и вообще въ наслажденіяхъ, здѣсь, конечно, дѣйствуетъ главнымъ образомъ усиленное поднятіе энергіи духа, вызываемое сильными возбужденіями. Возбужденіе нравится душѣ и вызываетъ въ ней желаніе дальнѣйшаго повторенія, при чемъ какъ бы по закону инерціи, какъ возбужденіе, такъ и вызываемое имъ чувство удовольствія, по мѣрѣ дальнѣйшаго повторенія, все возрастаетъ въ своей силѣ, пока, наконецъ, душа не утомляется отъ этой дѣятельности. Въ отношеніи разсудочной дѣятельности здѣсь происходитъ то же, что обыкновенно бываетъ, когда душа одержима сильнымъ чувствомъ. Человѣкъ можетъ даже знать цѣну своихъ дѣйствій, но воля его функціонируетъ не при участіи разума, а подъ сильнымъ давленіемъ охватившаго его чувства.

Отъ романовъ обратимся къ тѣмъ произведеніямъ Достоевскаго, въ которыхъ онъ высказываетъ непосредственныя свои сужденія по поводу разбираемаго явленія. Картинки, подобранныя Ив. Карамазовымъ, были дѣйствительными фактами, совершившимися въ семидесятыхъ годахъ и засвидѣтельствованными документально. Еще раньше появленія на свѣтъ „Бр. Карамазовыхъ“ Достоевскій говорилъ объ этихъ фактахъ въ своемъ „Дневникѣ“. Но онъ касался тамъ главнымъ образомъ ихъ общественнаго значенія, какъ явленій, которыми характеризуются наши семейно-бытовыя условія.

Въ 1876 году въ Петербургскомъ Окружномъ Судѣ разбиралось дѣло Кр—га, который обвинялся въ безчеловѣчномъ обращеніи съ собственнымъ ребенкомъ, семилѣтней дѣвочкой. Въ слѣдующемъ же году было возбуждено подобное же дѣло въ Калугѣ противъ родителей Дж—ихъ. Подробности того и другого дѣла буквально сходны съ тѣми „случаями“, которые приводятся Иваномъ Карамазовымъ. Такъ Дж—іе, напримѣръ, помимо побоевъ, держали своихъ дѣтей въ самыхъ дурныхъ жизненныхъ условіяхъ: оставляли въ холодной комнатѣ, безъ пищи, подвергали на ночь самому возмутительному одиночному заключенію и т. п. По поводу обоихъ этихъ процессовъ Достоевскій сказалъ свое слово въ „Дневникѣ“, указывая на нихъ, какъ на такого рода явленія, которыми, съ одной стороны, характеризуется отношеніе современнаго общества къ вопросу о воспитаніи дѣтей, съ другой — самое состояніе семьи средняго круга въ наше время. Смотря на нихъ, какъ на примѣръ общественныхъ отношеній къ дѣтямъ, мы видимъ въ нихъ лучшее доказательство того равнодушія, съ которымъ относятся у насъ къ личности ребенка. Достоевскій указываетъ, какъ на возмутительный фактъ, на то, что семилѣтнюю дѣвочку допустили явиться на судъ, гдѣ она все видѣла, все слышала и даже лгала сама на себя, по наущенію взрослыхъ; мало того: „здѣсь же, на судѣ, открыты были взрослыми и серіозными людьми, гуманными даже людьми, вслухъ предъ всей публикой секретные пороки

ребенка, вдобавокъ мнимые, вымышленные обвиняемыми и ихъ защитникомъ" (V, 294). Слишкомъ характерно, д..., и то формальное отношеніе къ смыслу государственнаго закона о правѣ родителей надъ дѣтьми, которое сказывается въ поведеніи защитника призванныхъ на судъ. Ни власть, ни общество такимъ образомъ не пожалѣли ребенка, не обратили вниманія на то, какъ можетъ отозваться въ его душѣ прикоснувшаяся къ нему на судѣ грязь. Между тѣмъ жалость и осторожное обращеніе съ открытой на всѣ вліянія дѣтской душой и должны, по замѣчанію Достоевскаго, прежде всего входить въ наши отношенія къ нему. „Эта жалость — говоритъ онъ — драгоцѣнность наша, и искоренять ее изъ общества страшно. Когда общество перестаетъ жалѣть слабыхъ и угнетенныхъ, тогда ему же самому станетъ плохо: оно очерствѣетъ и засохнетъ, станетъ развратно и безплодно" (V, 309).

Съ какой стороны характеризуетъ себя въ этихъ процессахъ наша русская семья, раскрывается главнымъ образомъ въ дѣлѣ Дж—ихъ. То безсердечіе, которое обнаружили послѣдніе, есть, по мнѣнію Достоевскаго, неизбѣжное слѣдствіе обуявшей ихъ лѣни и эгоизма. „Все отъ лѣни — говоритъ Достоевскій, — и сердца у нихъ лѣнивыя." Отъ лѣни, конечно, и вѣчный безпорядокъ въ домѣ, безпорядокъ и въ дѣлахъ, а между тѣмъ ничего они такъ не ищутъ, какъ покоя: „Э, чтобъ васъ, только бы прожить!" (V, 639). Подъ вліяніемъ этого эгоистическаго стремленія исключительно къ собственному покою является въ людяхъ стараніе отъединиться отъ всѣхъ долговъ и обязанностей, которое, въ свою очередь, рождаетъ и развиваетъ въ эгоистѣ убѣжденіе, что всѣ, кто бы ни сталкивался съ нимъ, ему должны что-то, какъ бы обложены относительно его какимъ-то долгомъ. „Неисполненіе этихъ фантастическихъ долговъ принимается, наконецъ, сердцемъ, какъ обида." Отсюда рождается „озлобленное чувство," которое прежде всего обрушивается на дѣтяхъ, въ силу того, конечно, что „они всѣхъ ближе подъ рукою, а всего пуще то, что никакого контроля: „мои, дескать, дѣти, собственныя!" Это ненавистное чувство къ дѣтямъ, непонимающимъ, что родителямъ ихъ нуженъ покой, можетъ переродиться въ концѣ концовъ „въ настоящую месть, а подъ поощреніемъ и подстрекательствомъ безнаказанности — даже въ звѣрство . . ." „И звѣрство это не отъ жестокости, а именно отъ лѣни," заключаетъ Достоевскій (V, 640). Такимъ образомъ въ нашихъ семейныхъ отношеніяхъ, по характеристикѣ, сдѣланной Достоевскимъ, прежде всего проявляется не забота о дѣтяхъ, а небрежное отношеніе къ нимъ, вытекающее изъ лѣни и эгоистическаго самообереганія отъ всѣхъ волнующихъ душу обязанностей. Что Достоевскій смотритъ на это явленіе не какъ на случайное, а видитъ въ немъ общій и повсюду наблюдаемый признакъ нашихъ семейныхъ порядковъ, ясно изъ слѣдующихъ словъ его: „Въ написанныхъ законахъ — говоритъ онъ — нигдѣ нѣтъ статьи, ставящей преступленіемъ лѣнивое, неумѣлое и безсердечное отношеніе отцовъ къ дѣтямъ. Иначе пришлось бы осудить полРоссіи, куды, гораздо больше" (V, 638).

Такимъ образомъ отъ отдѣльныхъ частныхъ случаевъ, представляющихъ отношенія къ дѣтямъ, мы подходимъ уже къ указанію на общій характеръ нашихъ семейныхъ отношеній, какъ представляется онъ наблюденію Достоевскаго. Чѣмъ же характеризуется, по Достоевскому, нашъ общій семейный строй?

VII.

Въ романахъ своихъ Достоевскій выводитъ предъ нами исключительно такой типъ семьи, который съ соціальной точки зрѣнія можетъ быть названъ типомъ смѣшанно-неопредѣленнаго характера. Отличительную особенность такой семьи составляетъ то, что въ ней нѣтъ ничего исторически сложившагося, такъ какъ она составляется прежде всего изъ элементовъ, неоднородныхъ въ сословномъ отношеніи. Этотъ неопредѣленный типъ семьи проведенъ у него по всѣмъ романамъ безъ исключенія, очевидно, какъ типъ, преобладающій въ современномъ быту средняго круга. Помимо своей разносоставности, онъ характеризуется также постоянно присущимъ ему состояніемъ броженія, въ которое приводитъ семью отсутствіе прочныхъ и общихъ для всѣхъ составляющихъ ее членовъ — не говоримъ уже — убѣжденій, но даже однородныхъ и общихъ для всѣхъ, одинаково сложившихся понятій. Самый типичный образчикъ такой семьи даетъ намъ романъ „Подростокъ.“ Глава выведенной здѣсь семьи — русскій дворянинъ, воспитавшійся на идеяхъ 40-хъ и 50-хъ годовъ или, точнѣе, по его же собственному опредѣленію, „всемірный дворянинъ“, отличающійся необъятной широтой взгляда и чувствъ, прошедшій отъ атеизма до настоящаго религіознаго аскетизма и, конечно, пережившій все это гораздо болѣе мыслію, чѣмъ сердцемъ; мать — русская крестьянка, бывшая крѣпостная, глубоко вѣрующая, съ простыми народными понятіями. Между ними нѣтъ ничего общаго, что бы роднило ихъ между собою; каждый смотритъ въ свою сторону. И вотъ, разносоставность этой четы какъ нельзя болѣе отразилась на сынѣ. Продуктомъ этой разносоставности явилось въ послѣднемъ то броженіе, которое чуть не погубило его въ самыхъ юныхъ лѣтахъ, когда онъ, не впитавшій изъ окружающей его атмосферы устойчивыхъ понятій, былъ предоставленъ исключительно однѣмъ собственнымъ силамъ. Тоже повторяется съ различными видоизмѣненіями и во всѣхъ другихъ семьяхъ, выведенныхъ Достоевскимъ. Вездѣ отсутствіе прочныхъ началъ, которыми могла бы опредѣлиться жизнь семьи. Общія нравственныя понятія слишкомъ широки, чтобы по нимъ однимъ могла уложиться частная жизнь, а между тѣмъ болѣе опредѣленныя, болѣе частныя и, такъ сказать, конкретныя идеи чужды всѣмъ этимъ семьямъ. Оттого въ нихъ нѣтъ и той вѣрности выработавшимся исторически традиціямъ, которая отличаетъ нашу старо-дворянскую семью, какъ изобразили намъ ее гр. Л. Толстой и С. Т. Аксаковъ, или которая отличала, напримѣръ, старый семейный бытъ русскаго уѣзднаго духовенства въ изображеніи Лѣскова и Гиляровa-Платонова*). Очевидно также,

*) Гиляровъ-Платоновъ „Изъ пережитаго.“

что и Карамазовщина, т. е. та плотоядная и безудержная сила, которую знаменуетъ это слово, была бы невозможна въ средѣ съ исторически сложившимся семейнымъ строемъ.

Въ „Дневникѣ“ Достоевскій опредѣляетъ такое состояніе нашей семейственности словомъ „случайность“. Эта „случайность“, по его опредѣленію, проявляется въ утратѣ современными отцами всякой общей идеи въ отношеніи къ своимъ семействамъ, общей для всѣхъ отцовъ, связующей ихъ между собою, въ которую бы они сами вѣрили и научили бы такъ вѣрить дѣтей своихъ, передали бы имъ эту вѣру въ жизнь... Эта идея, эта вѣра можетъ быть даже, пожалуй, ошибочная, такъ что лучшія изъ дѣтей впослѣдствіи сами бы отъ нея отказались, по крайней мѣрѣ, исправили бы ее для своихъ уже дѣтей, но все-же самое присутствіе этой общей, связующей общество и семейство идеи, есть уже начало порядка, т. е. нравственнаго порядка, конечно, подверженнаго измѣненію, прогрессу, поправкѣ, положимъ такъ, — но порядка“ (V, 635). Въ противоположность этому связующему началу, современные отцы представляютъ, „во-первыхъ, поголовное и сплошное отрицаніе прежняго (но за то лишь отрицаніе и ничего положительнаго); во-вторыхъ, попытки сказать положительное, но не общее и связующее, а сколько головъ, столько умовъ, — попытки, раздробившіяся на единицы и лица, безъ опыта, безъ практики, даже безъ полной вѣры въ нихъ ихъ изобрѣтателей; ... наконецъ, въ-третьихъ, лѣнивое отношеніе къ дѣлу“ (ibid.). Соотвѣтственно такому наклону семейныхъ началъ господствующими типами отцовъ въ нашихъ среднихъ кругахъ представляются Достоевскому слѣдующіе два: во-первыхъ, типъ лѣнивыхъ и вялыхъ эгоистовъ, о которыхъ говорено выше и отношеніе которыхъ къ собственной семьѣ выражается обыкновенно въ такой формѣ: „э, пусть будетъ что̀ будетъ! чего намъ заботиться? пойдутъ дѣти, какъ и всѣ, во что-нибудь выровняются; надоѣдаютъ только они очень, хоть бы ихъ-вовсе и не было!“ (ibid.); во-вторыхъ, типъ прилежныхъ, часто очень прилежныхъ и даже съ идеями, но до того расшатанныхъ и неустойчивыхъ, что „въ сущности они и сами даже не вѣрятъ себѣ ни въ чемъ, ибо говорятъ съ чужого голоса, примкнули къ чуждой жизни и къ чуждой идеѣ и потеряли всякую связь съ родной русской жизнью“ (V, 637). Достоевскій приводитъ образчики отношеній этой послѣдней категоріи къ воспитанію. Одинъ изъ такихъ отцовъ, наслушавшись, положимъ, весьма даже неглупыхъ вещей и прочтя двѣ-три умныя книги, вдругъ сводитъ все воспитаніе и всѣ обязанности свои къ семейству на одинъ Либиховскій бифштексъ. (Бифштексъ съ кровью и кончено: Либихъ, дескать, и т. д.). Другой, „пречестнѣйшій человѣкъ самъ по себѣ“, согналъ трехъ нянекъ отъ своихъ младенцевъ за то, что онѣ учили послѣднихъ молиться, и, какъ бы въ предупрежденіе могущаго возникнуть отсюда зла, рѣшается замѣнить ихъ англичанкой: третій, чтобы предупредить появленіе въ сынѣ „ужасныхъ дѣтскихъ привычекъ“, преждевременно ускоряетъ его половое развитіе и съ этой цѣлію вводитъ пятнадцатилѣтняго мальчишку въ атмосферу развращающихъ вліяній; четвертый, наконецъ, доводитъ сем-

надцатилѣтняго сына „до самыхъ передовыхъ „идей“, а тотъ самымъ естественнымъ образомъ — — сводитъ эти передовыя мысли (нерѣдко очень хорошія) на то, что „если нѣтъ ничего святого, то, стало быть, можно дѣлать всякую пакость“ (V, 636). Однако и этихъ, горячихъ и прилежныхъ, но утратившихъ почву подъ ногами, немного. „Лѣнивыхъ — по словамъ Достоевскаго — безконечно больше“, „необыкновенное множество“ (V, 637).

Наряду съ этими образчиками отцовъ такое же обычное явленіе составляетъ, по Достоевскому, типъ „маменекъ“, преслѣдующихъ въ воспитаніи дѣтей прежде всего ту цѣль, чтобы сдѣлать ихъ пригодными для свѣта, и добивающихся главнымъ образомъ того, чтобы сынокъ вышелъ блестящимъ молодымъ человѣкомъ, салоннымъ очарователемъ и бонмотистомъ. А то, что въ огромномъ числѣ экземпляровъ эти блестящіе молодые люди „есть не что иное, какъ умственные пролетаріи, нѣчто безъ земли подъ собою, безъ почвы и начала, международные межеумки, носимые всѣми вѣтрами Европы“, „маменькамъ“ до этого рѣшительно нѣтъ никакого дѣла (V, 412, 413). Разумѣется, буквально въ такомъ видѣ это явленіе есть принадлежность далеко не всѣхъ круговъ общества, но въ разныхъ видоизмѣненіяхъ и, такъ сказать, въ другомъ масштабѣ оно повторяется вездѣ: по замѣчанію Достоевскаго, сплошь и рядомъ заботы нашихъ семей о дѣтяхъ сводятся исключительно къ погонѣ за общественными связями, которыхъ „первѣе всего надо родительскому сердцу“, ибо, какъ говоритъ одинъ изъ родителей у Достоевскаго, „прочее все приложится по востребованію“ (V, 606).

Соотвѣтственно такимъ свойствамъ лицъ, стоящихъ во главѣ семействъ, весь строй современной семьи представляется Достоевскому слишкомъ неустойчивымъ и непрочнымъ. „Никогда семейство русское не было болѣе расшатано, разложено, болѣе неразсортировано и неоформлено, какъ теперь“, говоритъ Достоевскій. „Гдѣ вы найдете теперь такія „Дѣтства и Отрочества“, которыя бы могли быть возсозданы въ такомъ стройномъ и отчетливомъ изложеніи, въ какомъ представилъ, напримѣръ, намъ свою эпоху и свое семейство графъ Левъ Толстой, или какъ въ „Войнѣ и Мирѣ“ его-же? Всѣ эти поэмы теперь не болѣе лишь, какъ историческія картины давно прошедшаго“ (V, 631).

Что же собственно потребно нашей семьѣ и чего ей не достаетъ? „Въ семьяхъ нашихъ — говоритъ Достоевскій — о высшихъ цѣляхъ жизни почти и не упоминается, а объ идеѣ безсмертія не только ужъ вовсе не думаютъ, но даже слишкомъ нерѣдко относятся къ ней сатирически, и это при дѣтяхъ, съ самаго ихъ дѣтства, да еще, пожалуй, съ нарочнымъ назиданіемъ“ (V, 500). Да и не говоря уже о высшихъ идеяхъ, вообще, при отсутствіи руководящей нити въ жизни у насъ самихъ, наши дѣти, по Достоевскому, вполнѣ бываютъ предоставлены самимъ себѣ, такъ какъ семья безсильна дать имъ что-нибудь положительное. „Ясно, по крайней мѣрѣ, до наглядности,“ — говоритъ Достоевскій, — „что наше юное поколѣніе обречено само отыскивать себѣ идеалы и высшій смыслъ жизни. Но это-то отъединеніе ихъ, это-то оставленіе на собственныя силы

и ужасно... Отъ нашихъ умныхъ людей и вообще отъ руководителей своихъ наша молодежь можетъ заимствовать въ наше время скорѣе лишь взглядъ сатирическій, но уже ничего положительнаго, т. е. во что вѣрить, что уважать, обожать, къ чему стремиться... А если бы и смогли, и въ силахъ еще были ей передать что-нибудь изъ правильныхъ указаній въ семьѣ или въ школѣ, то опять-таки и въ семьѣ и въ школѣ (конечно, не безъ нѣкоторыхъ исключеній) слишкомъ ужъ стали къ этому индифферентны за множествомъ иныхъ, болѣе практическихъ и современно-интересныхъ задачъ и цѣлей" (V, 500—501). Эта заброшенность и предоставленіе дѣтей на собственныя силы заключаетъ въ себѣ тѣмъ бо́льшую опасность, что волевое начало въ дѣтской душѣ, опять-таки какъ бы по наслѣдству отъ отцовъ, является слишкомъ слабымъ. Нашъ современный ребенокъ не можетъ противостоять случайному наплыву мыслей и легко дѣлается ихъ жертвою. Разбирая случай самоубійства одного двѣнадцатилѣтняго мальчика-гимназиста, Достоевскій старается уяснить себѣ тотъ внутренній процессъ, который долженъ былъ происходить въ душѣ несчастнаго ребенка. Этотъ бѣдный мальчикъ, наказанный за что-то гимназическимъ начальствомъ въ день своихъ именинъ, рѣшилъ вдругъ тутъ же, не выходя изъ гимназіи, повѣситься. Достоевскій сопоставляетъ этотъ случай съ тѣми мечтами о смерти, которыя приходили въ голову маленькому герою „Дѣтства и Отрочества" гр. Л. Толстого. По его предположенію, здѣсь дѣйствовали „подавленные, еще не сознательные дѣтскіе вопросы, сильное ощущеніе какой-то гнетущей несправедливости, мнительное, раннее и страдальческое ощущеніе собственной ничтожности, болѣзненно развившійся вопросъ: „почему меня такъ всѣ не любятъ", страстное желаніе заставить жалѣть о себѣ, то есть тоже, что страстное желаніе любви отъ нихъ всѣхъ, — и множество, множество другихъ усложненій и оттѣнковъ". И у гр. Толстого оскорбленный Николенька воображаетъ себя умершимъ, а своихъ оскорбителей — предающимся позднему раскаянію о нанесенномъ ему униженіи. Но дальнѣйшее сопоставленіе этихъ двухъ примѣровъ — литературнаго и живого — говоритъ не въ пользу послѣдняго. „Мальчикъ гр. Толстого — говоритъ Достоевскій — могъ мечтать, съ болѣзненными слезами разслабленнаго умиленія въ душѣ, о томъ, какъ они войдутъ и найдутъ его мертвымъ — и начнутъ любить его, жалѣть и себя винить. Онъ даже могъ мечтать и о самоубійствѣ, но лишь мечтать: строгій строй исторически сложившагося дворянскаго семейства отозвался бы и въ двѣнадцатилѣтнемъ ребенкѣ и не довелъ бы его мечту до дѣла, а тутъ помечталъ, да и сдѣлалъ" (V, 532).

Впрочемъ, индифферентизмъ къ высшимъ цѣлямъ жизни, который сообщаютъ современнымъ дѣтямъ ихъ родители, невыгоденъ прежде всего для самихъ же отцовъ. Если возможно допустить, что укорененіе дурныхъ привычекъ въ дѣтяхъ, оставленныхъ родителями въ пренебреженіи, способно вызвать въ послѣднихъ прямое отвращеніе къ нимъ (см. дѣло родителей Дж—ихъ, V, 637 и сл.), то, въ свою очередь, и ребенокъ, чувствуя унизительное положеніе, въ которое ставятъ его жестокіе и нерадивые родители, можетъ ожe-

сточаться и окончательно потерять любовь не только къ нимъ, но даже и къ самому родному гнѣзду. „Онъ не проститъ, онъ возненавидитъ свои воспоминанія, свое дѣтство, проклянетъ свое бывшее родное гнѣздо и тѣхъ, кто былъ съ нимъ въ этомъ гнѣздѣ“, говоритъ Достоевскій (V, 645). Это окажется рано, уже въ самой первой юности. Все то преждевременное утомленіе, которое можно наблюдать въ нашихъ юношахъ, выносится ими изъ дѣтскихъ лѣтъ. Лишенный воспитательныхъ вліяній нормальной семьи, „юноша вступаетъ въ жизнь одинъ, какъ перстъ; сердцемъ онъ не жилъ, сердце его ничѣмъ не связано съ его прошедшимъ, съ семействомъ, съ дѣтствомъ“ . . . „Нужда, забота отцовъ отражаются въ ихъ (дѣтей) сердцахъ съ дѣтства мрачными картинами, воспоминаніями иногда самаго отравляющаго свойства. Дѣти вспоминаютъ до глубокой старости малодушіе отцовъ, ссоры въ семействахъ, споры, обвиненія, горькіе попреки и даже проклятія на нихъ, на лишніе рты и, что́ хуже всего, вспоминаютъ иногда подлость отцовъ, низкіе поступки изъ-за достиженія мѣстъ, денегъ, гадкія интриги и гнусное раболѣпство. И долгопотомъ въ жизни, можетъ быть всю жизнь, человѣкъ склоненъ слѣпо обвинить этихъ прежнихъ людей, ничего не вынеся изъ своего дѣтства, чѣмъ-бы онъ могъ смягчить эту грязь воспоминаній и правдиво, реально, а, стало быть, и оправдательно взглянуть на тѣхъ прошлыхъ, старыхъ людей, около которыхъ такъ уныло протянулись его первые годы“ (V, 636).

Даже въ отношеніи практическихъ задачъ идеалы современнаго воспитанія не возвышаются надъ посредственностью. Кругъ родительскихъ представленій, касающихся отдаленной будущности потомка, обыкновенно ограничивается матеріальнымъ довольствомъ и болѣе или менѣе высокимъ іерархическимъ положеніемъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ больше всего высказывается опасеніе, какъ бы жизнь дѣтей не выбилась изъ обычной колеи. „Какая мать, нѣжно любящая свое дитя, — говоритъ Достоевскій въ „Идіотѣ“ — не испугается и не заболѣетъ отъ страха, если ея сынъ или дочь чуть-чуть выйдутъ изъ рельсовъ. „Нѣтъ, ужъ лучше пусть будетъ счастливъ и проживетъ въ довольствѣ и безъ оригинальности“, думаетъ каждая мать, закачивая свое дитя. А наши няньки, закачивая дѣтей, споконъ вѣку причитываютъ и припѣваютъ: „будешь въ золотѣ ходить, генеральскій чинъ носить!“ Итакъ, даже у нашихъ нянекъ чинъ генерала считался за предѣлъ русскаго счастья и, стало быть, былъ самымъ популярнымъ національнымъ идеаломъ спокойнаго, прекраснаго блаженства“ (III, „Ид.“ 193).

Вліяніе тѣхъ началъ, на которыхъ зиждется у насъ семейный строй, не ограничивается тѣсными предѣлами семьи. Многія явленія текущей общественной жизни представляются Достоевскому какъ непосредственный результатъ нашего семейнаго строя. Въ самомъ дѣлѣ, семейный укладъ такъ глубоко проникаетъ человѣка, что самыя свойства наши, какъ единицъ, изъ которыхъ составляется общество, обусловливаются въ значительной сте-

нени характеромъ воспитавшей насъ семейной среды и семейныхъ вліяній. По этой причинѣ нравственный уровень общественныхъ слоевъ во многомъ опредѣляется свойствами и уровнемъ тѣхъ семейныхъ группъ, изъ которыхъ слагается общество, и происхожденіе многихъ общественныхъ типовъ прямо объясняется вліяніями воспитавшихъ ихъ семей. Съ этой точки зрѣнія, толкуетъ, напримѣръ, Достоевскій появленіе въ современной ему жизни особой разновидности людей — „анонимныхъ ругателей“. Въ этой особѣ онъ видитъ цѣльный и законченный типъ, который стбитъ серьознаго романа. Онъ намѣчаетъ и путь, которымъ слагается этотъ типъ въ жизни, при чемъ онъ прямо ставитъ происхожденіе его въ связь съ нашимъ семейнымъ строемъ. „Въ самомъ дѣлѣ — говоритъ Достоевскій, — все это народъ взросшій въ нашихъ недавнихъ шаткихъ семействахъ, у недовольныхъ, скептическихъ отцовъ, передавшихъ дѣтямъ одно равнодушіе ко всему насущному и много-много что какое-то неопредѣленное безпокойство на счетъ чего-то грядущаго, страшно фантастическаго, но во что однакоже наклонны увѣровать даже эти такъ называемые готовые реалисты и холодные ненавистники нашего настоящаго. — — Мало ли взросло за послѣднія двадцать, двадцать пять лѣтъ дѣтей у этихъ гадкихъ завистниковъ, прожившихъ послѣднія выкупныя и оставившихъ дѣтямъ нищету и завѣтъ подлости — развѣ мало такихъ семействъ?“ (V, 600).

Другой результатъ вліянія нашего семейнаго режима видимъ мы въ существованіи у насъ тѣхъ „международныхъ межеумковъ, съ коротенькими, недоконченными идейками, съ тупою прямолинейностью сужденій“, о которыхъ было говорено уже выше. Эти „межеумки“ — вполнѣ естественное порожденіе тѣхъ отцовъ, которые, проживая свое и дѣтское состояніе за границей, или утѣшаютъ себя тѣмъ, что, въ замѣнъ состоянія, ихъ дѣти унаслѣдуютъ „благородную закваску истиннаго и священнаго образа мыслей“, какую даетъ имъ „воспитаніе вдали отъ Россіи и внѣ предразсудка объ отечествѣ“, или прямо разсчитываютъ на то, что такой жизнью они наживутъ своимъ дѣтямъ „связишки“, въ чемъ собственно и заключается главная забота ихъ родительскаго сердца.

Наконецъ, какъ откликъ семейныхъ вліяній, является, по Достоевскому, и свойственное всѣмъ намъ неумѣнье устроить практическую сторону нашей государственной и народной экономической жизни. Нашимъ служащимъ, по замѣчанію Достоевскаго, не хватаетъ самаго главнаго — практичности, и эта черта прямо обусловливается той „робостью и полнѣйшимъ недостаткомъ собственной иниціативы,“ которыя воспитываются подъ вліяніемъ боязни оригинальности и при непремѣнномъ желаніи вогнать жизнь въ опредѣленную колею (Ш, „Ид.“ 192—193).

VIII.

Помимо того, что сказано Достоевскимъ по вопросу о состояніи у насъ семьи, въ современной жизни наберется немало другого рода явленій,

характеризующихъ наше отношеніе къ дѣтямъ и дѣтскому вопросу. Дѣло въ томъ, что этотъ вопросъ далеко не исчерпывается одною заботою о дѣтяхъ въ предѣлахъ ихъ существованія въ семейномъ кругу. Взятый во всей своей широтѣ, онъ можетъ быть разсматриваемъ какъ одинъ изъ соціальныхъ вопросовъ, такъ какъ та или другая постановка его всегда до извѣстной степени свидѣтельствуетъ о нравственномъ уровнѣ общества и его нравственныхъ идеалахъ, выражая собою тѣ задачи и требованія, какія существуютъ въ послѣднемъ въ отношеніи подростающихъ поколѣній и ихъ будущности.

Достоевскій въ большей или меньшей степени останавливается на всѣхъ сторонахъ нашего воспитательнаго дѣла, поскольку онѣ затрогивали его, какъ публициста. Посмотримъ же, какъ представлено имъ отношеніе общества къ дѣтскому вопросу и въ какомъ свѣтѣ является у него съ этой стороны само наше образованное общество.

Въ качествѣ публициста, Достоевскому приходилось имѣть дѣло съ отдѣльными фактами. Но въ жизни отдѣльные факты всегда выражаютъ собою то или другое общее явленіе и никогда не стоятъ одиноко. Однимъ изъ явленій, по-своему характеризующихъ современную общественную среду, служитъ, по Достоевскому, наше отношеніе къ тѣмъ дѣтямъ, которыхъ мы привыкли встрѣчать на улицѣ ходящими „съ ручкой“ и обращающими свою бродячую жизнь въ особаго рода профессію. Достоевскій коснулся этого явленія нашей жизни въ январьскомъ нумерѣ „Дневника“ 1876 г. статьею „Мальчикъ у Христа на елкѣ.“ Въ этой повѣсти онъ напоминаетъ о той заброшенности, въ которой находятся у насъ дѣти улицы, лишенныя не только воспитательной обстановки, но даже и сколько-нибудь сноснаго существованія. Разсказавъ исторію одного такого ребенка, который въ суровую Рождественскую ночь очутился на улицѣ и затѣмъ замерзъ на чужомъ дворѣ, Достоевскій заканчиваетъ свою повѣсть фантастической картиной, представляющей, какъ этотъ мальчикъ очутился на елкѣ у Христа. Тамъ оказалось много такихъ мальчиковъ, испытавшихъ равную съ этимъ судьбу; ко всѣмъ имъ Христосъ простиралъ Свои руки и благословлялъ ихъ и ихъ грѣшныхъ матерей. Достоевскій не говоритъ много объ этомъ явленіи, не разъясняетъ его. „Сочинивъ“ эту фантастическую повѣсть, въ которой, при всей ея фантастичности, такъ много правдиваго, онъ, видимо, имѣлъ въ виду лишь указать на одно изъ тѣхъ вопіющихъ явленій, которыя на каждомъ шагу встрѣчаются въ нашей жизни. Это явленіе такъ краснорѣчиво говоритъ само за себя, что къ нему нечего прибавлять. Читая разсказъ, нельзя не чувствовать, что въ него вложена мысль о полной заброшенности этихъ бѣдныхъ дѣтей, до которыхъ какъ будто никому и дѣла нѣтъ. Толпы людей проходятъ мимо, не обращая на нихъ никакого вниманія, а между тѣмъ эта заброшенность, это пренебреженіе къ маленькимъ существамъ приводитъ къ великому злу, злу общественному, которое въ своихъ послѣдствіяхъ отзывается на общемъ благосостояніи населенія. Дѣло въ томъ, что уличныя дѣти, пріучаясь ко лжи, всѣмъ существомъ своимъ

всасываютъ ее въ себя, а затѣмъ, подъ вліяніемъ свободы и нажитой страсти къ бродяжничеству, неизбѣжно становятся преступниками. При всей сдержанности писателя, при всемъ нежеланіи его прямо высказать таящуюся въ повѣсти мысль, нельзя не понять, что, въ его глазахъ, подобное безучастное отношеніе къ безпомощнымъ дѣтямъ плохая рекомендація общества.

Впрочемъ, другихъ, соотвѣтствующихъ этому явленій, которыя выставляли бы предъ нами общественное отношеніе къ дѣтямъ такъ, какъ выставлено оно въ приведенномъ разсказѣ Достоевскаго, мы не встрѣчаемъ на страницахъ его „Дневника“. Достоевскій главнымъ образомъ характеризуетъ современное общество со стороны ходячихъ въ немъ общихъ положеній о воспитаніи и тѣхъ пріемовъ и средствъ, которыя, во имя этихъ положеній, практикуются въ нашей образованной средѣ.

Какой же печатью отмѣчаетъ себя наша общественная среда въ этомъ отношеніи?

По Достоевскому, тѣ общія теоретическія положенія о средствахъ воспитанія, которыхъ держится наше общество, или слишкомъ неопредѣленны, въ силу своего общаго характера, или высказываются безъ всякаго внутренняго убѣжденія, на случай, ничѣмъ не мотивированныя. „Мнѣ случилось — пишетъ онъ въ „Дневникѣ“ 1873 г. — выслушать недавно, сидя въ вагонѣ, цѣлый трактатъ о классическихъ языкахъ въ продолженіе двухъ часовъ дороги. Говорилъ одинъ, а всѣ слушали. Это былъ никому изъ пассажировъ незнакомый господинъ, осанистый, зрѣлыхъ лѣтъ, сдержаннаго и барскаго вида, вѣско и неторопливо выпускавшій слова. Онъ всѣхъ заинтересовалъ. Очевидно было съ самыхъ первыхъ словъ его, что онъ не только въ первый разъ говоритъ, но даже, можетъ быть, въ первый разъ и думалъ объ этой темѣ, такъ что это была лишь блестящая импровизація. Онъ вполнѣ отрицалъ классическое образованіе и введеніе его у насъ называлъ „историческимъ и роковымъ дурачествомъ“ ... Основанія, на которыхъ стоялъ онъ, были самыя первоначальныя, приличныя развѣ лишь тринадцатилѣтнему школьнику, почти тѣ же самыя, на которыхъ еще до сихъ поръ стоятъ иныя изъ нашихъ газетъ, воюющія съ классическими языками, напр., „такъ какъ всѣ латинскія сочиненія переведены, то и не надо латинскаго языка“ и проч. и проч. въ этомъ родѣ. Въ нашемъ вагонѣ онъ произвелъ чрезвычайный эффектъ; многіе, разставаясь съ нимъ, благодарили за доставленное удовольствіе, особенно дамы. Я убѣжденъ, что онъ ушелъ, чрезвычайно уважая себя“ (V, 231). „Въ другой разъ — продолжаетъ Достоевскій чрезъ нѣсколько строкъ — тоже въ вагонѣ и тоже недавно мнѣ случилось выслушать цѣлый трактатъ объ атеизмѣ. Ораторъ, свѣтскаго и инженернаго вида господинъ, вида, впрочемъ, угрюмаго, но съ болѣзненной жаждою слушателя, началъ съ монастырей.... Онъ кончилъ совершеннымъ и безбрежнымъ атеизмомъ на основаніи естественныхъ наукъ и математики. Онъ ужасно часто повторялъ о естественныхъ наукахъ и математикѣ, не приведя, впрочемъ, ни одного факта изъ этихъ наукъ въ продолженіе всей своей диссертаціи .... „Я научу сына моего быть честнымъ человѣкомъ — и вотъ и все“ — по-

рѣшилъ онъ въ заключеніе, въ полной и очевидной увѣренности, что добрыя дѣла, нравственность и честность есть нѣчто данное и абсолютное, ни отъ чего не зависящее и которое можно всегда найти въ своемъ карманѣ, когда понадобится, безъ трудовъ, сомнѣній и недоумѣній" (ib. 232). Характерны въ этихъ случаяхъ, конечно, не столько самые взгляды, слишкомъ несостоятельные въ своей сущности, сколько то, какъ они возникаютъ и какъ исповѣдуются передъ другими. Поспѣшность ихъ образованія соотвѣтствуетъ та легкость, съ которой они облекаются въ словесную форму и воспринимаются всѣми, безъ провѣрки, безъ возраженій, и съ которой они такъ же легко смѣняются другими.

Впрочемъ, и самое содержаніе тѣхъ идей, изъ которыхъ слагались гражданскія воззрѣнія „нашихъ интеллигентныхъ слоевъ" въ 70-ыхъ годахъ, не можетъ, по Достоевскому, не отозваться гибельно на направленіи, какое должны получить подъ вліяніемъ ихъ наши дѣти. „Вотъ гдѣ начало зла — говоритъ Достоевскій: — въ преданіи, въ преемствѣ идей, въ вѣковомъ, національномъ подавленіи въ себѣ всякой независимости мысли, въ понятіи о санѣ европейца подъ непремѣннымъ условіемъ неуваженія къ самому себѣ, какъ къ русскому человѣку!" Ибо тамъ, „гдѣ дѣти воспитываются безъ почвы, внѣ естественной правды, въ неуваженіи или равнодушіи къ отечеству и въ насмѣшливомъ презрѣніи къ народу, такъ особенно распространяющемся въ послѣднее время, — тутъ ли, изъ этого ли родника наши юные люди почерпнутъ правду и безошибочность направленія первыхъ шаговъ жизни?" (V, 239). „Прежде всего поставьте вопросъ — говоритъ затѣмъ Достоевскій: если сами отцы этихъ юношей — не лучше, не крѣпче и не здоровѣе ихъ убѣжденіями; если съ самаго перваго дѣтства своего эти дѣти встрѣчали въ семействахъ своихъ одинъ лишь цинизмъ, высокомѣрное и равнодушное (большею частію) отрицаніе; если слово „отечество" произносилось между ними не иначе, какъ съ насмѣшливой складкой; если къ дѣлу Россіи всѣ воспитывавшіе ихъ относились съ презрѣніемъ или равнодушіемъ; если великодушнѣйшіе изъ отцовъ и воспитателей ихъ твердили имъ лишь объ идеяхъ „общечеловѣческихъ"; если еще въ дѣтствѣ ихъ прогоняли нянекъ за то, что тѣ надъ колыбельками ихъ читали „Богородицу"; — то скажите, что можно требовать отъ этихъ дѣтей, и гуманно ли при защитѣ ихъ, если таковая потребуется, отдѣлываться однимъ лишь отрицаніемъ факта?" (V, 240—241). Достоевскій останавливаетъ далѣе свое вниманіе на случаѣ, предъ тѣмъ только что опубликованномъ въ газетахъ: три гимназиста 3-го класса К—ой гимназіи „привлечены къ отвѣтственности по обвиненію въ какомъ то преступленіи, имѣющемъ связь съ ихъ предполагавшимся бѣгствомъ въ Америку". Этотъ случай, по Достоевскому, стоитъ въ связи съ тѣмъ содержаніемъ, которымъ живетъ въ своей умственной жизни взрослое поколѣніе общества. „Винить ли такихъ маленькихъ дѣтей, этихъ трехъ гимназистовъ, — замѣчаетъ Достоевскій, — если и ихъ слабыми головенками одолѣли великія идеи о „свободномъ трудѣ въ свободномъ государствѣ" и о коммунѣ и объ обще-европейскомъ человѣкѣ; винить ли

за то, что вся эта дребедень кажется имъ религіей, а абсентеизмъ и измѣна отечеству — добродѣтелью?“ (V, 241).

Всѣ подобныя идеи, носящіяся въ обществѣ въ непереработанномъ видѣ, чуждыя нашей исторіи и истиннымъ потребностямъ нашей жизни, составляютъ ту атмосферу, въ которой выростаетъ дитя, всасывая ее въ себя и питаясь ею. Здѣсь происходитъ своего рода процессъ окисленія, которому подвергается душа ребенка, подобно тому, какъ подвергаются ему металлы чрезъ атмосферныя вліянія. Но внушеніемъ такого рода идей не ограничивается дѣйствіе среды на юную душу. Сюда присоединяются, кромѣ этого, преднамѣренныя воздѣйствія, въ качествѣ тѣхъ сознательно-произвольныхъ вліяній, которыми окружается дѣтская жизнь. Достоевскій, являясь прежде всего обозрѣвателемъ общаго направленія жизни, не могъ, конечно, останавливаться на всѣхъ тѣхъ воспитательныхъ методахъ, какіе экспериментировало въ отношеніи подрастающаго поколѣнія современное ему общество, но вскользь, мимоходомъ, онъ иногда касался нѣкоторыхъ подробностей постановки воспитательнаго дѣла въ семьяхъ средняго и высшаго круга.

Съ особенною настойчивостью онъ, напримѣръ, указываетъ на наемныхъ воспитателей, въ родѣ гувернеровъ и боннъ, которыхъ приглашаютъ главнымъ образомъ ради французскаго языка. Достоевскій поднимаетъ при этомъ старый вопросъ, насколько можетъ быть полезно или вредно усвоеніе въ первомъ дѣтствѣ чужого языка вмѣсто своего, родного. Эта старая тема представляется ему, впрочемъ, не до того еще износившеюся, чтобы нельзя было попытаться сказать по этому вопросу и своего словца (V, 409). Онъ разсматриваетъ вопросъ прежде всего съ точки зрѣнія психологической, къ которой затѣмъ присоединяются основанія гражданско-національныя. Сущность первой постановки вопроса та, что языкъ, какъ форма мысли, не только отражаетъ на себѣ глубину послѣдней, но и самъ, въ свою очередь, способствуетъ бо́льшей глубинѣ ея содержанія. Вытекаетъ это вліяніе изъ того, что, при всей абсолютности мысли, какъ субстанціальной способности человѣка, самый процессъ мышленія неизбѣжно совершается на какомъ нибудь языкѣ. Отсюда „понятно, что чѣмъ гибче, чѣмъ богаче, чѣмъ многоразличнѣе мы усвоимъ себѣ тотъ языкъ, на которомъ мы предпочли мыслить, тѣмъ легче, тѣмъ многоразличнѣе и тѣмъ богаче выразимъ на немъ нашу мысль“. „Тѣмъ скорѣе я и скажу себѣ то, что хочу сказать, тѣмъ глубже скажу и тѣмъ глубже самъ пойму то, что хотѣлъ сказать, тѣмъ буду крѣпче и спокойнѣе духомъ и ужъ, конечно, тѣмъ буду умнѣе“ (V, 409, 410). Но „на глубину мысли чужого, заимствованнаго языка не достанетъ: для этого нуженъ языкъ родной, съ которымъ, такъ сказать, родятся“, и чтобъ усвоить себѣ этотъ родной языкъ натуральнѣе, безъ особой надсадки и не по одной только наукѣ, надо непремѣнно еще съ дѣтства перенимать его отъ русскихъ нянекъ. Достоевскій находитъ, что послѣдствія пріученія къ чужому языку при посредствѣ боннъ и гувернантокъ въ нравственномъ отношеніи бываютъ столько же ужасны, сколько бываютъ ужасны для организма послѣдствія нѣкоторыхъ физическихъ привычекъ болѣзненнаго свойства. „Не владѣя матеріаломъ, чтобъ органи-

зовать на немъ всю глубину своей мысли и своихъ душевныхъ запросовъ, владѣя всю жизнь языкомъ мертвымъ, болѣзненнымъ, краденымъ, съ формами робкими, заученными, для него не раздвигающимися и грубыми", — воспитанный на чужомъ языкѣ человѣкъ „будетъ вѣчно томиться безпрерывнымъ усиліемъ и надрывомъ, умственнымъ и нравственнымъ, при выраженіи себя и души своей . . . Онъ самъ замѣтитъ, что мысль его коротка, легковѣсна, цинична — цинична именно по своей короткости, вслѣдствіе ничтожныхъ, мелочныхъ формъ, въ которыя всю жизнь облечена была" (V, 412). Годъ спустя, въ лѣтнемъ номерѣ „Дневника" 1877 года, Достоевскій снова возвращается къ той же темѣ, дополняя сказанное прежде. Онъ предполагаетъ рядъ возраженій, которыя сдѣлаютъ ему прежде всего родители и, въ частности, „маменьки," старающіяся путемъ французскаго воспитанія обезпечить сыну карьеру. „Повѣрите ли вы или нѣтъ — обращается онъ къ предполагаемому оппоненту, — когда я вамъ прямо и въ высшей степени опредѣленно скажу, что безъ знанія натуральнаго своего языка, безъ обладанія имъ, нельзя даже выровнять себѣ и характера, особенно если херувимчикъ (сынъ) хорошо и богато одаренъ отъ природы. У него начнутъ-же въ свое время рождаться мысли, идеи, чувства, его будутъ давить, такъ сказать, изнутри эти мысли и чувства, ища и требуя себѣ выраженія, а безъ богатыхъ, усвоенныхъ съ дѣтства, готовыхъ формъ выраженія, т. е. безъ языка, безъ развитія его, безъ утонченностей его, безъ обладанія оттѣнками его — сынъ вашъ будетъ вѣчно недоволенъ собою; обрывки мыслей перестанутъ его удовлетворять, накопляющійся въ умѣ и въ сердцѣ матеріалъ потребуетъ основательнаго уже выраженія . . . Молодой человѣкъ станетъ озабоченъ, разсѣянъ, безпредметно задумчивъ, потомъ брюзгливъ, несносенъ, потомъ разстроитъ свое здоровье, даже желудокъ, можетъ быть, вѣрите ли тому" . . . (V, 608).

Помимо этихъ, чисто психологическихъ, основаній, есть еще другая, такъ сказать, гражданско-національная точка зрѣнія на настоящій предметъ, сущность которой можетъ быть сведена къ слѣдующему. Человѣкъ, чуждающійся перваго средства единенія съ роднымъ народомъ, каковымъ является языкъ, естественно уже не принадлежитъ по духу своему народу, „перестаетъ быть русскимъ;" въ немъ происходитъ „претвореніе чисто-русскаго, сырого и превосходнаго, можетъ быть, матеріала въ жалкую международную дрянь, обезличенную, безъ характера, безъ народности и безъ отечества" (V, 604), ибо искусственная прививка чуженародныхъ началъ никогда не замѣнитъ ему потерю духа родной національности. Чрезъ это самая идея національности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и національная исторія становится навсегда для него непонятной. „Не имѣя своего языка, онъ, естественно, схватываетъ обрывки мыслей и чувствъ всѣхъ націй, умъ его, такъ сказать, сбалтывается еще смолоду въ какую-то бурду, изъ него выходитъ международный межеумокъ съ коротенькими, недоконченными идейками, съ тупою прямолинейностью сужденія." Онъ выростаетъ, становится дипломатомъ, согласно желанію родителей, „но для него исторія націй слагается какъ-то по-шутовски.

Онъ не видитъ, даже не подозрѣваетъ, чѣмъ живутъ націи и народы, какіе законы въ организмѣ ихъ и есть ли общій международный законъ" (V, 608).

Независимо отъ этихъ общихъ сужденій, касающихся вопроса о постановкѣ воспитательнаго дѣла въ современной средѣ, есть у Достоевскаго картинки, наглядно рисующія намъ нѣкоторыя типичныя черты самихъ воспитателей. Такъ въ статьѣ „Маленькія картинки"*) выводится имъ личность гувернантки, сопровождающей въ дорогѣ семейство средней руки. Достоевскій по этому поводу самъ отмѣчаетъ общія черты этого рода личностей, выставляя ихъ какъ заурядное и неизбѣжно встрѣчающееся во всѣхъ подобныхъ случаяхъ повтореніе. „Гувернантки въ обществѣ средней руки большею частью всегда одного пошиба — говоритъ онъ, — т. е. всѣ молоденькія, всѣ недавно изъ учебнаго заведенія, всѣ не совсѣмъ хороши собою, но и никогда не бываютъ вполнѣ дурны; всѣ въ темныхъ платьицахъ, всѣ съ стянутыми таліями, всѣ стараются выказать ножку, всѣ съ гордою скромностью, но и съ самымъ непринужденнымъ видомъ, свидѣтельствующимъ о высокой невинности, всѣ до фанатизма преданы своимъ обязанностямъ, у каждой непремѣнно съ собой англійская или французская книжка благовоспитаннаго содержанія, чаще всего какое нибудь путешествіе" (V, 253). Каждая изъ этихъ дѣвицъ лишь повторяетъ собою всѣхъ другихъ, начиная съ костюма и кончая стереотипными фразами на неизмѣнномъ „гувернантски-французскомъ" языкѣ, съ неизмѣнными особенностями произношенія. Такое полное отсутствіе своего, оригинальнаго, само собою свидѣтельствуетъ о посредственности натуры: въ подобный общій типъ не можетъ воплотиться личность, богатая своимъ содержаніемъ. А эта посредственность, въ свою очередь, представляетъ лучшее доказательство ненадежности подобныхъ личностей въ отношеніи ихъ воспитательной роли, тѣмъ болѣе, что самая видимая невинность ихъ есть только кажущаяся: при наружной скромности и внѣшней преданности своимъ обязанностямъ, въ этихъ барышняхъ обыкновенно таятся секретныя мечты о веселой жизни и интересныхъ встрѣчахъ, разжигающія въ нихъ внутреннее недовольство окружающимъ" (V, 258).

Такова атмосфера, которой, по изображенію Достоевскаго, дышитъ нашъ юный, готовящійся къ жизни міръ. Въ романахъ своихъ Достоевскій выводитъ дѣтей, болѣе или менѣе богато одаренныхъ отъ природы, но и тѣ, при всей своей даровитости, слишкомъ многимъ обязаны окружающей жизни. Какъ ни упорно отстаиваютъ многія изъ нихъ самобытность своей внутренней жизни, послѣдняя не можетъ не уступить внѣшнему давленію. Мы видѣли, что душевный бытъ всѣхъ этихъ дѣтей слагается въ зависимости отъ того отношенія, какое существуетъ между природными задатками ихъ съ одной стороны и силой внѣшняго давленія — съ другой. И это притомъ лишь въ области состояній сердца и актовъ воли — такихъ душевныхъ дѣятельностей, которыя больше всего способны оказать силы сопротивленія внѣшнему вліянію. А что же сказать о мыслительной дѣятельно-

*) Первонач. напечат. въ сборникѣ „Складчина" 1874. — П. собр. соч. V, 247—258.

сти, которая главнымъ образомъ питается содержаніемъ извнѣ? Очевидно, весь кругъ идей ребенка, въ особенности если онъ существо заурядное, какихъ большинство, долженъ опредѣлиться характеромъ среды, ея идеями и направленіемъ. Душевный запасъ его будетъ ограниченъ тѣмъ, что дастъ ему эта среда. Онъ вберетъ въ себя эти случайно заброшенныя въ среду его отцовъ идеи и унесетъ ихъ съ собою въ жизнь, какъ духовное достояніе, завѣщанное тѣми, кто долженъ былъ служить для него примѣромъ. Какъ рано и до какой степени легко вбираетъ въ себя дѣтская заурядная среда все, что видитъ около себя, подтверждается однимъ сдѣланнымъ Достоевскимъ наблюденіемъ. Достоевскому пришлось наблюдать дѣтей на балу, гдѣ были собраны дѣти разныхъ возрастовъ. Онъ относится къ самой затѣѣ устройства дѣтскаго бала безъ предубѣжденія, къ дѣтямъ — съ любовію и вѣрою въ ихъ душевную чистоту, и вотъ что приходится ему наблюдать здѣсь: „Тутъ были даже шестилѣтнія дѣти — говоритъ Достоевскій, — но я навѣрно знаю, что они уже въ совершенствѣ понимали: почему и зачѣмъ они пріѣхали сюда наряженныя въ такія дорогія платьица, а дома ходятъ замарашками (при теперешнихъ средствахъ средняго общества — непремѣнно замарашками). Мало того, они навѣрно уже понимаютъ, что такъ именно и надо, что это вовсе не уклоненіе, а нормальный законъ природы“ (V, 264). Особенно воспріимчивыми въ отношеніи свойствъ воспитывающей среды представляются Достоевскому дѣвочки: „Дѣвочки — замѣчаетъ онъ — особенно понятны въ танцахъ: такъ и прозрѣваешь въ иной будущую „Вуйку“, которая ни за что не съумѣетъ выйти замужъ, несмотря на все желаніе. Вуйками я называю тѣхъ дѣвицъ, которыя до тридцати почти лѣтъ отвѣчаютъ вамъ: вуй да нонъ. Зато есть и такія, которыя, о сю пору видно, весьма скоро выйдутъ замужъ, тотчасъ какъ пожелаютъ“ (ibid.).

Остается одна область въ общемъ строѣ нашей жизни, отъ которой мы съ полнымъ правомъ можемъ ожидать уже не случайнаго, а произвольно и сознательно поставленнаго воздѣйствія на дѣтство. Это область — школа во всемъ разнообразіи ея видового различія. Она такъ тѣсно примыкаетъ къ дѣтскому міру, что по необходимости должна входить въ кругъ наблюденій, связанныхъ съ вопросомъ о дѣтствѣ. Къ сожалѣнію, и въ романахъ и въ публицистическихъ своихъ статьяхъ Достоевскій касается школы лишь вскользь, мимоходомъ, и потому трудно понять, въ какомъ свѣтѣ представляется ему самому общая постановка нашего школьно-воспитательнаго дѣла. Все, что можно извлечь изъ его сочиненій, сводится къ нѣсколькимъ сдѣланнымъ мимоходомъ замѣчаніямъ о томъ, какъ чувствуетъ себя дитя въ нашей школѣ и чего не достаетъ послѣдней для настоящаго руководства поручаемой ея образовательному вліянію дѣтской средой.

Въ немногихъ мѣстахъ романовъ, гдѣ Достоевскому приходилось касаться школы, онъ останавливается главнымъ образомъ на тѣхъ явленіяхъ школьной жизни, которыми характеризуется положеніе ребенка нѣжной

организаціи въ школьной обстановкѣ. Въ большинствѣ случаевъ онъ старается выставить на видъ тотъ казенный, чуждый теплыхъ отношеній къ ребенку строй школьной жизни, который какъ будто составляетъ ея непремѣнную принадлежность. Соотвѣтствующіе этому примѣры находимъ мы прежде всего въ „Бѣдныхъ людяхъ“, въ воспоминаніяхъ Вареньки Доброселовой о времени ея обученіи въ пансіонѣ, затѣмъ въ „Подросткѣ“, — въ разсказѣ Андрея Долгорукова о пребываніи у Тушара, и, наконецъ, — въ „Карамазовыхъ“. Всѣ относящіяся сюда данныя выставляютъ предъ нами то чувство одиночества, которое испытываетъ въ школьной средѣ ребенокъ отличающійся симпатическими свойствами души. Какъ видно изъ этихъ примѣровъ, въ большинствѣ случаевъ и здѣсь прежде всего беретъ верхъ „средина“, посредственность, которая давитъ все, сколько-нибудь выдающееся, какъ бы не прощая того, что есть натуры, которыя, по прирожденной нѣжности или вообще по свойствамъ своего темперамента, не могутъ ассимилироваться съ нею. Оттого всѣ вышепоименованныя личности, чувствуя недостатокъ тепла въ окружающей ихъ обстановкѣ, не могутъ сжиться съ нею. Они все время пребыванія своего въ школѣ остаются одинокими, несмотря на то, что множество другихъ лицъ, находящихся въ томъ же положеніи и одинаковой обстановкѣ, никогда не знало чувства одиночества.

Достоевскій не дѣлаетъ отсюда никакого вывода, но онъ ясенъ самъ собою: читая тѣ страницы его романовъ, изъ которыхъ взяты вышеприведенные примѣры, нельзя не видѣть, что вездѣ въ нихъ жизнь школы представлена слишкомъ далекой отъ того, чтобы, развитіемъ подходящихъ условій, примѣниться къ натурѣ ребенка, а не ограничиваться однѣми установившимися и какъ бы застывшими и обмершими своими формами.

Помимо этого явленія нашли себѣ изображеніе въ романахъ Достоевскаго нѣкоторые школьные нравы, съ незапамятныхъ временъ держащіеся въ нашей школѣ какъ бы силой какой-то традиціи и оставшіеся въ ней, несмотря на то поступательное движеніе, которымъ ознаменовалась жизнь нашей школы въ послѣднее время. Но во всѣхъ относящихся сюда мѣстахъ Достоевскій ограничивается однимъ лишь указаніемъ на то или другое явленіе, такъ что о широкомъ, живописательномъ значеніи этихъ мѣстъ, какъ картинъ опредѣленнаго уголка нашей жизни, не можетъ быть и рѣчи. Къ числу такихъ данныхъ о нашей школѣ относятся, напримѣръ, нѣкоторыя мѣста въ романѣ „Братья Карамазовы“, представляющія, съ одной стороны, взаимныя отношенія между дѣтьми, съ другой — отношенія этихъ послѣднихъ къ руководящимъ ихъ воспитаніемъ лицамъ. Но всѣ эти данныя содержатъ слишкомъ мало новизны, такъ какъ картины школьной жизни, изображенныя Достоевскимъ, не разъ были представлены въ нашей литературѣ при болѣе полномъ освѣщеніи.

Не многимъ больше по части характеристики нашей школы даетъ „Дневникъ писателя“. Все, что сказано здѣсь по этому поводу Достоевскимъ, можетъ быть сведено къ однимъ общимъ сужденіямъ о нравственно-воспитательномъ значеніи современной школы. Наравнѣ съ семьей, Досто-

евскій осуждаетъ ее за безучастное отношеніе къ высшимъ задачамъ жизни, которыхъ и школа, какъ и семья, одинаково чуждается, „за множествомъ иныхъ, болѣе практическихъ и современно интересныхъ задачъ и цѣлей“ (V, 501). Этому индифферентизму въ отношеніи высшихъ цѣлей жизни, по Достоевскому, причастны всѣ руководители дѣтскимъ воспитаніемъ въ періодъ школьной жизни. „Я не помню въ моемъ дѣтствѣ ни одного педагога, — замѣчаетъ Достоевскій, — и не думаю, чтобы и теперь ихъ было много: все лишь чиновники, получающіе жалованье“ (V, 236). Въ частности, по вопросу о нашихъ гимназіяхъ Достоевскій высказываетъ нѣсколько болѣе опредѣленныхъ замѣчаній, хотя и они представляютъ собою лишь случайно высказанныя сужденія. Такъ, между прочимъ, Достоевскій писалъ въ „Дневникѣ“ 1873 года: „въ учебный реформѣ нынѣшняго царствованія — чуть не вся наша будущность, и мы знаемъ это“ (V,241); а въ 1876 году онъ указываетъ на тѣ пробѣлы, которые обнаружились въ постановкѣ у насъ учебнаго дѣла послѣ совершенной въ немъ реформы. Достоевскій не отрицаетъ при этомъ основательности тѣхъ началъ, которыя легли въ основу нашей гимназической системы. Онъ раздѣляетъ мнѣніе, что математика и древніе языки справедливо должны быть признаны основаніемъ, на которомъ должно опираться гимназическое обученіе. По его словамъ, „это фактъ и фактъ безспорный, выжитый на опытѣ всею Европою въ продолженіе вѣковъ, а нами только перенятый“. Но онъ въ то же время находитъ, что рядомъ съ страшно усиленнымъ преподаваніемъ древнихъ языковъ и математики „почти совсѣмъ подавлено у насъ преподаваніе языка русскаго“. Вслѣдствіе этого „вся нравственно развивающая сила этихъ двухъ древнихъ языковъ, этихъ двухъ наиболѣе законченныхъ формъ человѣческой мысли и уже поднявшихъ, вѣками, весь бывшій варварскій западъ до высочайшей степени развитія и цивилизаціи, — вся эта сила, естественно, минуетъ нашу новую школу изъ-за упадка въ ней русскаго языка“. Спрашивается: „какъ, какимъ средствомъ и черезъ какой матеріалъ наши дѣти усвоятъ себѣ формы этихъ двухъ древнихъ языковъ, если русскій языкъ въ упадкѣ“? (V, 411). Чтобы способствовать поднятію въ нашихъ гимназіяхъ знанія родного языка, Достоевскій указываетъ, съ своей стороны, на нѣкоторые пріемы, ведущіе къ надлежащему усвоенію родной рѣчи. Такъ онъ настаиваетъ на необходимости заучиванія наизусть памятниковъ родного слова, начиная съ нашихъ древнихъ временъ: отрывковъ „изъ лѣтописей, изъ былинъ и даже съ церковно-славянскаго языка, — и именно наизусть, не взирая даже на ретроградство заучиванія наизусть“ (ib. 410). Другія замѣтки по вопросу о нашихъ гимназіяхъ встрѣчаемъ мы въ его „Записной книжкѣ“. Судя по смыслу не оконченныхъ, едва наброшенныхъ фразъ, которыя находимъ мы въ этой книжкѣ, можно заключать, что Достоевскій считалъ примѣненіе у насъ классической системы слишкомъ безпочвеннымъ и не подготовленнымъ предварительнымъ ходомъ школьнаго дѣла. Слѣдовало, по его мнѣнію, совершать это исподоволь, „вводя постепенно, не насаждая образованія, а постепенно приготовляя почву. Талантливѣйшіе вышли бы классиками, и вотъ мало-

по-малу получился бы контингентъ молодежи съ правильнымъ образованіемъ. Они бы и послужили началомъ будущему. Тѣмъ временемъ, черезъ извѣстные періоды, каждыя пять лѣтъ, напримѣръ, или каждые четыре года, можно бы и умножить постепенно часы для классическихъ языковъ . . . Долго ждать, но было бы вѣрнѣе. А то все разомъ . . . У насъ все вдругъ. Выдумали чеховъ, холодныхъ, безучастныхъ, враждебныхъ къ юношеству, не знающихъ русскаго языка и свысока смотрящихъ на русскій языкъ. Ихъ ненавидѣли, презирали и смѣялись надъ ними. Иногда даже патріотическое чувство въ мальчикѣ было оскорблено, а у насъ ужасъ какъ немного оставалось его“ . . .*) Въ другомъ мѣстѣ той же „Записной книжки“ находимъ слѣдующую замѣтку: „Произвели классическую реформу отвлеченно. Главное, забыли, что мы не Европа. За насажденіе великой мысли спасибо Каткову и покойному Леонтьеву, ну а за примѣненіе мысли нельзя похвалить. Ввели дубиной . . . — „Чтобъ не было идей“. Наберутся своихъ, тогда хуже. — Исторія у насъ дала бы духовныя идеи. Духовныя идеи у нѣмецкаго мальчика другія: его строй, его бытъ, его національность. А у насъ въ семействахъ лишь растлѣніе. Исторія бы спасла отъ растлѣнія и направила бы умъ юноши хотя бы въ міръ историческій изъ отвлеченнаго бреда и бурды, составляющихъ духовный міръ нашего общества. Однимъ словомъ, поступили не національно“ **).

Приведенными выдержками исчерпывается все, что сказано Достоевскимъ по вопросу о школѣ, какъ области, имѣющей непосредственное отношеніе къ дѣтскому міру. Мы видимъ, что и здѣсь, какъ и въ большей части приведенныхъ нами сужденій Достоевскаго, прежде всего выступаетъ на видъ отрицательный характеръ его отношеній къ дѣйствительности. Въ этомъ обличительномъ тонѣ нельзя до извѣстной степени не видѣть обычныхъ отношеній къ жизни, установившихся въ нашей, какъ художественной, такъ и публицистической литературѣ. Но откуда бы ни истекалъ вообще этотъ отрицательный тонъ, — изъ несовершенства ли самой жизни или изъ особенностей того направленія нашей литературы, которое преобладало въ ней съ Гоголя и которому отдалъ дань и Достоевскій, — нельзя не видѣть, что за этимъ отрицательнымъ отношеніемъ къ жизни стоятъ опредѣленные и положительные идеалы самого писателя, къ которымъ онъ примѣняетъ и во имя которыхъ осуждаетъ несоотвѣтствующую ему дѣйствительность. На этихъ идеалахъ зиждутся и всѣ высказанныя имъ сужденія, отъ нихъ же исходитъ и то освѣщеніе, въ которомъ представляетъ онъ различныя явленія жизни. Уяснить себѣ эти идеалы — значитъ схватить самое внутреннее зерно его воззрѣній на дѣтство и тѣмъ самымъ вполнѣ установить въ своемъ пониманіи значеніе тѣхъ картинъ изъ области дѣтской жизни, которыя находимъ мы на страницахъ его романовъ. Посмотримъ, какого же рода были его собственныя мысли о дѣтской средѣ и что желалъ бы онъ поставить на мѣсто

*) Біографія, письма и замѣтки изъ Записной книжки Ѳ. М. Достоевскаго. Спб. 1883. стр. 361.

**) ibid. 367.

изображаемыхъ и обозрѣваемыхъ имъ явленій, относящихся къ области дѣтской жизни. Это будетъ послѣднее звено въ ряду тѣхъ вопросовъ, съ которыми мы подходили къ богатому содержанію произведеній Достоевскаго

IX.

Дѣтская среда, представителей которой Достоевскій вывелъ въ своихъ романахъ и которой удѣлилъ не мало страницъ въ своемъ „Дневникѣ“, постоянно является у него съ нѣкоторой долей идеализаціи. Въ сущности, между его дѣтскими типами нѣтъ ни одного безусловно дурного. Во всѣхъ нихъ основа души въ глубинѣ своей чиста и непорочна. Даже Лиза Хохлакова, въ которой мы больше всего, по сравненію съ другими дѣтьми у Достоевскаго, наблюдаемъ поврежденія нравственныхъ основъ, далеко не лишена симпатическихъ свойствъ: это лишь измученное болѣзнію и худо направленное существо, но далеко не злое и не безнравственное по природѣ. Соотвѣтственно этому и во всѣхъ вообще произведеніяхъ Достоевскаго дѣтская природа постоянно выставляется съ идеальной стороны, а вмѣстѣ съ тѣмъ и требованія, которыя предъявляются имъ для нашихъ отношеній къ дѣтскому міру, въ pendant къ тому, что представлено имъ совершающимся въ дѣйствительности, указываютъ намъ, какъ высоко цѣнилъ онъ душевный міръ дѣтей.

Постараемся провѣрить сказанное на его собственныхъ словахъ.

Отвѣтимъ прежде всего на вопросъ, какъ понимается Достоевскимъ дѣтская природа со стороны ея субстанціальныхъ свойствъ. Какъ мы могли видѣть, его художественныя произведенія представляютъ много данныхъ для изученія внутреннихъ процессовъ дѣтской душевной жизни и тѣмъ самымъ не мало способствуютъ пониманію духовной природы ребенка. Въ данномъ случаѣ мы остановимся исключительно на томъ, что сказано въ этомъ отношеніи Достоевскимъ непосредственно отъ своего лица.

Съ бо́льшей опредѣленностью высказывается онъ по этому вопросу въ замѣткахъ по дѣлу Кр—га, о которомъ говорено выше. „Вы скажете, что мы должны исправлять дѣтей“ обращается Достоевскій къ защитнику обвиняемаго. — „Слушайте: мы не должны превозноситься надъ дѣтьми, мы ихъ хуже. И если мы учимъ ихъ чему нибудь, чтобъ сдѣлать ихъ лучшими, то и они насъ учатъ многому и тоже дѣлаютъ насъ лучшими уже однимъ только нашимъ соприкосновеніемъ съ ними. Они очеловѣчиваютъ нашу душу однимъ только своимъ появленіемъ между нами. А потому мы ихъ должны уважать и подходить къ нимъ съ уваженіемъ, къ ихъ лику ангельскому (хотя бы и имѣли ихъ научить чему), къ ихъ невинности, даже и при порочной какой нибудь въ нихъ привычкѣ, къ ихъ безотвѣтственности и трогательной ихъ беззащитности“ (V, 306). „Знаете ли, пишетъ онъ далѣе — что́ такое оскорбить ребенка? Сердца ихъ полны любовію невинною, почти безсознательною, а такіе удары (рѣчь идетъ объ ударахъ въ буквальномъ смыслѣ, наносимыхъ съ цѣлью причиненія физической боли)

вызываютъ въ нихъ горестное удивленіе и слезы, которыя видитъ и сочтетъ Богъ“ (ibid.). Съ этими сужденіями совершенно естественно вяжется тотъ взглядъ Достоевскаго на личную отвѣтственность ребенка за совершаемые имъ проступки, который высказанъ имъ по тому же поводу. По смыслу его словъ, дурные поступки далеко не всегда свидѣтельствуютъ о нравственной испорченности ребенка. „Въ такихъ лѣтахъ чѣмъ же она сама (та семилѣтняя дѣвочка, изъ-за которой возбуждено было дѣло о жестокомъ обращеніи) могла быть виновною въ своихъ дурныхъ привычкахъ?“ спрашиваетъ Достоевскій. „У ней нѣтъ еще и не можетъ быть столько ума, чтобъ замѣтить въ себѣ худое“ (ib. 306). „Вѣдь ихъ (дѣтей) разсудокъ никогда не въ силахъ понять всей вины ихъ“ (ib. 307). На судѣ было сдѣлано, между прочимъ, со стороны защиты привлеченныхъ къ обвиненію родителей заявленіе, что дѣвочка добиралась до отцовскихъ денегъ. „Я поддерживаю полную безотвѣтственность дѣвочки въ этомъ дѣлѣ, — восклицаетъ Достоевскій, — если даже и допустить, что у ней были дурныя привычки, и, что-бы вы ни говорили, вы не можете оспорить этой безотвѣтственности семилѣтняго ребенка“ (ib. 306). „Это выраженіе (добираться до денегъ) и понятіе, съ нимъ сопряженное, примѣнимо лишь къ взрослому вору, понимающему, что̀ такое деньги, и употребленіе ихъ“ (ib. 308). Безотвѣтственность ребенка имѣетъ вообще тѣмъ больше основаній, что не только воля его легко подчиняется чужому вліянію, но и самую мысль его можно направить, какъ угодно. Дѣтямъ легко можно внушать даже ложь и клевету на самихъ себя, что̀ опять, по мнѣнію Достоевскаго, вполнѣ раскрывается въ разбираемомъ дѣлѣ. „Дѣвочка, разумѣется, выдумала, что хотѣла взять деньги, выдумала изъ фантазіи, или потому, что ей было такъ внушено . . . Безотвѣтственнаго ребенка просто увѣрили въ эти мѣсяцы, что онъ кралъ, даже совсѣмъ и не увѣряя увѣрили, и единственно тѣмъ, что она безпрерывно выслушивала, какъ ежедневно всѣ кругомъ нея говорятъ про нее, что она воровка“ (ib. 302).

Отсюда вполнѣ послѣдовательными являются высказанныя Достоевскимъ въ разныхъ мѣстахъ его сочиненій сужденія о томъ, каковы должны быть отношенія къ дѣтямъ со стороны насъ, взрослыхъ. Уже въ романахъ его мы встрѣчаемъ такого рода указанія, которыя можно принять за выраженіе личныхъ убѣжденій писателя. Если вообще полная объективность дѣло трудное въ такомъ видѣ поэзіи, какъ современный романъ, то особенно это можно сказать по отношенію къ писательской дѣятельности Достоевскаго. Независимо отъ того, что вообще эпическое изображеніе жизни, которое даетъ романистъ, получаетъ освѣщеніе отъ тѣхъ взглядовъ, съ какими подходитъ писатель къ предмету изображенія, романы Достоевскаго сами по себѣ заключаютъ слишкомъ много субъективнаго элемента. За тѣми изображеніями, которыя онъ даетъ намъ, нерѣдко стоитъ онъ самъ, какъ бы съ своимъ судомъ надъ выставленными имъ лицами и явленіями. Мало того, мѣстами онъ даже вовсе выходитъ изъ роли художника, облекающаго свои идеи въ пластическіе образы, и выражаетъ ихъ непосредственно, то лично отъ себя,

то — что̀ еще чаще — устами самихъ дѣйствующихъ лицъ. Такого рода субъективизмомъ проникнутъ, напримѣръ, его „Идіотъ“, въ которомъ не трудно выдѣлить сужденія, представляющія лучшія, идеальныя мечты самого Достоевскаго. Тамъ, между прочимъ, есть нѣсколько замѣчаній, указывающихъ на то, каковыми, по мнѣнію Достоевскаго, должны быть истинныя отношенія къ дѣтямъ. Извѣстно, что отношенія „идіота“, князя Мышкина, къ людямъ представляетъ собою самый лучшій примѣръ простоты, естественности и добросердечія. Оставляемъ въ сторонѣ психологическую, точнѣе сказать психопатологическую, основу характера этого лица: откуда бы ни исходили указанныя свойства, которыми отличается князь Мышкинъ въ обращеніи съ людьми, они во всякомъ случаѣ выставляютъ намъ его въ идеальномъ свѣтѣ. И вотъ этотъ-то „идіотъ“-князь разсказываетъ въ высшей степени поучительную для насъ исторію своихъ отношеній къ дѣтямъ швейцарской деревушки, въ которой онъ долгое время жилъ. Своимъ обращеніемъ съ ними онъ явно пошелъ наперекоръ установившимся на этотъ счетъ понятіямъ. Онъ былъ откровененъ, объяснялъ дѣтямъ все, просто, не стараясь лицемѣрно прикрыть такія стороны вещей, въ которыхъ взрослые хотятъ видѣть одну пошлость. Его осуждали за это, считали вреднымъ, но правда оказалась на его сторонѣ, а не на сторонѣ тѣхъ, которые вооружались противъ него будто бы во имя нравственности и пониманія дѣтской природы. Вотъ что заставляетъ его говорить Достоевскій о дѣтяхъ: „Ребенку можно все говорить, — все; меня всегда поражала мысль, какъ плохо знаютъ большіе дѣтей, отцы и матери даже своихъ дѣтей. Отъ дѣтей ничего не надо утаивать подъ предлогомъ, что они маленькіе и что имъ рано знать. Какая грустная и несчастная мысль! И какъ хорошо сами дѣти подмѣчаютъ, что отцы считаютъ ихъ слишкомъ маленькими и ничего не понимающими, тогда какъ они все понимаютъ. Большіе не знаютъ, что ребенокъ даже въ самомъ трудномъ дѣлѣ можетъ дать чрезвычайно важный совѣтъ. О, Боже! когда на васъ глядитъ эта хорошенькая птичка, довѣрчиво и счастливо, вамъ вѣдь стыдно ее обмануть! . . Черезъ дѣтей душа лѣчится“ (III, „Ид.“ 40). Вся исторія отношеній „Идіота“ къ дѣтямъ представляетъ много интереснаго и поучительнаго. Дѣти сначала не полюбили его, можетъ быть, за одну его внѣшность, смѣялись надъ нимъ, даже камнями стали въ него кидать: словомъ, извращенныя понятія ихъ отцовъ и матерей привились и имъ. Перемѣна въ ихъ чувствахъ къ нему произошла [illegible] времени, когда онъ прямо обратился къ нимъ и указалъ на несправедливость ихъ отношеній къ одной оскорбленной и всѣми брошенной дѣвочкѣ, сдѣлавшейся посмѣшищемъ всего населенія деревни, отъ мала до велика. Эта дѣвушка была брошена ея соблазнителемъ на произволъ судьбы. Все населеніе деревни кидало въ нее за это грязью; дѣти вторили ему и не давали несчастной прохода. Князь попробовалъ усовѣстить ихъ. Дѣти сначала останавливались и слушали его увѣщанія, потомъ мало-по-малу измѣнили свой образъ дѣйствій въ отношеніи несчастной, а вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнили и свои отношенія къ самому князю. И вотъ въ концѣ концовъ

между нимъ и дѣтьми установилась самая тѣсная дружба. Она основалась исключительно на правдимомъ и безыскусственномъ отношеніи къ дѣтямъ со стороны „Идіота“, которое, въ свою очередь, вызвало подобное же отношеніе къ нему со стороны дѣтей. Больной князь излѣчился и отъ своей меланхоліи собственно черезъ дѣтей: первоначально, по его словамъ, онъ „сталъ ощущать какое-то чрезвычайно сильное и счастливое ощущеніе при каждой встрѣчѣ съ ними.“ „Я останавливался и смѣялся отъ счастья, глядя на ихъ маленькія, мелькающія и вѣчно бѣгущія ножки, на мальчиковъ и дѣвочекъ, бѣгущихъ вмѣстѣ, на смѣхъ и слезы, — — и я забывалъ тогда всю тоску мою.“ Потомъ, во все время дружбы съ ними, онъ и „понять не могъ, какъ тоскуютъ и зачѣмъ тоскуютъ люди“ (ib. 44). Насколько само по себѣ вѣрно въ психологической своей основѣ отмѣченное здѣсь явленіе, представляющее благотворное вліяніе дѣтской среды на душевно-страдающаго человѣка, оцѣнить это — дѣло психіатріи. Для насъ это замѣчаніе, независимо отъ его психологическаго значенія, важно, какъ выраженіе личныхъ взглядовъ Достоевскаго по вопросу о томъ, въ чемъ должны заключаться истинныя отношенія къ дѣтямъ.

И другія лица романовъ Достоевскаго, болѣе или менѣе идеализируемыя имъ, проявляютъ въ своихъ отношеніяхъ къ дѣтямъ ту же черту, которая составляетъ отличительную особенность „Идіота“. Такъ Алеша Карамазовъ, при встрѣчѣ съ школьниками на улицѣ, „безо всякой предумышленной хитрости началъ прямо съ дѣлового замѣчанія.“ Достоевскій добавляетъ при этомъ отъ себя, „что взрослому и нельзя начинать иначе, если надо войти прямо въ довѣренность ребенка и особенно цѣлой группы дѣтей. Надо именно начинать серіозно и дѣловито и такъ, чтобы было совсѣмъ на равной ногѣ“ (VI, 123).

Мы не имѣли бы, конечно, права отождествлять высказанныхъ героями Достоевскаго убѣжденій съ личными воззрѣніями писателя, если бы между непосредственно выраженными самимъ Достоевскимъ сужденіями не встрѣчались такія, которыя напоминаютъ собою сужденія и поступки созданныхъ имъ героевъ. Тотъ субъективизмъ, о которомъ мы говорили выше и который составляетъ отличительную особенность Достоевскаго, какъ художника, особенно становится ясенъ при сопоставленіи его романовъ съ „Дневникомъ“. Въ этомъ послѣднемъ мы находимъ много замѣчаній, буквально сходныхъ съ тѣми, какія можно найти въ художественныхъ произведеніяхъ Достоевскаго. Достаточно указать въ этомъ отношеніи на одно изъ приведенныхъ уже нами замѣчаній по дѣлу Кр—га: „мы не должны превозноситься надъ дѣтьми . . . Мы ихъ должны уважать и подходить къ нимъ съ уваженіемъ, къ ихъ лику ангельскому.“ Въ этихъ словахъ Достоевскаго такъ и слышится отзвукъ тѣхъ самыхъ словъ, въ которыхъ передавалъ свой взглядъ на дѣтей „Идіотъ“. Такимъ же тономъ проникнуты и всѣ другія мѣста „Дневника“, въ которыхъ говорится о дѣтяхъ. Достоевскій не измѣнялъ этому тону никогда, и во всѣхъ своихъ сужденіяхъ объ отношеніи къ дѣтямъ онъ держится той именно точки зрѣ-

на природу ребенка, съ какой судитъ о ней въ вышеприведенномъ мѣстѣ. Достаточно указать на одно, по нашему мнѣнію, самое характерное мѣсто. Заканчивая свои сужденія о судебномъ процессѣ родителей Дж—скихъ, по существу весьма сходномъ съ дѣломъ Кр—га, Достоевскій заставляетъ въ своемъ воображеніи предсѣдателя суда произнести „фантастическую рѣчь“, обращенную къ только-что оправданнымъ присяжными подсудимымъ. Въ этой „рѣчи“ онъ совершенно опредѣленно высказывается о тѣхъ чувствахъ, которыя должны быть положены съ нашей стороны въ основу отношеній къ дѣтямъ. „Ищите любви и копите любовь въ сердцахъ вашихъ“, говоритъ оправданнымъ по суду Дж—имъ его воображаемый предсѣдатель. „Любовь столь всесильна, что перерождаетъ и насъ самихъ. Любовью лишь купимъ сердца дѣтей нашихъ, а не однимъ лишь естественнымъ правомъ надъ ними. Да и самая природа изъ всѣхъ обязанностей нашихъ наиболѣе помогаетъ намъ въ обязанностяхъ передъ дѣтьми, сдѣлавъ такъ, что дѣтей нельзя не любить. Да и какъ не любить ихъ? Если уже перестанемъ дѣтей любить, то кого же послѣ того мы сможемъ полюбить и что станется тогда съ нами самими? Вспомните тоже, что лишь для дѣтей и для ихъ золотыхъ головокъ Спаситель нашъ обѣщалъ намъ „сократить времена и сроки“. „Ради нихъ сократится мученіе перерожденія человѣческаго общества въ совершеннѣйшее. Да совершится же это совершенство и да закончатся, наконецъ, страданія и недоумѣнія цивилизаціи нашей“ (V, 645—646).

Изъ этихъ словъ, равно какъ и изъ всего, что было высказано Достоевскимъ о положеніи воспитательнаго дѣла и дѣтскаго вопроса вообще въ современномъ ему обществѣ, можно съ достаточною опредѣленностію заключать, какъ смотрѣлъ онъ на цѣли и средства воспитанія. По смыслу высказанныхъ имъ сужденій, воспитаніе прежде всего должно преслѣдовать цѣли гуманитарныя. Въ виду этого, какъ обстановка, окружающая ребенка, такъ и практикуемые руководителями воспитательные пріемы должны прежде всего и больше всего способствовать утвержденію въ немъ зачатковъ положительнаго и прекраснаго, которыми и будетъ питаться дѣтская душа во всю предстоящую жизнь. Но чтобы достигнуть этой цѣли, для этого самимъ отцамъ нужна прежде всего идея жизни, которая бы руководила ими, — нужна, по крайней мѣрѣ, вѣра въ такую идею, ибо эта вѣра уже сама по себѣ составляетъ великую воспитательную силу. „Есть такіе случаи — говоритъ Достоевскій, что даже самый падшій изъ отцовъ, но еще сохранившій въ душѣ своей хотя-бы только отдаленный прежній образъ великой мысли и великой вѣры въ нее, могъ и успѣвалъ пересаждать въ воспріимчивыя и жаждущія души своихъ жалкихъ дѣтей это сѣмя великой мысли и великаго чувства и былъ прощенъ потомъ своими дѣтьми всѣмъ сердцемъ за одно это благодѣяніе, несмотря ни на что остальное. Безъ зачатковъ положительнаго и прекраснаго нельзя выходить человѣку въ жизнь изъ дѣтства, безъ зачатковъ положительнаго и прекраснаго нельзя пускать поколѣніе въ путь“ (V, 636—637). Не принимая на себя спеціальной задачи — давать указанія по вопросу о томъ, къ какимъ путямъ и пріемамъ должно

обращаться воспитаніе, Достоевскій тѣмъ не менѣе иногда совершенно опредѣленно высказываетъ свои воззрѣнія на этотъ предметъ. Отмѣтимъ здѣсь нѣкоторыя, какъ бы мимоходомъ брошенныя имъ мысли. Старецъ Зосима, личность котораго, конечно, создалась на идеалахъ самого Достоевскаго, видитъ великую воспитательную силу въ молитвѣ. „Юноша, не забывай молитвы," — говоритъ онъ въ своемъ поученіи. „Каждый разъ въ молитвѣ твоей, если искренна, мелькнетъ новое чувство, а въ немъ и новая мысль, которую ты прежде не зналъ и которая вновь ободритъ тебя: и поймешь, что молитва есть воспитаніе" (VI, 218). Тотъ же Зосима говоритъ о дѣтяхъ: „ребенку надо солнце, дѣтскія игры и всюду свѣтлый примѣръ и хоть каплю любви къ нему .... Да не будетъ истязанія дѣтей; возстаньте и проповѣдуйте сіе скорѣе, скорѣе" (ib. 216). Какую силу имѣетъ любовь и какое вліяніе оказываетъ она на ребенка, можно было видѣть на приведенныхъ примѣрахъ маленькихъ героевъ Достоевскаго. По этимъ примѣрамъ нельзя не признать, какъ обаятельно дѣйствуетъ на ребенка уже одно ласковое обращеніе съ нимъ. Мы видѣли, что Нелли преобразилась подъ вліяніемъ теплыхъ отношеній къ ней Ивана Петровича и Ихменевыхъ, что Нета и Илюша жили исключительно тѣми чувствами, которыя питали они къ полюбившимъ ихъ людямъ: первая — къ Катѣ второй — къ отцу. Личныя сужденія Достоевскаго дополняютъ тѣ выводы, которые можно сдѣлать изъ этихъ живыхъ примѣровъ. По заявленію его, не приложивъ любви, „нельзя браться за воспитаніе". „Эти созданія" — говоритъ онъ про дѣтей — тогда только вторгаются въ душу нашу и приростаютъ къ нашему сердцу, когда мы, родивъ ихъ, слѣдимъ за ними съ дѣтства, не разлучаясь, съ первой улыбки ихъ, и затѣмъ продолжаемъ родниться взаимно душою каждый день, каждый часъ, въ продолженіе всей жизни нашей. Вотъ это семья, вотъ это святыня! Семья, вѣдь, тоже созидается, а не дается готовою, и никакихъ правъ, и никакихъ обязанностей не дается тутъ готовыми, а всѣ они сами собою, одно изъ другого вытекаютъ ... Созидается же семья неустаннымъ трудомъ любви" (V, 307). Но разъ въ отношенія къ дѣтямъ вносится начало любви, уже не можетъ быть мѣста жестокостямъ и суровымъ наказаніямъ. По словамъ Достоевскаго, „розга въ семействѣ есть продуктъ лѣни родительской, неизбѣжный результатъ лѣни. Все, что можно бы сдѣлать трудомъ и любовью, неустанной работой надъ дѣтьми и съ дѣтьми, все, чего можно бы было достигнуть разсудкомъ, разъясненіемъ, внушеніемъ, терпѣніемъ, воспитаніемъ и примѣромъ, — всего того слабые, лѣнивые, но нетерпѣливые отцы полагаютъ всего чаще достигнуть розгой: „не разъясню, а прикажу, не внушу, а заставлю". Каковъ же результатъ выходитъ? Ребенокъ хитрый, скрытный, непремѣнно покорится и обманетъ васъ, и розга ваша не исправитъ, а только развратитъ его. Ребенка слабаго, трусливаго и сердцемъ нѣжнаго — вы забьете. Наконецъ, ребенка добраго, простодушнаго, съ сердцемъ прямымъ и открытымъ — вы сначала измучаете, а потомъ ожесточите и потеряете его сердце. Трудно, часто очень трудно дѣтскому

сердцу отрываться отъ тѣхъ, кого оно любитъ; но если оно уже оторвется, то въ немъ зарождается страшный, неестественно ранній цинизмъ, ожесточеніе, и извращается чувство справедливости" (V, 643—644). Все это не означаетъ, конечно, что наказаніе, по Достоевскому, не должно входить въ число воспитательныхъ мѣръ. Въ отдѣльныхъ случаяхъ Достоевскій даже самъ указываетъ на необходимость прибѣгнуть къ наказанію. Такъ, по его словамъ, проступокъ дѣтей Дж—скихъ, которыя будто бы били прутьями мертвую, лежавшую на столѣ сестру (см. V, 637 и сл.), самъ собою вызывалъ потребность строгаго наказанія (V, 641); тоже рекомендуется имъ по отношенію къ другому поступку, совершенному однимъ изъ этихъ же дѣтей (ib. 642), на который также ссылались на судѣ; но никогда, по смыслу его словъ, кара, назначаемая ребенку, не должна сопровождаться потерей вѣры въ него, вѣры въ возможность его исправленія.

Съ этими сужденіями Достоевскаго нельзя не сопоставить нѣсколькихъ частныхъ его замѣчаній, весьма любопытныхъ въ томъ отношеніи, что они отъ общихъ положеній приводятъ насъ къ воззрѣніямъ на практику воспитательнаго дѣла.

Въ январскомъ номерѣ „Дневника" за 1876 г. Достоевскій описываетъ свое посѣщеніе колоніи малолѣтнихъ преступниковъ. Типъ дѣтей-преступниковъ, о которыхъ приходилось говорить ему на страницахъ этого номера, представляетъ много особенныхъ, свойственныхъ одному ему чертъ, и потому приходится пожалѣть, что мы не встрѣчаемъ у Достоевскаго художественнаго воспроизведенія этого типа. Но не давая ни одного художественнаго примѣра въ этомъ родѣ, Достоевскій много говоритъ о дѣтяхъ-преступникахъ въ своемъ „Дневникѣ". Отмѣчая тамъ нѣкоторыя особенности душевнаго быта этихъ дѣтей на основаніи тѣхъ наблюденій, которыя сообщены были ему ближайшими ихъ руководителями, онъ останавливается, между прочимъ, на употребляемыхъ въ колоніи исправительныхъ мѣрахъ. Правда, онъ главнымъ образомъ ограничивается здѣсь лишь сообщеніемъ того, что пришлось ему узнать по этому поводу отъ воспитателей колоніи, но въ тонѣ, которымъ онъ сообщаетъ слышанное, въ отдѣльныхъ, мимоходомъ брошенныхъ словахъ, слышится, что это въ тоже время и его собственныя мнѣнія. Такъ, очевидно, Достоевскій и самъ держится того мнѣнія, что наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ перевоспитанія опороченной души долженъ быть признанъ трудъ. Воспитательная сила труда, по смыслу замѣчаній Достоевскаго, состоитъ не только въ томъ, что онъ наполняетъ собою существованіе дѣтей и чрезъ это препятствуетъ дальнѣйшему развитію въ нихъ дурныхъ наклонностей, но и въ томъ, что онъ вызываетъ въ трудящихся чувство соревнованія и тѣмъ самымъ выводитъ ихъ душу изъ мрачно-равнодушнаго настроенія (V 272). Затѣмъ, вторымъ такимъ средствомъ является товарищескій самосудъ, введенный въ общежитіе преступниковъ, по рѣшенію котораго провинившійся въ колоніи мальчикъ можетъ быть удаленъ изъ общества товарищей и подвергнутъ одиночному заключенію. Раздѣляя мнѣніе о важности самосуда, какъ средства для духовнаго развитія

этихъ дѣтей, Достоевскій однако отзывается о немъ, какъ о мѣрѣ черезчуръ книжной и обоюдоотсрой. Опасность, которую представляетъ эта мѣра, прежде всего заключается въ томъ, что личностей болѣе талантливыхъ и умныхъ изъ числа этихъ дѣтей „можетъ укусить самолюбіе и ненависть къ рѣшенію среды; а среда почти всегда середина“. Вторую опасность представляетъ то обстоятельство, что „судящіе мальчики могутъ не понимать и сами-то хорошо своего дѣла.“ Наконецъ, самъ по себѣ самосудъ можетъ произвести рознь между дѣтьми, открывая возможность появленія въ душѣ осужденныхъ непріязненнаго чувства на долгое время (ibid.). Также смотритъ Достоевскій и на ту манеру обращенія, которой держались въ отношеніи этихъ дѣтей ихъ воспитатели. „Гуманное и до тонкости предупредительное обращеніе“ ихъ съ мальчиками, выражающееся, между прочимъ, въ обращеніи на вы, есть, по его мнѣнію, такая же искусственная мѣра, какъ и самосудъ. „Въ вы заключается какъ бы нѣчто формальное и казенное; „ты было бы болѣе похожимъ на реальную правду въ настоящемъ случаѣ, а тутъ какъ бы всѣ немного притворяются“ (ib. 273).

Лично отъ себя въ положительномъ смыслѣ Достоевскій высказывается за чтеніе, видя въ немъ не только развивающее, но и воспитывающее средство. Тѣмъ не менѣе онъ не берется рѣшить, какой подборъ читаемаго матеріала былъ бы наиболѣе подходящимъ въ данномъ случаѣ. „Можетъ быть, — замѣчаетъ онъ, — эти покрытыя мракомъ души съ радостію и умиленіемъ открылись бы самымъ наивнымъ, самымъ наивно-простодушнымъ впечатлѣніямъ, совершенно дѣтскимъ и простымъ, такимъ, надъ которыми свысока усмѣхнулся бы ломаясь современный гимназистъ или лицеистъ, сверстникъ лѣтами этихъ преступныхъ дѣтей“ (ib. 274). Думаетъ онъ также, что „рядъ чистыхъ, святыхъ, прекрасныхъ картинъ“ изъ священной исторіи, но „безъ особой казенной морали“, „сильно подѣйствовалъ бы на ихъ жаждущія прекрасныхъ впечатлѣній души“ (ibid. 275).

Этими замѣтками исчерпывается все, что содержатъ собственныя сужденія Достоевскаго по вопросу о выборѣ воспитательныхъ средствъ. Какъ видимъ, эти замѣчанія касаются совсѣмъ особаго, отдѣльно стоящаго уголка жизни, но едва ли самъ Достоевскій придавалъ имъ значеніе только въ условіяхъ примѣненія къ этой исключительно области дѣтскаго міра. Если принять во вниманіе, съ одной стороны, что основа души дѣтей-преступниковъ, при всей неправильности ихъ развитія, при всемъ ихъ, какъ моральномъ, такъ и интеллектуальномъ несовершенствѣ, все-таки остается неповрежденной въ первыхъ своихъ началахъ, съ другой, — что самыя указанныя мѣры имѣютъ слишкомъ общій характеръ, то нельзя будетъ не признать за приведенными сужденіями Достоевскаго общаго значенія, поднимающаго ихъ до степени обще-воспитательныхъ положеній.

На этомъ мы и оканчиваемъ свое обозрѣніе сочиненій Достоевскаго со стороны ихъ отношенія къ вопросамъ о дѣтяхъ и дѣтской жизни. Мы

извлекли изъ нихъ по возможности все, что представляетъ съ этой стороны готъ или другой интересъ. Окидывая въ заключеніе однимъ общимъ взглядомъ содержаніе всего даннаго имъ по настоящему вопросу, мы должны будемъ признать, что все извлеченное нами изъ его сочиненій, — начиная съ художественнаго воспроизведенія подмѣченныхъ въ жизни явленій и типовъ и кончая послѣдними замѣчаніями, содержащими личныя мнѣнія Достоевскаго, — представляетъ цѣнный вкладъ въ педагогическую психологію. Въ самомъ дѣлѣ, при всемъ томъ, что группа выведенныхъ Достоевскимъ представителей дѣтскаго міра далеко не выражаетъ собою всѣхъ наблюдаемыхъ въ дѣйствительности разновидностей дѣтскаго характера, при всей своеобразности большинства представителей этой группы, при всей, наконецъ, общности высказанныхъ писателемъ лично отъ себя сужденій, — мы можемъ наблюдать чрезъ произведенія Достоевскаго дѣтскій характеръ въ самыхъ различныхъ точкахъ его соприкосновенія съ внѣшнимъ міромъ: предъ нами намѣчаются прежде всего существенныя и общія, такъ сказать, субстанціальныя свойства дѣтской души, раскрывается далѣе, хотя отчасти, степень отзывчивости, съ которою воспринимаетъ дѣтскій характеръ вліяніе окружающей жизни; наконецъ, мы видимъ здѣсь этотъ характеръ въ его собственномъ вліяніи на окружающую жизнь. Не все здѣсь представлено въ ясномъ и типичномъ изображеніи: многое дается въ формѣ общихъ сужденій, иногда близкихъ къ афоризмамъ самаго общаго характера; но общепризнанныя за Достоевскимъ глубина наблюденія и широта пониманія психическихъ основъ человѣческой жизни даютъ право видѣть въ этихъ общихъ сужденіяхъ положенія, основанныя на вѣрномъ представленіи хода дѣтской душевной жизни и потому не лишенныя психологическаго значенія. Какой же заключительный выводъ можетъ сдѣлать для себя педагогика изъ всѣхъ этихъ полныхъ психологической правды данныхъ? Выводъ тотъ, что нужно внимательно относиться къ природѣ ребенка, прежде всего стараться понять ее, а главное — не предпочитать мертвой формы условныхъ педагогическихъ положеній живому дѣлу наблюденія надъ тѣмъ броженіемъ, которымъ обыкновенно сопровождается внутренній ростъ ребенка. Съ этой стороны, все содержаніе произведеній Достоевскаго есть напоминаніе о томъ завѣтѣ, исполненіе котораго, конечно, вмѣняется намъ, какъ самое первое и необходимое условіе при всѣхъ случаяхъ общенія нашего съ дѣтскимъ міромъ: „блюдите, да не презрите единаго отъ малыхъ сихъ“.

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Строка*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
2	3 сн.	типа	типовъ
4	22 св.	это доброту	эту доброту
5	19 сн.	духѣ	душѣ
6	2 св.	развитія	развиться
7	20 св.	оно	она
—	13 сн.	впечатленіями	впечатлѣніями
—	12 сн.	мучаясь	мучась
—	10 сн.	Снегирева	Снѣгирева
9	3 св.	другого	другого,
16	13 св.	присушая	присущая
17	6 св.	видно	видны
19	2 св.	рукъ. Ибо	рукъ, ибо
20	10 св.	К.	Кѫ
21	3 св.	характерна	характерна
23	7 сн.	Вадбольскаго	Вальковскаго
25	18 св.	періодѣ	періодъ
—	3 сн.	впредсталенія	представленія
27	4 св.	остановиться	не останавливаться
—	8 св.	вопросъ,	вопросъ:
—	12 св.	уже	же
—	14 св.	присмотриваясь	присматриваясь
30	10 сн.	и „мечта“	„мечта“
31	21 сн.	маленькій герой	„Маленькій герой“
33	7 св.	разсматрываетъ	разсказываетъ
35	20 св.	цинизъ	цинизмъ
37	18 св.	разорительный	разительный
41	21 св.	показыаютъ	показываютъ
43	10 св.	бѣшеннаго	бѣшенаго
—	18 сн.	собственно не оскорблялось	самолюбіе собственно не оскорблялось
—	—	только	а только
47	1 св.	Изъ	Въ
—	20 св.	изпуганнымъ	испуганнымъ
48	15 сн.	содерживаясь	сдерживаясь
49	18 св.	своему пониманію	пониманію
50	3 св.	Во-первыхъ	во-первыхъ
51	24 св.	пронизенный	пронзенный
67	22 св.	январьскомъ	январскомъ
72	10 сн.	выводить	выводитъ

Типографская-ошибка:

на 10-ой страницѣ 1-ая строка помѣщена послѣдней.